

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

5
1968

ЛИТЕРАТУРНО-
ИСКУССТВЕННЫЙ
МЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

**Приключения
и фантастика**

**Рассказы
бывалых людей**

**Мечты
современников**

**Занимательное
краеведение**

**Следопытские
дела**

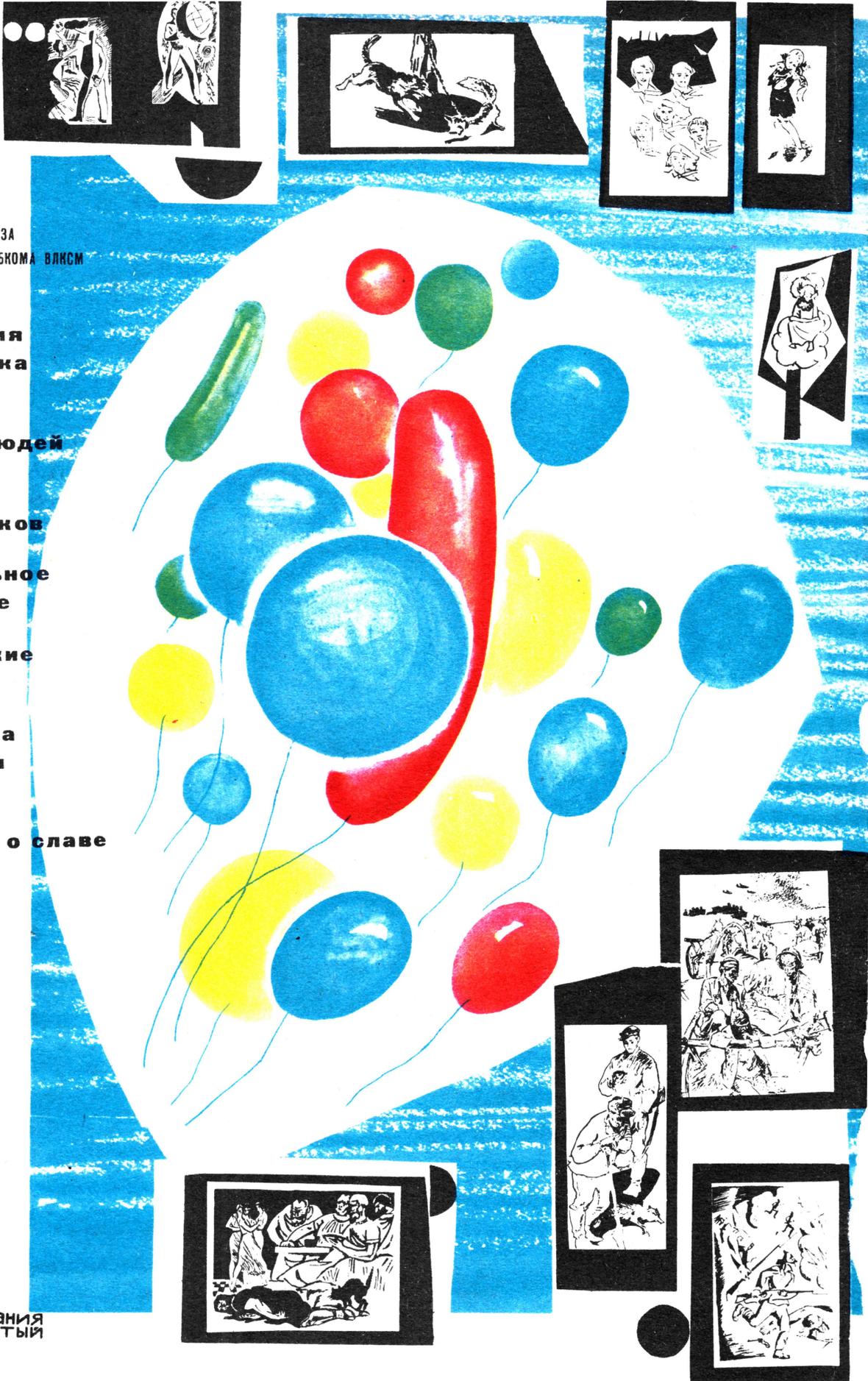
**Даем адреса
романтикам**

**О подвигах,
о доблести, о славе**

1962

ГОД ИЗДАНИЯ
ОДИННАДЦАТЫЙ

ИДУ НА ТАРАН!

А. АБРАМОВ

Под бомбежкой Пологов пробирался по улицам города, прижимаясь к стенам домов. Уже возле аэродрома его нагнал командир эскадрильи капитан Гамулькин:

— Скверно, Павел!

Вместе добежали они до взлетной полосы, запыхавшиеся, ошеломленные. По всей полосе гудели огромные оранжево-черные костры — горели машины. На том месте, где Пологов оставил вчера свой «ястребок», из груды обугленных, оплавленных обломков подымались серые столбики дыма.

Это было непостижимо. Казалось, вот-вот все окончится, и он опять увидит свой родной аэродром целым и невредимым, а на нем — свою машину. Все это будто бы не было еще войной. Но те, кто остался в живых, кто успел прибежать из города, принялись оттаскивать уцелевшие самолеты в кукурузу и маскировать.

Потом все — и командиры, и бойцы — рыли щели-укрытия. Выброшенную на бруствер землю тотчас закидывали ветками.

— Из дежурной эскадрильи в живых — никого, — рассказывал товарищам командир звена Фомичев. Он жил рядом с аэродромом и прибежал одним из первых. Самолеты были расстреляны прямо на взлете. Некоторые — когда еще только выруливали на полосу. Потом, на бреющем, «мессершмитты» гонялись уже за летчиками.

Командиров эскадрилий и их заместителей вызвали в штаб. Командир полка майор Волков разорвал пакет, пробежал глазами приказ и протянул его писарю:

— В папку.

Приказ уже был не нужен. На столе командира полка лежали планшеты, партийные и комсомольские билеты, фотографии, портсигары погибших.

А в полдень снова был налет. Летчики укрылись в щелях. Бежали к городу бойцы БАО¹, и их командир майор Александр размахивал пистолетом:

— Назад!

По утрам, ровно в пять, появлялись на горизонте силуэты «юнкеров». Они проходили далеко стороной, на Житомир. Шли нагло, без прикрытия.

...В тот день было безветренно и ясно. Лишь по кромке горизонта неподвижно стояли белые, мирные облака. Шестерка истребителей под командованием капитана Гамулькина вылетела на первое задание — прикрытия наземных войск.

Пологов волновался: после Халхин-Гола и финской это была его первая встреча с противником. Как покажут себя машина, вооружение, — ответ на все это мог дать только бой. И вот первая неожиданность: линия фронта обозначилась на местности частыми всплесками разрывов гораздо ближе, чем было обозначено на карте. Противник продвигался на восток так быстро, что оперативные сводки попросту опаздывали.

Над линией фронта, едва успев зайти со стороны солнца, они увидели тяжелые бомбардировщики под прикрытием «мессершмиттов». Гамулькин перевел эскадрилью в пики, бросил на головные машины и первым открыл огонь. Пологов поймал в прицел серо-зеленый фюзеляж.

¹ Батальон аэродромного обслуживания.

Мелькнули застекленная кабина, черно-белый крест на борту. Павел нажал на гашетку. Он был уверен, что прошил цель, но «юнкерс» шел как ни в чем не бывало. «Почему, почему он не падает?!» — подумал Пологов. Неожиданно «юнкерсы» начали торопливо и беспорядочно сбрасывать бомбы в стороне от линии фронта. И тогда, не теряя времени, пока не спохватились «мессершмитты», Гамулькин дал сигнал выйти из боя.

Ведомый Пологова, потеряв ориентировку, уходил на запад. Нагнав его, Пологов покачал крыльями, приказывая ему следовать за собой. А по дороге домой с досадой, отчаянием и злостью думал о том, что в современном скоротечном бою без радио — дважды-два растерять ведомых: не всякий раз ведомый сможет увидеть, как ты ему качаешь крыльями...

Через пятнадцать минут вся «шестерка» приземлилась на запасном аэродроме. Задание было выполнено, хотя и не сбили ни одной машины противника.

Выйдя на рубеж Сарны — Житомир — Бердичев — Каменец-Подольский — Могилев-Подольский, противник стремился в кратчайший срок овладеть Киевом. В середине июля группа капитана Тараненко, в которую входил Пологов, перебазировалась в район Винницы.

Павлу теперь приходилось подниматься в воздух по три-четыре раза в день.

Участники геологического похода Нижне-Тагильского Дворца пионеров обнаружили между Кушвинским трактом и рекой Серебряной, недалеко от деревни Луковка, залежи белого песка. Очень благодарны им металлурги: такой песок нужен литейному производству.

По заданию геологоразведочной партии Высокогорского рудоуправления ребята взяли шлиховые пробы образцов горных пород коренных обнажений. Кроме того, они вели раскопки на Кукуй-городище, где в 1581 году со своей дружиной стоял Ермак: исследовали военные укрепления, обнаружили остатки домницы, в которой кричным способом выплавлялся металл.

* * *

Учащиеся школы № 2 Верхней Пышмы, Свердловской области, работают вместе с шефами. Заработанные деньги ребята направляют в полк, где служил бывший ученик школы М. И. Талыков, на сооружение монумента летчикам полка, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

СЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ

Летал он и на прикрытия наземных войск, и на сопровождение штурмовиков, и на разведку. А еще там, под Тарнополем, он в паре с капитаном Гамулькиным выполнил особое задание заместителя командующего ВВС Киевского военного округа генерал-майора Хрюкина: в штаб окруженного соединения доставил пакет с картами и коды. При этом надо было избежать встречи с врагом в воздухе, ни в коем случае не ввязываться в бой и приземлиться на неподготовленной площадке.

У Пологова еще много будет потом таких заданий, и в 1943 году ему присвоят звание «Летчик-связист 1-го класса».

День за днем взлетали и опускались самолеты. Те, кто возвращался с

Отряд «Друза» средней школы № 21 Первоуральска совершил интересный поход «По следам старателей и рудокопов». Следопыты беседовали со старожилыми, разыскали старые рудники, составили их описание.

В походе ребята собрали богатую коллекцию минералов и горных пород. У поселка Пильная они обнаружили в породе гранат вида железистого альмандина и подали две заявки в геологоуправление.

* * *

Следопыты школы № 85 Красноуфимска разыскали неизвестное ранее место казни — расстрела белыми 37 саранинских рабочих в гражданскую войну. Материалы оформили и передали в краеведческий музей города. На месте гибели рабочих уральские следопыты заложили сквер.

* * *

«Вскрыть в 2017 году», — гласит надпись на бетонной плите у постаментов памятника воинам-сибирякам, установленного в селе Полтавка Омской области. Под плитой замуровано обращение молодежи села к потомкам.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

задания раньше других, по часам определяли — на сколько минут еще остается бензина у товарищей. Потом считали секунды. И часто бывало так: вот уж стрелка дошла до роковой черты, а на горизонте — пусто. И тогда командир 149-го истребительного авиаполка докладывал по инстанции:

— Двадцать пятый (или Тридцать седьмой, или Сто тридцать второй) с задания не вернулся.

Иногда выбросившегося с парашютом летчика подбирали пехотинцы, танкисты или партизаны, иногда он сам пробирался через линию фронта. Но чаще на стол командира полка выкладывались документы и личные вещи пилота...

После Винницы была Умань. Затем Фастов, Белая Церковь, Киев...

Поднимаясь в воздух, Павел видел дороги, забытые машинами и людьми, изрытые воронками, и черные скелеты обгоревших грузовиков в кюветах. Казалось, вся страна вышла на дороги и потекла на восток.

...30 августа 1941 года полк базировался уже на левом берегу Днепра, где Пологову, наконец, довелось испытать радость победы. Первой большой личной победы с начала войны.

Отряд получил задание уничтожить фашистский аэродром. По донесениям нашей разведки, там только что приземлилась группа машин противника. Веду-

щим в тот день был старший лейтенант Гусаров.

Подоспели вовремя.

«Юнкерсы» в ожидании заправки стояли без маскировки, рядами, как на выставке. Тогда, в пике, Пологов впервые за войну увидел то, что, должно быть, видели немцы, когда на рассвете 22 июня бомбили его аэродром. Но то было вероломство. А теперь наступала расплата.

После первого захода на полосе вспыхнуло четыре машины. После второго — внизу уже было море огня.

Пологов набрал высоту, когда его машину резко подбросило.

Вокруг рвались зенитные снаряды. Там, внизу, немцы уже опомнились. Надо было скорее уходить. Но что-то случилось с рулем высоты: ручка вдруг стала вибрировать в ладони. Павел боялся на нее налегать: кто знает, может перебитая осколком тяга держится на волоске. Хорошо, что самолет уже был развернут в сторону аэродрома и летел почти точно по курсу...

Только выйдя из зоны обстрела, Павел обнаружил, что совсем не чувствует своей левой ноги. Попробовал пошевелить ею — и едва не потерял сознание от резкой боли.

А когда самолет ободьев: шасси тоже были повреждены. Машину трясло так, что Пологов опять едва не потерял сознание. Он сам выключил двигатель, отстег-

Молодежь машиностроительного завода Улан-Удэ совершила поход по пути отряда легендарного героя гражданской войны Нестора Александровича Каландарашвили. Они прошли через Джидинскую долину, перевалили хребты Хамар-Дабан. В селе Большой Алтын ребята установили обелиск в память погибших партизан. Встречи с участниками и очевидцами боев дали возможность следопытам уточнить маршрут движения отряда Каландарашвили из города Кяхты. Собраны ценные сведения о боевых действиях партизан.

* * *

Комсомольцы совхоза «Руденский» Пуховичского района Минской области нашли место стоянки партизанского госпиталя бригады «Беларусь». А комсомольцы совхоза «Победа» помогли следопытам «Руденского» восстановить две землянки. Вместе они собрали много материалов по истории партизанского отряда и создали небольшой народный музей.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

нул привязные ремни, но фонарь откинули уже руки товарищей. С носилок в последний раз он увидел свою машину в дырах, в лохмотьях перкали. Пока военврач Коломийцев разрезал на ноге Павла сапог и накладывал жгут, инженер полка осматривал самолет.

— Приборы снять,— услышал Павел его заключение.— Двигатель разобрать...— и чуть погодя: — Удивительно, как он только дотянул до аэродрома...

Так Пологов впервые оказался в медсанбате. Ни на Халхин-Голе, ни на финском фронте его ни разу даже не царапнуло.

Полковой врач прочистил рану, сделал перевязку. На вопрос Павла, будет ли он летать, уклончиво ответил:

— Поживем — увидим.

Несколько дней Пологов пролежал в медсанбате, в пяти километрах от родного полка. К нему приходили друзья, сообщали новости: противник уже дважды бомбил аэродром, но серьезных потерь нет. Однако есть приказ перебазироваться. Опять на восток...

На санитарном самолете Пологова доставили в Харьков. Перевезли в район Тракторного завода, в бывшую школу, в которой теперь размещался госпиталь. Но Харьков уже давно перестал быть глубоким тылом. Во время бомбежек сыпались из рам остатки стекол, и после каждого налета прибывали новые раненые — военные и гражданские.

Однажды во время утреннего обхода главврач предупредил Пологова:

Три девушки-таджички — Сайрамба Факирова, Олламба Гадова и Малумби Касимова — первыми сбросили паранджу в селении Каратегин. Они отправились в город Гарм и поступили учиться в только что созданное педагогическое училище. Потом вернулись в родное село, стали обучать грамоте детей.

В апреле 1929 года на Каратегин напали басмачи. Они схватили девушек, провели по кишлаку с наброшенными на шею петлями и повесили у школы. Ночью жители села тайно сняли тела погибших и похоронили их в горах за кишлаком.

После землетрясения, которое вскоре произошло, следы к могиле затерялись.

Летом 1967 года следопыты кишлака разыскали могилу, установили на ней надгробие с именами героинь, посадили вокруг деревья и цветы.

*
*
*

Памятник Василию Ходяшеву, зверски убитому кулаками в годы коллективизации, установили участники Всесоюзного похода в селе Пешнигорт Пермской области. Всего в Пермской области за последний год установлено следопытами около 90 памятников, обелисков и мемориальных досок.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

— После обеда — операция!

А в полдень поступил приказ об эвакуации.

Семь суток санитарный поезд вез Пологова на восток.

На костылях стоял Павел у окна, когда вагоны медленно подходили к перрону Оренбургского вокзала. Здесь, в летном училище, еще в тридцать четвертом году начинался его, Пологова, путь в небо.

Новый год он встретил уже у себя на родине, в Нижнем Тагиле. Собрались почти всей семьей — не было только младшего брата Юрия. Окончив школу танкистов, он служил в Челябинске.

Полковник из управления кадрами ВВС Красной Армии встретил Пологова как своего хорошего знакомого: оказывается, на Халхин-Голе Пологов служил под его началом.

Поговорили о том, о сем. Наконец, дошли до дела. Полковник предложил Павлу на выбор: либо вернуться на фронт, либо...

— Есть место в училище истребительной авиации, — сказал полковник. — После ранения тебе тяжело будет на фронте...

Но Павел попросил назначить его в действующую армию.

— Ты вот что, — сказал полковник. — Не торопись с ответом. Подумай до завтра — время есть.

Выходя из кабинета, Павел лицом к лицу столкнулся с черноглазым, молодым, но уже полысевшим военным со шпалами в голубых петлицах.

На второй день разговор был короткий: Павла назначили штурманом 737-го истребительного авиаполка, которым командовал майор Мазуркевич, тот самый военный со шпалами в петлицах.

Полк комплектовался в основном выпускниками авиаучилищ. На вооружение поступали машины последней конструкции — «ЛАГ-3». На «лагах», в отличие от «И-16», кроме пулеметов, была установлена и крупнокалиберная пушка. Да и скорость намного выше.

Пологов уже отвык от полетов и поэтому старался не упускать случаев, когда представлялась возможность самостоятельно перегнать с завода в часть очередную машину.

К занятиям с новичками он привлек

возвратившихся из госпиталей фронтовиков. Техником пилотирования занялся старший лейтенант Калинин. Учебными боями — лейтенант Урядов. Иногда Пологов и сам проводил эти бои. Новички нередко, стараясь атаковать на максимальных скоростях, не выдерживали необходимой дистанции, слабо владели искусством маневрирования. Пологову достаточно было выполнить фигуру высшего пилотажа, чтобы оказаться у новичка в хвосте. И он выигрывал бой. А выигрывая, учил.

Однако поначалу ему трудно было переносить перегрузки при вертикальных маневрах. Иногда непривычно темнело в глазах, ломило шею и поясницу — в схватке с врагом все это могло обернуться поражением. И он продолжал тренировки, пока не приучил себя к перегрузкам.

В мае 1942 года Мазуркевич доложил о готовности 737-го истребительного авиаполка.

И вот две эскадрильи — уже на передовом аэродроме. Капитан Салахов и младший лейтенант Мищенко после удачной разведки подожгли на обратном пути фашистский «мессер».

Пологов сам повел два звена на штурмовку шоссе. Было уничтожено 30 автомашин и 50 подвод. Он опять летал! Летал по нескольку раз в сутки, если того требовала обстановка.

Пологов увидел с высоты землю, по которой прошла война. Нет, он ничего не забыл. Однажды в полк прилетел командир дивизии Мачин. Закончив разговор с Мазуркевичем, он неожиданно обратился к Пологову:

— Когда получили орден, штурман?

— В сороковом, товарищ полковник.

— Где?

— На финской.

— А последнее звание?

— В тридцать девятом. На Халхин-Голе.

— Сейчас сорок второй, — сказал командир дивизии Мазуркевичу. — У вашего штурмана кубики в петлицах выцвели...

Вскоре Пологова представили к званию капитана.

Победы в небе готовились на земле. Во время тактических учений Пологов передавал свой опыт, знакомил летчиков с боевыми построениями самолетов про-

тивника, его уловками, распределением заградительного огня зенитных батарей.

— Если первые залпы даются с большим упреждением по курсу слева или справа, значит, — ловушка. Они хотят, чтобы вы сунулись в противоположную сторону, где плотность заградительного огня у них наибольшая. Вывод: всегда старайтесь смело идти прямо на первые разрывы, маневрируя по фронту и высоте...

Пологов предложил изменить и боевое построение наших истребителей с учетом противовоздушной обороны противника. Он считал, что за лидером разумно пускать на высоте 1000—1200 метров демонстративную группу «килов» и «лагов», задача которых — отвлекать огонь зенитных батарей и истребители противника. А ударная группа штурмовиков должна вылетать минут на пять-шесть позже...

Первая же штурмовка, проведенная по схеме Пологова, дала отличные результаты. Разведка из-за линии фронта подтвердила: уничтожено 25 бомбардировщиков, два склада с боеприпасами, склад горючего и около 200 солдат и офицеров противника.

В дальнейшем приспособили для бомбометания и «лаги», чтобы они могли самостоятельно проводить штурмовку.

И, наконец, на все истребители поставили ракеты.

Более половины самых ответственных заданий полка выполнила группа во главе со штурманом Пологовым. И потери летного состава в этой группе были наименьшими. А сам Пологов летал и летал. Механик Верещагин частенько намекал ему, что у флагштурмана больше обязанностей на земле, чем у рядового летчика, и что «надо бы малость и передохнуть». Пологов отшучивался.

Откуда было знать «сухопутному» механику, что по-настоящему Пологов только в воздухе и отдыхал и что полеты вне очереди, по нескольку раз в день были для него не дополнительной нагрузкой, не проявлением самоотверженности или героизма, а как бы внутренней потребностью: только так и мог он поддерживать свой организм в том состоянии, когда в воздухе чувствуешь себя гораздо уверенней, нежели на земле.

Но однажды, когда Пологов готовился повести на очередное задание группу прикрытия, — второй или третий раз за

сутки, — на аэродром прибыл командир дивизии Мачин. Он своею властью отстранил Пологова от полета, а группу прикрытия приказал вести командиру полка Мазуркевичу, который, в противоположность своему штурману, слишком засиживался на земле. Заслуженный в прошлом летчик, прекрасный командир полка, он последнее время стал вроде бы даже побаиваться неба. Вот и на этот раз Мазуркевич с явным недовольством воспринял приказ командира дивизии.

Лететь он решил на «пологовской» машине. Он считал ее везучей: флагштурман одержал на ней уже несколько личных побед. Да, уж давненько Мазуркевич сам не подымался в воздух, и, с грустью провожая его на задание, Пологов обратил внимание, что на командире старая гимнастерка и что он не побрился перед полетом: это была примета. Еще с Халхин-Гола некоторые пилоты считали, что нельзя бриться перед боевым вылетом и надевать новое обмундирование.

Перед вылетом поднялась над фонарем кабины рука с часами, для удобства надетыми поверх манжета, чтобы не отгибать рукав всякий раз, когда счет времени идет на минуты и секунды. Так носил часы только Мазуркевич...

А спустя полчаса пилота, поднявшегося в воздух вместе с Мазуркевичем, товарищи перенесли из кабины приземлившегося истребителя в санитарную машину. От него узнали в полку, что Мазуркевич погиб в трех километрах от станции Рамонь...

Приказ о присвоении Пологову звания капитана зачитывал уже новый командир полка — майор Варчук Николай Изотович.

Самолеты эскадрильи один за другим отрывались от земли и уходили в небо. Стояла лишь машина командира эскадрильи: забарахлил двигатель. И тогда в воздух поднялся Пологов. Эскадрилья услышала знакомый голос штурмана полка.

— Я — Тридцать первый. Я — Тридцать первый...

Еще никто не знал, что впереди — бой, который на всю жизнь запомнят бойцы, наблюдавшие за ним с земли, из окопов; бой, о котором потом напишут газеты, и их прочтет вся страна; бой, о котором замполит 2-й воздушной армии Ромазанов скажет: «На кинолентку надо снимать 7

такие бои и прокручивать как наглядное пособие!..»

А пока с наземного пункта управления уточняли задачу:

— Я — «Береза»-один. Я — «Береза»-один. В районе Россошь восемнадцать «Ю-87» под прикрытием истребителей. Высота 2500. Курс 230. Идите на перехват, идите на перехват!

Их было восемь — восемь «МЕ-109» прикрытия. И Пологов принял решение:

— Я — Тридцать первый. Кучеренко — со мной. Остальные — атаковать бомбардировщики.

Двое — Пологов и Кучеренко — против восьми.

Пологов видел, как в первые же мгновения боя «МЕ-109» пристроились у Кучеренко в хвосте. Самолет Кучеренко был поврежден и вышел из боя. Пологов остался один. На виражах со скольжением ему удалось уйти от огня восьми «мессершмиттов». Вот когда пригодилась тренированность на перегрузки.

Пологов хорошо помнит первый, сбивтый в том бою «мессер», который не выдержал лобовой атаки и раньше времени задрал нос. Это было то, что нужно: «МЕ-109» защищены броней и, кроме того, баки у них затянуты резиной. Да, сбивать их было не так-то просто. А тут перед Пологовым в перекрестии прицела вдруг оказалось брюхо «МЕ-109»! И Пологов успел вовремя нажать на гашетку...

Переворот через крыло, и снова прямая атака, которой немцы, видимо, не ждали. Хотя «мессеров» стало одним меньше, но все же их — семеро против одного. Возможно, Пологову и не поздоровилось бы, если бы он уклонился от боя и стал уходить.

Но он напал сам. Очередь из неудобного положения, когда никто не ждет твоего огня, — и второй «МЕ-109» выходит из боя.

Осталось их шестеро против одного. Но они потеряли взаимодействие. Вот уже один, другой разворачивается и уходит на запад. Уже Варчук приказывает с земли:

— Я — «Береза»-один. Я — «Береза»-один. Тридцать первый — проверь боекомплект. Разрешаю идти домой...

Отвечать было некогда. Он настиг две машины противника. Еще два «МЕ-109»! Впервые за всю войну он дрался один с восьмью и сбил сразу четыре самолета! И такого ловкого, радостного, парадного

разворота над родным аэродромом он тоже еще никогда не делал.

А на пункте управления его встретили генерал Ромазанов и майор Варчук.

— Не надо. Не докладывайте! — преврал рапорт генерал Ромазанов. — Мы все видели, капитан. Отдыхайте...

И вот тогда, когда он ушел, Ромазанов и сказал, что такие бои надо снимать на кинолентку.

Но Сталинград и Курск были еще впереди.

Все чаще летал Пологов в разведку и на свободную «охоту». Это о нем и о его учениках Шешене, Калинине, Сорокине писала в сорок втором году в своей передовой статье газета «Крылья Родины», когда приводила примеры действия истребительной авиации. Теперь Пологов летал даже тогда, когда подниматься в воздух не разрешала инструкция. Но именно в непогоду особенно нужна разведка. Так было и в тот раз, в районе Люботина.

Пилоты переживали непогоду в хатах на краю села. Дождь, «непролазная» облачность. Затишье. И тогда пришел приказ — послать в разведку опытного пилота. Варчук долго доказывал, что лететь в такую погоду — верная смерть. Его выслушали, но приказали:

— Надо!

Полетел Пологов.

Он шел сначала вслепую, по маршруту, проложенному на карте. Летел в сплошном «молоке». И лишь над Люботином увидел все-таки солнце. Скрываясь за облаками, он обследовал весь квадрат, установил скопление вражеских войск. На «прощанье» обстрелял колонну и лег на обратный курс.

Уже за линией фронта, опять в сплошных облаках, он почти «нос к носу» столкнулся с разведчиком «Хеншель-126». Это было неожиданно, но что поделаешь: встреча с противником почти всегда неожиданна и побеждает в ней тот, кто первым успевает занять выгодное положение. Первым успел Пологов. «Хеншель» исчез в облаках... Продолжать за ним охоту в этом беспросветном «молоке» было безнадежно.

Но едва Павел приземлился на аэродроме, Варчук его обрадовал:

— Неплохо в мутной водичке рыбка ловится! Только что передали: в районе передовой упал «Хеншель-126». Не твой ли?..

И опять — тяжелые, тревожные дни: началось наступление фашистских армий на юге страны через Донбасс к Сталинграду. Неужели это повторение сорок первого?

Пологов подымался в воздух в те дни по многу раз. Иногда даже не выходя из кабины, а только заправив баки и пополнив боекомплект, он вылетал на новое задание.

Уже после Сталинграда, когда были освобождены Краснодар, Ростов-на-Дону, Луганск, Пологов надел майорские погоны. Он постарел за эти два года войны.

Зимой сорок третьего погиб в танковом бою младший брат Юрий. В ту зиму было много смертей и среди товарищей по полку. Погиб Алексей Урядов, с которым Пологов и Мазуркевич формировали полк. Погиб нелепо, на своем аэродроме. Не прошло и двух дней, как он вернулся из отпуска. Ночью выпал снег, поле проутюжили катками. Урядову надо было выполнить после отпуска контрольный полет для восстановления техники пилотирования. И он разбился при посадке, на глазах у товарищей. Из-за снега ошибся в определении высоты при посадке. Ему показалось, что выравнивать машину еще рано, а было уже поздно. Похоронили Алексея в усадьбе совхоза «Правда» (ныне «Красный Октябрь»), под Воронежем.

Приближалось лето 1943 года.

Полк перебазировался под Курск.

Уже с конца апреля в сводках Совинформбюро стали появляться лаконичные сообщения: «За истекшие сутки на фронте существенных изменений не произошло...»

Было время затишья. Но всякий раз, подымаясь в воздух над территорией Курского выступа, Пологов видел огромные скопления войск и гражданского населения: строилась глубокоэшелони-

ванная оборона. С обеих сторон к линии фронта стягивались невиданные силы.

Прошел май.

Прошел июнь.

Первого июля Пологов вылетел сопровождать «дуглас», в котором находились командующий фронтом Ватутин и командующий 2-й Воздушной Армией генерал Красовский. До решающего сражения оставались считанные дни.

В ночь с пятого на шестое в два часа Пологов и Варчук вышли из землянки. Стояла звездная, безветренная летняя ночь. Вокруг замерла чуткая тишина. Эту тишину Павел помнит до сих пор. Помнит ее, наверное, и все те, кто был тогда там и остался жив.

Что на этот раз надо победить, думали и там, по ту сторону фронта, на западе. До каждого немецкого солдата был доведен приказ фюрера: «...Этому на-

ступлению придается первостепенное значение. Оно должно дать инициативу на лето и осень этого года... Мощный удар, который будет нанесен советским армиям, должен потрясти их до основания... И вы должны знать, что от успеха этого сражения зависит все...»

На Курской дуге немцы сосредоточили свои лучшие военно-воздушные силы: истребительную эскадру «Мельдерс» и легион «Кондор», оснащенные новыми бомбардировщиками «Хейнкель-111», новыми штурмовиками «Хеншель-129» и истребителями «Фокке-Вульф-190А».

В 2 часа 20 минут, упреждая артподготовку противника, наши батареи открыли огонь. Началась знаменитая битва на Курской дуге.

Более четырех часов, прислушиваясь к канонаде, летчики находились в готовности «номер один». И вот по сигнальной ракете Пологов повел первую эскадрилью полка на сопровождение «килов»...

На вторые сутки боев Пологова отозвали в другую воздушную армию и назначили командиром полка. Он принял полк восьмого июля, а уже десятого поднялся в воздух.

Противника перехватили далеко за линией фронта. Восемнадцать «Ю-88» шли под прикрытием двенадцати «фокке-вульфов». Итак, восемь против тридцати!

Некоторое время Пологов вел «яков» параллельным противнику курсом, и, когда уже до линии фронта оставались считанные километры, когда «фокке-вульфы» уже, видимо, приняли решение связать наши истребители боем, чтобы «юнкеры» отбомбились по цели, Пологов приказал имитировать атаку на «фокке-вульфы». Истребители пошли на сближение. Вот уже их разделяют пятьсот, триста, двести, сто метров, и тогда Пологов приказал:

— Все за мной!

Восемь «яков» прошли под «фоккерами» и, пока те разворачивались, врезались в боевой строй бомбардировщиков. Внезапность маневра привела к победе: после первых же очередей ведущий «юнкерс», потеряв управление, потянул к земле. Остальные, беспорядочно сбросив бомбы, повернули назад.

Пологовская «восьмерка» вышла из схватки без потерь.

К 12 июля наступление противника провалилось окончательно, и через три дня войска Западного, Брянского и Центрального фронтов перешли в контрнаступление.

К концу месяца Пологов доложил в дивизию: противник потерял 16 самолетов, в полку не вышло из строя ни одной машины. Сам Пологов только в районах Малоархангельска и Севска совершил 45 боевых вылетов и в семи воздушных схватках лично уничтожил четыре «юнкерса» и один «фокке-вульф». Всего на его счету было уже двадцать самолетов противника...

Потом, много лет спустя, военный историк И. В. Тимохович напишет в книге «Советская авиация в битве под Курском»: «В этой битве особенно отличались такие летчики-герои, как А. К. Горовец, В. Н. Буянов, С. К. Колесниченко, С. Д. Луганский, И. Ф. Балюк, В. К. Поляков, Н. Д. Гулаев, А. П. Маресьев, П. А. Пологов...»

В середине сентября 1943 года Павел Пологов вышел из транспортного самолета на московском аэродроме Быково: здесь, в Москве, ему должны были вручить высшую награду Родины — Золотую Звезду Героя и орден Ленина.

Последний раз он видел столицу зимой сорокового, когда ехал на финский фронт. То была мирная все-таки Москва. Сейчас, когда он вышел из метро на станции Охотный ряд, она ему тоже показалась сначала мирной: не видно было следов бомбежек, так же, позванивая, громыхали работяги-трамваи, сигналили автомобили. И лишь осмотревшись, Пологов заметил, как много, гораздо больше, чем в сороковом, на улицах Москвы людей в военной форме, увидел он и стрелы-указатели: «бомбоубежище», и камуфляж на здании Большого театра. Москва была военной, как и вся страна. Она жила вместе со всей страной одною тревожной и мужественной жизнью.

Звезду Героя и орден Ленина Павел Пологов принял из рук Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина.

На несколько дней ему удалось вырваться в Нижний Тагил, к матери, жене и сыну. Все эти несколько дней дом был полон соседей, гостей, делегатов от предприятий. Пологов выступал в цехах, разговаривал с рабочими.

Был сорок третий, все уже чувствовали, что война выиграна, всех мучил лишь единственный вопрос — когда же придет окончательная победа?

До нее оставалось почти два года войны.

В полк Пологов вернулся уже подполковником.

Столь же часто, как и в сорок первом, полк менял аэродромы и базы. Но теперь самолеты перелетали каждый раз все дальше и дальше на запад, и каждый вечер пилоты вымеривали по картам расстояние до Берлина.

А 3 апреля 1944 года Пологов провел тот самый бой, о котором рассказывалось потом в оперативной сводке Совинформбюро.

Всю ночь выюжило. Не утихла метель и к рассвету. В десять часов утра, когда из штаба армии пришел приказ лететь на Ковель, ветер все так же переметал поземку по летному полю. Однако синоптики доложили, что на высоте 400—500 метров погода уже летная.

Группу Пологов повел сам.

Взлетали строго по прямой, тараня пургу. Взлет прошел нормально. Выбравшись из низкой облачности, истребители взяли курс на Ковель.

Над Ковелем восьмерку «яков» встретили двенадцать «фокке-вульфов». Не успел Пологов передать обстановку на КП, как на горизонте появились одиннадцать «Ю-52». Одиннадцать огромных транспортных машин с тридцатиметровым размахом крыльев. Пологов повел всю группу в атаку на них.

Сравнительно быстро удалось нарушить строй транспортов и заставить их раньше времени сбросить продукты и боеприпасы, которые предназначались окруженным немецким войскам.

Приказав «шестерке» во главе с капитаном Подгорным продолжать преследование транспортов, Пологов вдвоем с ведомым, младшим лейтенантом Баландиным, напал на «фокке-вульфы».

Рев двигателей на форсированных режимах. Попадающие в перекрестие прицела чужие машины с желтыми, зубастыми драконами на бортах. Летящие на тебя смертельные трассы очередей и твои очереди, прошивающие серо-зеленые тела «фокке-вульфов». И неодолимая сила, то натягивающая привязные

П. А. Пологов

ремни, то вжимающая тебя в бронеспинку. Чужая и наша речь в наушниках...

В этой обстановке уже автоматически работал опыт всех прошлых боев, интуиция. Руки как бы сами делали то, что им нужно было делать. В скоротечности воздушной схватки многое решали не только секунды, но и доли секунды... Так случилось и тогда, когда в сетку прицела попал ближний «фокке-вульф», — пальцы вовремя нажали на гашетку. В следующее мгновение было бы уже поздно... Но о том, что он мог опоздать, Павел подумал уже после, когда вражеские пули прошли мимо, а «фокке-вульф», сорвавшись в штопор, понесся к земле, размазывая за собой серый шлейф дыма...

И опять неодолимая сила, прижимающая тебя к бронеспинке; виражи, пике и скольжения, на которых успеваешь уходить от настигающих тебя трасс.

Только он подумал о своем ведомом, как услышал сквозь треск в наушниках голос Баландина:

— Получил повреждение!

Павел приказал ему идти на аэродром, а сам, оставшись без прикрытия, принял бой против трех «фокке-вульфов»,

Он поймал в перекрестие кабину пилота и опять, прежде чем успелось подумать пора! — сработала интуиция. Очередь точно прошла цель. Второй «фокке-вульф», потеряв управление, начал кувыркаться. Еще несколько мгновений — и он стремительно пошел к земле.

И тогда Пологов снова услышал в наушниках:

— «Фоккеры» слева сверху!

Его настигали два истребителя. Павел бросил самолет резко вверх, затем вниз, но из бензобака уже вырвались светлые языки гудящего, жаркого пламени, которое захлестало по обшивке машины. Он попробовал сбить пламя, заставив машину выполнить одну за другой несколько фигур. Но и это уже не помогло. Кабина наполнилась запахом гари. Глаза разъедало дымом. Приборной доски уже не было видно. Струйки горящего топлива разбрызгало по стеклу фонаря. Душил кашель. Он решил прыгать. Уже открыл фонарь и отстегнул привязные ремни, когда в поле его зрения попал один из «юнкерсов». И тогда Павел понял, что сделает сейчас то, на что решаются не многие. Он потянул на себя ручку еще послушной машины и направил свой горящий самолет на фашистский транспорт... В нужный момент он чуть отвернул, чтобы не врезаться в фашиста всем корпусом, а только слегка «тронуть» винтом его хвостовое оперение.

Те, кто были тогда в окопах под Ковелем, запомнили, наверное, этот бой в воздухе, запомнили, как объятый пламенем «як», на котором, казалось, уже не могло быть живого летчика, вдруг пошел на таран. Это был один из тех таранов, которых за всю войну наши пилоты совершили двести одиннадцать. Это была вершина мужества для всякого военного летчика, оказавшаяся недоступной ни для кого из фашистских асов.

В тот день, 3 апреля 1944 года, на таран шел уже обреченный самолет, ведомый командиром полка, Героем Советского Союза, уже одержавшим только что две личные победы, который имел полное право с честью выйти из боя и выброситься с парашютом.

Через несколько минут на летном поле родного аэродрома его товарищи, только что возвратившиеся с задания, столпились у взлетно-посадочной поло-

сы. Все напряженно смотрели на запад. Но вот стрелка часов дошла до роковой черты, в баках командирской машины кончилось горючее...

И майор Сушко доложил генералу:

— Задание выполнено. Сбито пять самолетов противника: три «фокке-вульфы» и два транспортника. Наши потери — две машины. На базу не возвратился комполка подполковник Пологов...

А 9 апреля газеты, которые читала вся страна, писали:

«На одном из участков Белорусского фронта летчик Герой Советского Союза подполковник Пологов, патрулируя над нашими позициями, встретился с четырьмя немецкими истребителями «фокке-вульф».

В ожесточенной схватке тов. Пологов сбил два самолета противника. Самолет товарища Пологова получил повреждение и загорелся. В это время в районе боя появились одиннадцать транспортных самолетов «Юнкерс-52». Подполковник Пологов на своем горящем истребителе врезался в их строй и таранил один немецкий самолет. Тов. Пологов выбросился с парашютом из горящей машины и благополучно приземлился на своей территории...»

В госпитале он пробыл недолго — до конца войны еще оставался целый год.

Всего за время войны Пологов совершил семьсот пятьдесят боевых вылетов и лично уничтожил тридцать самолетов противника.

Впоследствии он закончил в Москве Высшие курсы командного состава ВВС, командовал полком, но через несколько лет по состоянию здоровья ему пришлось уйти в запас: сказались ранения военных лет.

...На работу Пологов всегда ходит пешком. Путь не дальний — три квартала, затем поворот направо — и вот она, предзаводская площадь. Уже пятнадцать лет проходит он каждое утро через проходную Уральского Турбомоторного завода, входит в заводоуправление, поднимается на второй этаж, открывает дверь с табличкой «Диспетчерская». Здесь его рабочее место.

Московский поезд подходит к Уфе. Пассажиры прильнули к окнам вагонов. Их внимание привлёк необычный памятник на двухсотметровом обрывистом берегу Белой (по-башкирски — Агиделью).

Сильной рукой сдерживая разгоряченного коня, всадник остановился над обрывом и, привстав на стремянах, оглядывает родные забельские дали.

Это Салават Юлаев — национальный герой башкирского народа, сподвижник Емельяна Пугачёва, батыр, воин, поэт. Он бесстрашно боролся за свободу и воспевал её.

Благодарные потомки чтут память Салавата Юлаева. О нём слагались и слагаются песни, легенды, ему посвящена опера башкирского композитора Загира Исмагилова.

И вот национальный герой поднялся на постаменте, олицетворяя собой силу и волю башкирского народа.

Скульптор С. Д. Тавасиев более двадцати лет трудился над монументом. Ему и архитектору И. Г. Гайнутдинову за создание памятника присвоены почётные звания: первому — народного художника БАССР, второму — заслуженного деятеля искусств.

Д. САДОФЬЕВ

Фото А. Виноградова

**НАШИ ПРИЗЕРЫ — СЛЕДОПЫТЫ КЛУБА «ПОИСК»
ГОРОДА ВОЛЬНЯНСКА,
ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ.**

В ПОХОД, ГЕОЛОГ!..

«Дорогая редакция! Нынче летом мы хотим пойти в поход, чтобы найти полезные ископаемые и собрать коллекцию минералов. Посоветуйте, пожалуйста, что нужно взять в такой поход, как собирать и сохранить образцы.»

Следопыты города Пугачева»

Многие ребята увлекаются походами. Они собирают минералы и горные породы для школьных музеев, помогают геологическим партиям в поисках полезных ископаемых. Для того, чтобы такие походы проходили успешно, необходимо иметь специальное снаряжение. Причем сделать его несложно даже самим.

Начнем с того, что все снаряжение должно быть всегда при себе, в полевой сумке. Ее легко соорудить из старого портфеля: разрежьте его пополам и вставьте в одну половину узкую боковую стенку.

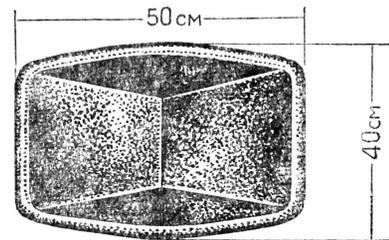
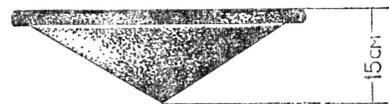
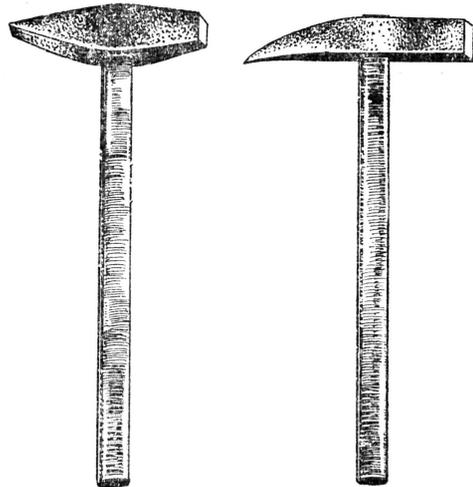
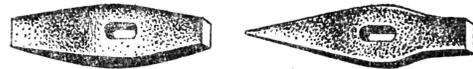
Главное орудие труда — геологический молоток. Им отбивают образцы на обнажениях. Ребята используют обыкновенные молотки, один конец которых в сечении представляет квадрат, а другой — клин. Рукоятку делают длиной 40—50 сантиметров. Затем размечают рукоятку на сантиметры. Получается своеобразная линейка, которой можно измерять взятые образцы горных пород. Лучше всего рукоятку сделать из рябины, так как березовые и сосновые часто ломаются.

Горный компас можно заменить обыкновенным. С его помощью вы определите местонахождение описываемого обнажения. Не забудьте взять с собой топографическую карту крупного масштаба. Вся работа на ней ведется простым карандашом.

Необходимо зубило, рулетка, лупа.

Зубило длиной 12—15 сантиметров служит для выбивания из породы окаменелостей, отдельных минералов. Форма его бывает различной. Наиболее удобное — в виде клина. Рулетка для измерений обнажения может быть заменена шнуром, размеченным на метры узлами. Лупа должна быть в оправе из пластмассы, с четырех-шестикратным увеличением. А чтобы она не терялась, привяжите ее тонким шнурком к клапану кармана куртки.

Не обойтись юному геологу без записной книжки с листками в клеточку. В ней записываются все обнаруженные обнажения, наблюдения, ведутся зарисовки. Книжка должна свободно помещаться в кармане. Все записи ведутся простым карандашом. Цветные карандаши пригодятся для отметок

Лоток

на карте направлений маршрута, для зарисовки интересных обнажений и отметок на схематических чертежах.

Обязательно возьмите с собой блокнот для этикеток размером 15×9 сантиметров. Перед походом сложите его пополам и прострочите на машине без ниток. На корешке и отрывном талончике делается одна и та же запись. Одна половинка используется для этикетки и отрывается, а другая остается в качестве контрольного корешка.

Образцы всегда нужно тщательно завертывать. Для этого используется любая бумага, даже газетная. Завернутый образец перевязывают тонкой бечевкой.

Очень важно иметь в геологическом походе прочные мешочки, куда укладывают упакованные образцы. Размер их — 20×25 сантиметров. Сыпучие образцы складывают в мешочки размером 15×20 сантиметров.

Для определения присутствия в породе углекислой извести необходим пузырек с десятипроцентным раствором соляной кислоты или крепким уксусом. Разведенную соляную кислоту можно купить в аптеке.

Для расчистки обнажения применяется штыковая лопата. Для шлихового оprobования в поход берут ковши и лоток.

И, конечно, не забудьте фотоаппарат! Снимок гораздо лучше передает характер местности, чем зарисовка. Но в зарисовках можно выделить главное. Поэтому в геологическом походе всегда нужно фотоснимок дополнять рисунком.

Вот, кажется, и все необходимое. Если юные геологи заранее подготовят это несложное снаряжение, поход у них наверняка пройдет интересно.

Л. КОВРИЖНЫХ, геолог

ПОД ЗНАМЕНОМ «ГОРНЫХ ОРЛОВ»

«...В рваной одежде, с Берданами, Гра и Ватерли (ружья устаревших систем) при 5—10 патронах в руках грудью своей отстаивали каждую пядь земли, поливая ее своей кровью...»

Это строки из приказа командования 22-го Кизеловского полка «Горных орлов» к личному составу в связи с вручением знамени Вятского губернского Совета профессиональных союзов. В составе 3-й армии Восточного фронта полк, сформированный из шахтеров Прикамья в трудные для молодой республики Советов дни, был грозной боевой силой.

В том же приказе говорится: «Спасибо... за битву под Кулигой, когда весь Северный фронт с лихорадочным вниманием смотрел: а что, удержит ли 22-й полк зарвавшегося противника? И все не ошиблись — вы удержали напор противника... Разгром белых под Залазной — это дело ваших рук. Как таран, вы неудержимо с наступлением весны ринулись на врага, и он не выдержал, да так не выдержал, что 100 верст были покрыты в три дня. А взятие укреплений Зотовского и Печашева, где несколько наших полков, наступая, не могли поколебать врага, а вы — герои 22-го Кизеловского полка — ударили, и противник вылетел как пробка».

Неувядаемой славой покрыл себя полк в боях за родной Урал, Сибирь, Северную Таврию, Каховку. Вместе с другими частями Красной Армии участвовал в легендарном штурме Перекопа — последнего оплота белых. За боевые заслуги Кизеловский полк был удостоен высокой награды — Красного Знамени ВЦИКа.

Когда в районе станции Усьва, у подножья величественного камня Столбы, проходил III традиционный слет дедов и внуков, пять дней рядом с вымпелом следопытов развевалось символическое знамя «Горных орлов». Ведь именно здесь, на Усьве, и родился легендарный полк, тогда еще малочисленный и плохо вооруженный. В декабре 1918 года отряд из 52 человек, сформированный из коммунистов и шахтеров Усьвы, Кизела, Гремячинска, Половинки, взорвал железнодорожный мост через реку Усьву и приостановил продвижение колчаковцев.

В память об этом подвиге «горных орлов» следопыты области вместе с рабочими и общественными организациями Гремячинского района установили на высоком берегу обелиск славы.

Открыли его ветераны полка и ребята Шумихинской средней школы. Вместе с заслуженным учителем республики А. И. Шаньгиным за десять лет следопыты прошли весь боевой путь «горных орлов» — от Усьвы до бывшего Александровского централа и Перекопа. На черном граните надпись: «Здесь начался боевой путь 22-го (452-го) Кизеловского Краснознаменного полка «Горных орлов» (командир А. Н. Королев, дивизия В. К. Блюхера): Усьва — Омутнинск — Чусовой — Александровский централ — Каховка — Перекоп. 1918—1920 гг. Шахтеры Гремячинска, Усьвы, Шумихи, школьники Прикамья — памяти героев-земляков».

У обелиска славы следопыты передали краеведческий музей Шумихинской школы городу Гремячинску. Исторические материалы, собранные ребятами во время походов по местам сражений Кизеловского полка, лягут в основу городского народного музея.

Б. ГАШЕВ.

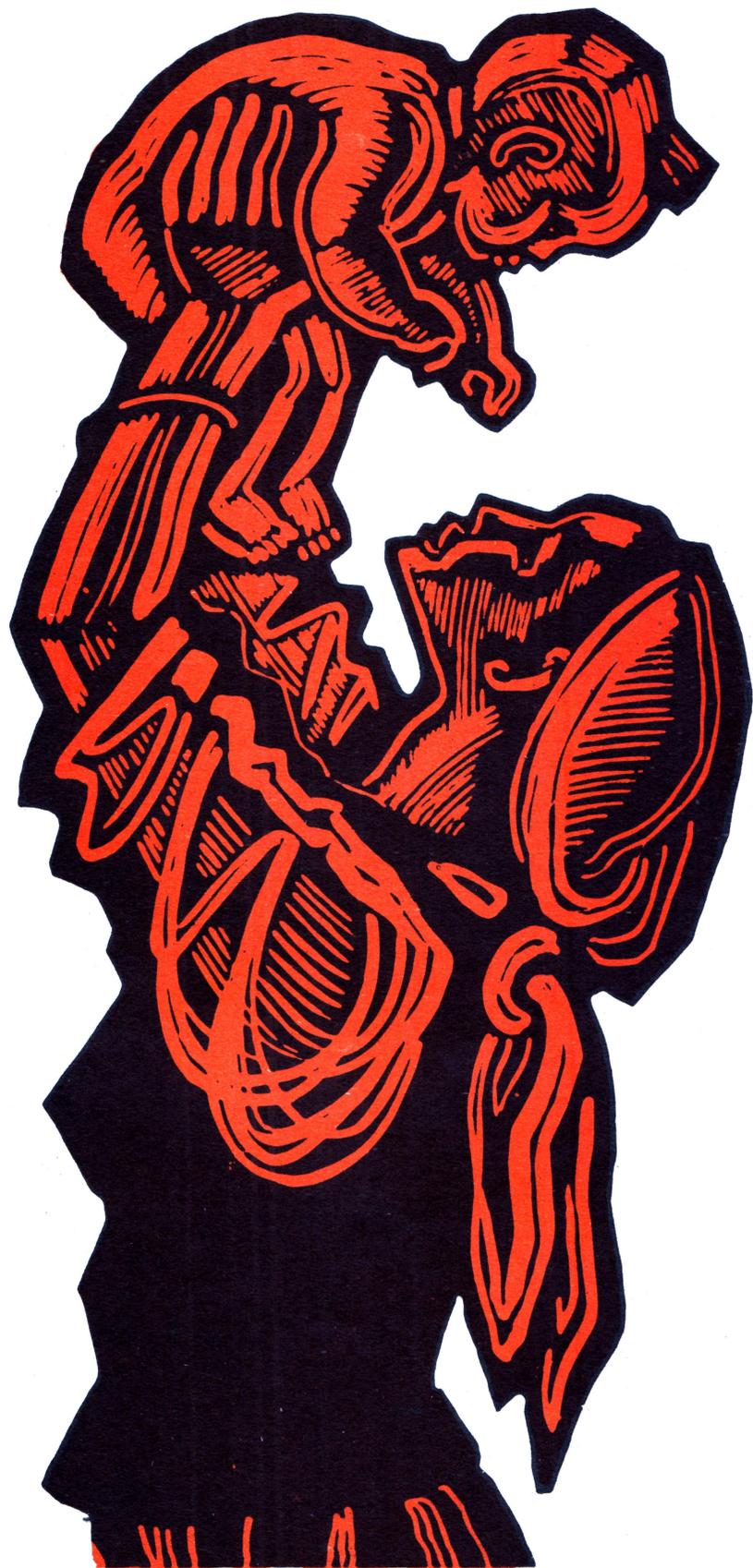

А. РАТНИКОВ (Ногинск)
В ЖИЗНЬ.

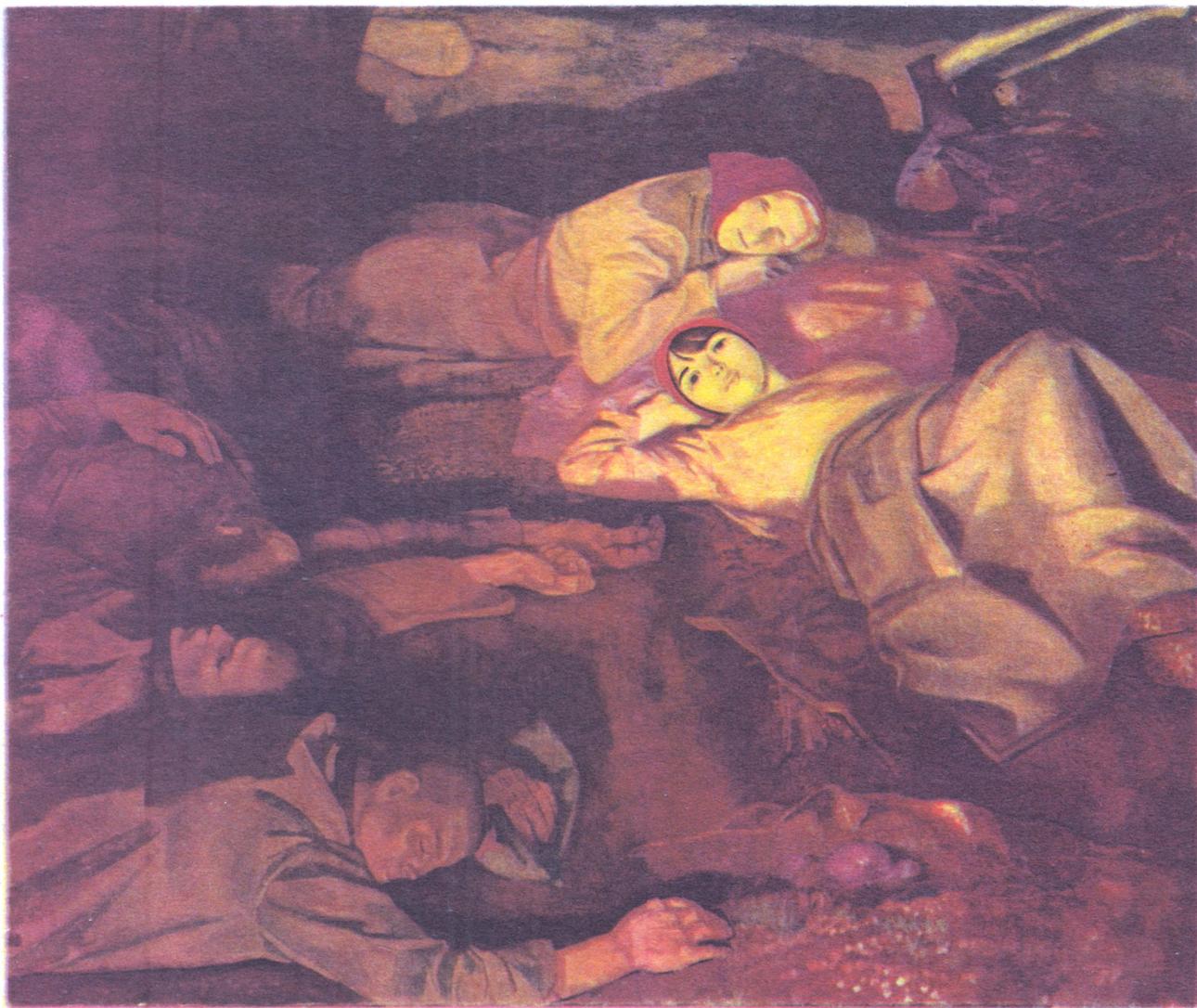

ЭЛЛЕЙ СИВЦОВ (*Якутск*)

ГИБЕЛЬ ТОВАРИЩА.

Л. ИЛЫНА (Фрунзе)
СЧАСТЬЕ.

А. ЧЕШОКОВ (Свердловск)

У КОСТРОВ НЕГАСИМЫХ

Рисунки С. Киприна

В древние времена это был большой и богатый город, теперь же это бедное, ничтожное, людьми покинутое место, развалин груда...

Авиен. «Морские берега».

От Фокеи до Геракловых Столбов

Боги благоприятствовали Горгию. Много тысяч стадий¹ отделяли его корабль от берегов Фокеи², а люди были живы и здоровы, и весла в их привычных руках мерно опускались и поднимались. Корабельные бока, плотно сшитые деревянными гвоздями и дорогими бронзовыми скобами, не пропускали воды: триста талантов³ свинца пошло на обшивку, зато морской червь не источит, не продырявит корабельного днища.

Горгий поднял голову, посмотрел на парус — хорошо ли наполнен ветром. Ходко бежит корабль, шипит вода, обтекая крутые бока. Восточный ветер дует через все море с берегов Фокеи, несет корабль к Геракловым Столбам.

Топая босыми ногами, на высокую корму взбежал Диомед. Уселся, высыпал на доску горсть разноцветных камешков.

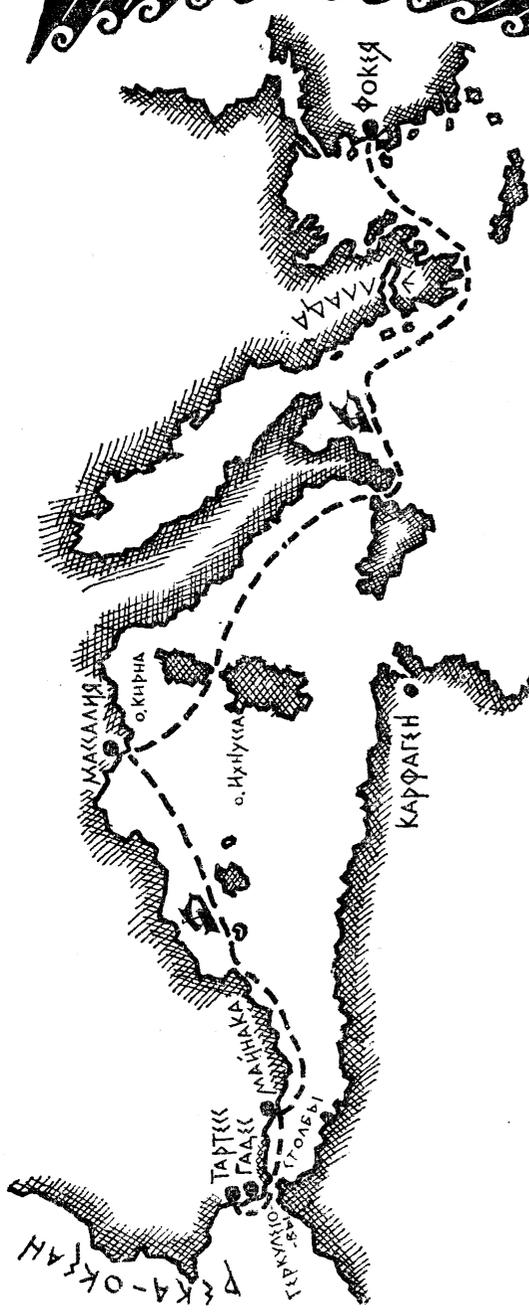
— Сыграем, хозяин?

Горгий не удостоил матроса ответом. Задумчиво тербил бороду, вглядывался в холмистый берег, чуть тронутый зарей. Его горбоносое лицо в слабом свете раннего утра казалось оливковым, ночь запуталась в черной борде.

¹ Стадия — древняя мера длины, около 180 метров.

² Фокея — древнегреческий город на побережье Малой Азии.

³ Талант — древняя мера веса, около 26 кг.

— Положи рулевое весло левее, Неокл,— сказал он кормчему. И резко добавил: — Еще, еще, не бойся потерять из глаз берег, там для нас ничего хорошего!

Громче заговорила вода под кораблем. За кормой розовые пальцы Эос, предвестницы Гелиоса, отошли вправо. Чистый восход, без тучки. Вот так и держать, так и выйдем к Столбам...

Кормчий велел справа парус подтянуть, слева отдать.

Юркий Диомед, управившись с парусом, вернулся на корму. Сгреб пятерней рыжую бородку, состроил за спиной Горгия рожу. Пожилой кормчий не выдержал, засмеялся. Потеха с этим Диомедом. Вечно кого-нибудь передразнивает. Особенно смешно изображает он азда. Вытянет руку и, ударяя по ней палочкой, будто плектром по струнам кифары, поет старческим голосом такое, что самый заматерелый разбойник со стыда закроет голову плащом.

Горгий тоже усмехался в черную бороду, глядя на выходки Диомеда. В тихую погоду часами играл с ним в камешки.

Но теперь, достигнув берегов Иберии, сделался Горгий молчаливым и задумчивым. Стоя на покачивающейся корме, глядит и глядит на дальний берег, на синее море — не видно ли чужого паруса. Вспоминает о долгом и трудном пути.

А путь и впрямь был нелегок.

На половине его, в фокеевской колонии Кумы, ожидали мореходов дурные вести.

— Ты не пройдешь в Тартесс,— говорили колонисты.— Даже если проскочишь к иберийским берегам, к Майнаке¹, остановят тебя карфагеняне в узком месте, у Геракловых Столбов. Говорят, поклялся Карфаген, что ни один фокеевский корабль не достигнет больше Тартесса. Принеси жертвы богам и поворачивай назад.

— Жертвы богам я принесу,— ответил Горгий после долгого раздумья.— Но сворачивать с пути не стану. Запад опасен, но еще большая опасность надвигается на Фокею с востока.

— Персы? — спрашивали колонисты.

— Персы,— подтвердил Горгий.— Фокее нужно оружие. Много оружия. За этим я и плыву в Тартесс.

— Да,— кивали колонисты.— Без олова не сделаешь бронзы, а олово можно взять только в Тартессе... О, боги, что станется с Фокеей!

Горгий принес богатые дары Посейдону и Аполлону, укротителю бурь, и вышел в море. Упрямо держал на запад, божественные близнецы Кастор и Полидевк, сияя в ночном небе, указывали ему дорогу. Двухдневная буря обрушилась на корабль и поглотила бы его, если бы не дары, принесенные в Кумах.

Последняя стоянка и отдых были в Майнаке. Издали, с моря, это поселение, окруженное стенами и утонувшее в зелени, казалось беззаботно дремлющим под жарким синим небом, на фоне желтоватых гор. Но, сойдя на берег, Горгий понял, что дремлотный покой был обманчив. Здешние колонисты рассказали: уже дважды входили в бухту карфагенские корабли, к берегу, верно, не приближались, но стояли подолгу, высматривали что-то. По всему видно, собираются запереть путь в Майнаку.

В заезжем дворе сидел массалиотский купец, пьяный и всклокоченный. Проливая вино на дорожную хламиду, выкрикивал непристойности.

— Уже десять дней наливается вином и богохульствует,— хмуро сказал Горгию здешний старейшина.— Продолжать путь в Тартесс морем опасается и по сухопутью идти не хочет. В Массалию возвращаться тоже не желает. Видывал я упрямых ослов, но таких...

Массалиот, услышав это, повернул голову и выпучил на Горгия бессмысленные глаза.

— Хватайте его! — закричал, тыча пальцем и пытаясь подняться.— Это кар-р-фагенская собака! Рубите его!

Горгий широким шагом вышел на улицу, утер пот ладонью. Старейшина покосился на его горбоносый профиль.

— Долог ли сухой путь в Тартесс? — спросил Горгий.

— Дорога идет через горы.— Старейшина вяло махнул рукой в сторону гор.— Потом надо спускаться в долину Бетиса¹, она и приведет к Тартессу. Если на лошадях, то доберешься за десять дней. На быках — за двадцать.

— А морем?

— Не советую тебе идти морем. У Столбов...

— Сколько, я спрашиваю, плыть морем? — резко прервал его Горгий.

— Пять суток корабельного бега,— буркнул старейшина.

И Горгий решил. В ранний предрассветный час вывел корабль из Майнакской бухты, направился к Геракловым Столбам.

Гелиос уже над головой — полдень. Ветер поутих, обвис парус. Кормчий велел келевсту — начальнику гребцов — ускорить греблю: следовало до темноты пройти узкое место — Столбы. Бойчее засвистала флейта, длинные весла вспахали синюю воду вдоль бортов.

Остро посматривая на скалистые берега, что тянулись справа, Горгий вел негромкий разговор с пожимым кормчим.

— Верно ли,— спрашивал,— что за Тартессом нет кораблям пути, что воды реки-Океана густы, как студень, и не поддаются веслу?

— Так говорят,— отвечал Неокл, держа одну руку на рулевом весле, а другой протирая слезящиеся глаза.— В старину говорили, что за Столбами — кха! — была в Океане богатая земля. Боги разгневались на нее и погубили. Ушла она под воду...

— Чем же навлекла она гнев богов?

— Кха! — У кормчего в глотке на всю жизнь застрял морской ветер, никак он его не выплюнет.— Боги ничего не объясняют смертным. Но слышал я, будто жители той земли захотели подняться выше богов...

Задумался Горгий. Что же это за река-Океан, по которой бесстрашно плавают тартесские мореходы? Сам Тартесс — всем известно — богат серебром и медью, но олова и у него нет, за оловом надо плыть на очень далекие Касситериды. Таинственные Оловянные острова... Узнать бы, разведать к ним дорогу...

Посвистывала флейта, привычно всплескивала вода под веслами.

— Расскажи мне о Серебряном человеке,— сказал Горгий.

¹ Майнака — торговое поселение фокеев на юго-восточном побережье Испании.

¹ Бетис — древнее название Гвадалquivира.

И терпеливый кормчий в который уже раз за долгий путь принял рассказывать о престарелом царе Тартесса.

...То ли за седую бороду, то ли за несметные богатства прозвали фокейские купцы царя Аргантоня Серебряным человеком. Царствует он, по слухам, лет сто, а может и побольше. Крут и своеволен владыка Тартесса к согражданам. Строго блюдет законы, а их в Тартессе великое множество, и все они, будто бы, записаны стихами. Но к эллинам Серебряный человек неизменно добр. Зовет их к царскому столу, потчует медовым вином одаривает щедро. Сам не гнушается вникать в торговые дела. Может, потому и добр, что далека от Тартесса Фокея и не посягала с оружием на его богатства.

Верно, далек и финикийский Тир, но с финикийцами были в старину у Тартесса раздоры. Недаром поставили финикийцы вблизи Тартесса свой город Гадир¹. Давным-давно пал Тир, и не бороздят Море корабли финикийцы, а Гадир стоит, обнесенный крепкими стенами, и люто враждует с могучим Тартессом.

Ныне Гадир держит руку Карфагена — по родству крови. Тожка ведь финикийцами был поставлен Карфаген...

Да, сильно поднялся Карфаген. Замыслил отнять у фокейцев Талассу...² загородил, как говорят, кораблями Столбы...

Почему лиса отпустила зайца

Впереди, над невидимыми еще, но близкими Столбами, низко стоял Гелиос. В его красноватом закатном свете не сразу заметили греки трягрядный корабль. А когда увидели — приуныли.

Поворачивать назад? Трягрядный корабль живо догонит. Не уйти...

Эх, не послушал старейшину в Майнаке, не пошел в Тартесс по сухому пути. Глотал бы сейчас, трясясь на быках, пыль горных троп — да сохранил бы свободу. Трудно ее получить, а потерять — пустяк...

Горгий смотрел на приближающийся карфагенский корабль, на огромный резной, расписанный красками глаз на его борту.

Ну что ж, остается одно — встретить судьбу, как подобает мужчине.

Уже видны смуглые воины в кожаных панцирях. Лохматые бородачи поигрывают боевыми пращами, скалят зубы. А впереди, на самом носу, стоит молодой воин с яростным лицом, медный шлем его горит зловещими отблесками заката, он потрясает копьем и кричит, указывая грекам на парус.

Горгий велел парус спустить, гребцам — перестать грести.

Корабли сошлись бортами. Оцепенело смотрели греки, столпившись у мачты, как закидывали карфагенские воины крючья, зацепляясь за борт.

Попрыгали, хлынули, затопали по палубе — и все с криками, будто на базаре. Окружили, наставили копья.

¹ Гадир (или Гадес) — нынешний Кадис на юге Испании.

² Таласса — море (древнегреч).

Резкий гортанный выкрик — и все смолкло. Молодой военачальник (лицо темное, глазичи неистовые) обзел греков взглядом, сказал что-то. Горгий понял: старшего выкликают. Подобрал полы гиматия, шагнул вперед. Двое подскочили, скрутили руки сырыми ремнями. Третий цапнул за бороду кормчего, пинком отшвырнул его в тесную группу греческих матросов, а сам встал к рулевому веслу. Было и это понятно: поведут корабль в Гадир, а может, и в самый Карфаген. Поделят добычу, продадут греков в рабство. Или гребцами прикуют навечно к скамьям своих кораблей.

Прощай, свобода...

Но боги, как было сказано, благоприятствовали Горгию.

С карфагенского корабля неспешно перелез через борт дородный человек с выбритой до синевы головой. Белый плащ его был подпоясан дофогой перевязью с коротким мечом. Воины почтительно расступились перед ним. Он подошел к молодому военачальнику, бросил несколько слов. Тот, видно, возразил Бритоголовый повел на него набрякшим веком, — этого оказалось достаточно: молодой сверкнул непримиримыми глазами, но повиновался, отошел в сторону.

Горгий ощутил на себе жесткий оценивающий взгляд. Услышал вопрос на ломаном греческом — шел он будто из чрева карфагенянина.

— Это твой корабль?

— Нет, господин, — поспешно ответил Горгий. — Я выполняю волю своего хозяина, Крития из Фокеи.

— Критий из Фокеи... — повторил бритоголовый, еле шевеля губами. — Куда послал тебя Критий? В Тартесс?

— Да, господин. По торговому делу.

— Ты не похож на грека, фокеец. Где ты рожден матерью?

— В Колхиде, на понте Эвксинском.

Не ясно было, понял бритоголовый это или нет. Он сказал что-то воинам, и те мигом расшвыряли грубые холсты и доски, прикрывавшие трюм. Недоумение отразилось на их лицах: трюм был набит серым песком, из него торчали горлышки полузаконных амфор. Воины тыкали копьями в песок — не спрятано ли что в нем.

— Вино и масло, — сказал Горгий бритоголовому. — Еще — египетские благовония.

— Это весь твой товар? — спросил тот.

Горгий заколебался. Все равно ведь обшарят корабль, уж лучше сказать правду.

— Еще — янтарь...

— Показывай.

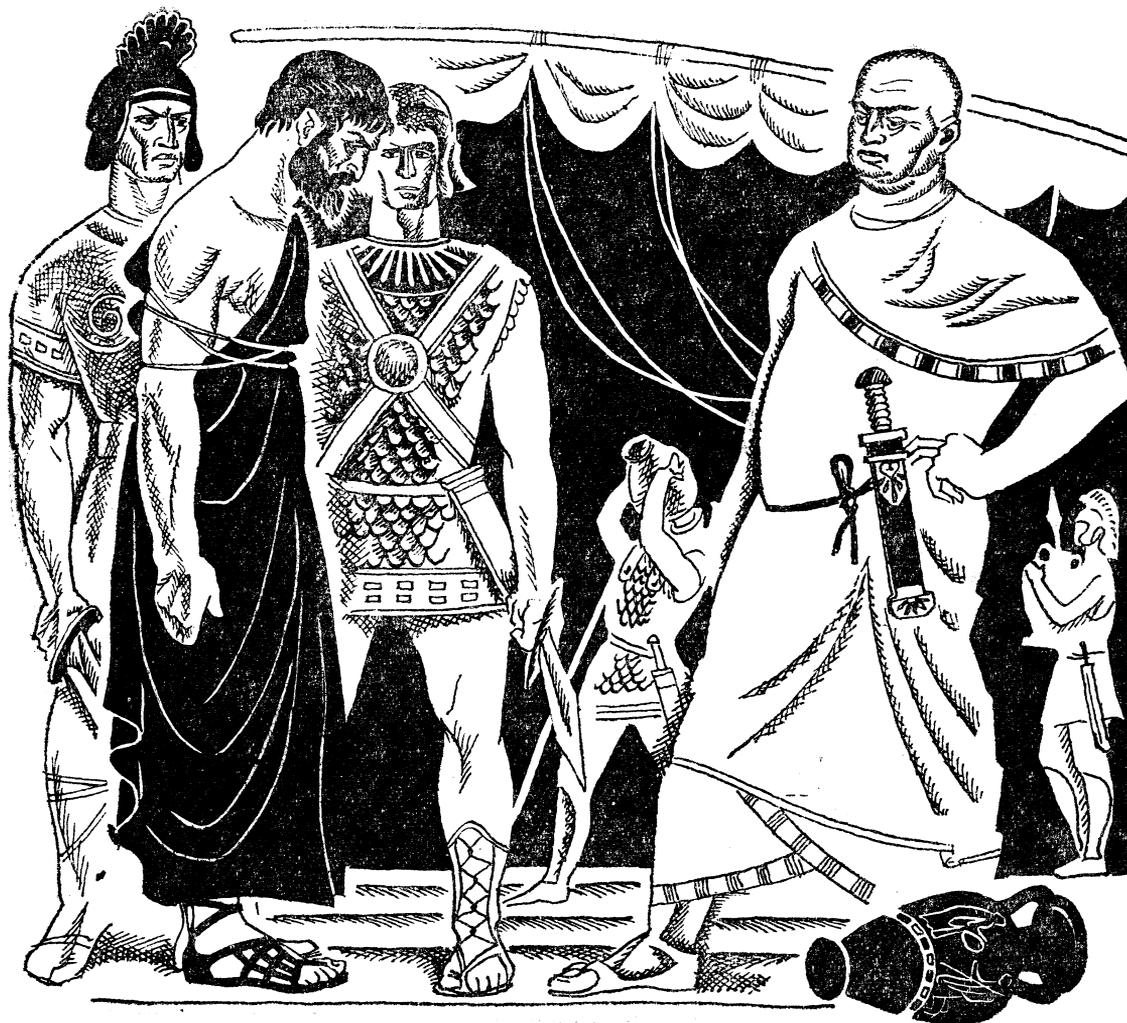
Горгий взглянул на свои руки. Повинуясь жесту бритоголового, воин развязал ремни. Горгий повел важного карфагенянина в дощатую каюту.

Карфагенянин уселся на скамью, по-домашнему ослабил перевязь, распустил живот. Горгий достал из тайника мешочки с янтарем. Бритоголовый долго разглядывал золотистые и зеленоватые куски. В брюхе у него урчало, взгляд уже не был жестким. Отобрал штук десять, сунул за пазуху.

— Светлая Тانيت! — вздохнул он. — Люди по твердой земле ходят, едят жареных молочных шенят... Искусные женщины их развлекают... А мы с тобой, грек, болтаемся в море, как лук в тощей похлебке.

Горгий удивленно посмотрел на него: уж не ищет ли бритый сочувствия? Решил промолчать.

— Что поделаешь, служба такая. — Карфаген-

нянин еще ослабил перевязь, поставил меч между колен.— Ты меня не бойся, грек. С тебя и взят-то нечего: товар у тебя — кал собачий.

Вдруг ослабился, ткнул Горгия большим пальцем под ребро: пошутил.

«Играет со мной, как лиса с зайцем», — подумал Горгий, отирая взмокшие ладони о гиматий.

— И корабль у тебя — поганая лохань. Верно говорю?

Горгий кивнул. А сам подумал: много ты понимаешь, базарный вор... Одного свинца на триста талантов...

— Что ж с вами, греками, делать? — размышлял вслух карфагенянин. — Людишки у тебя — дохлятина, много за них не дадут. Сам ты, верно, ничего — камни таскать годишься... Ну, что посоветуешь?

Горгий молчал, тоскливо глядя на тесаные доски палубы.

— Вижу, хитер ты, грек, не хочешь по-приятельски рассказать, почему с таким дрянным товаром пускаешься в такую даль. И не надо. Не хочу портить слух твоим враньем. Плыви-ка себе дальше, в Тартесс.

У Горгия будто холодная змея по спине проползла. Играет, пес бесстыжий, издевается...

Карфагенянин приподнял тяжелые веки.

— Чего ж не пляшешь, грек, от радости? Думаешь, шучу? Понравился ты мне, клянусь светлой Танит. Хочу с тобой еще раз повидаться — когда пойдешь обратно из Тартесса. Да и ты, верно, захочешь похвастать, показать старику Падрубалу — это меня так зовут, — каких товаров наменял в богатом Тартессе, да обгадят его боги сверху донизу... Ну, чего не радуешься?

— Я радуюсь, господин, — выдал из себя Горгий. — Боги воздадут тебе за доброту...

А сам напряженно думал: вот же что замыслил, разбойник, тартесский товар ему больше по душе... Отсрочку дает, а там не миновать рабства... И вдруг вспомнил про сухой путь из Тартесса в Майнаку. Быстро прикинул в уме, сколько можно в Тартессе выручить за корабль и во что обойдутся быки с повозками.

Падрубал поднялся, отшвырнул ногой скамью, затянул перевязь.

— Теперь запомни. — По жесткому его голосу Горгий понял, что шутки кончены. — Найдешь в

Тартессе, в квартале моряков, канатную лавку купца Эзула. Отдашь ему вот это.— Он протянул Горгию узкий ремешок локтя в два длины.— Скажешь: от Падрубала. Сделаешь, как велю, на обратном пути пройдешь Столбы без помехи. Но если не отдашь ремешка Эзулу или покажешь кому другому — берегись, грек!

— Сделаю, как велишь, господин.

Уже в дверях Падрубал обернулся вполоборота, добавил:

— Не помышляй о сухопутной дороге на Майнаку — она для тебя закрыта.

Воины пировали на палубе: прямо из амфор лили себе в глотки вино, орали, гоготали. При появлении Падрубала унялись, повскакали, вытира ладонями губы. Неспешно перелез Падрубал, показав жирные икры, через борт на свой корабль. Воины поспешили за ним. Последним покинул греческую палубу военачальник: его взгляд обжег Горгия ненавистью.

«Колдуны проклятые,— беспокожно подумал Горгий,— в мыслях читают... Это почему же закрыта для меня сухая дорога?»

Но раздумывать было некогда. Скорей бы убраться с глаз долой. Парус принял ветер, гребцы навалились — птицей полетел корабль прочь от опасного соседства. Диомед дернул Горгия за полу.

— Чем ты отвадил карфагенянина, хозяин?

Горгий не ответил: подсчитывал пустые и разбитые амфоры, прикидывал в быстром уме убытки. Подумал с веселой злостью: хоть и хитер ты, Падрубал, а дурак — не разгадал, что за песочек везем мы в Тартесс. С виду и верно простой песок для балласта, а на самом деле нет ему цены, наждаку с острова Наксос. Нигде в мире такого не сыщешь. Без наждака разве обточишь металл? Резать ли — под пилу подсыпать, сверлить — под сверло. Да на этот товар тартессские мастера накинута, как мухи на мед.

Сумерки заволакивали восток. А закатная сторона была словно кровью залита. Там, впереди, сближались берега. Наплывала справа каменная гора — черная на алом небе.

Ветром подхватило корабль, понесло из Моря в реку-Океан, мимо Геракловых Столбов.

По торговым делам

Долго плыли вдоль скучного песчаного берега. И вот за крутым поворотом открылся вда-леко, в знойной мареве полудня, Тартесс.

Горгий повидал на своем веку портовых городов. Кишела кораблями глубоко врезавшаяся в берег бухта Фокеи. Немало их приплывало и в Милет, и в Пилос. Но такого леса мачт, какой открылся сейчас его жадному взгляду, Горгий еще не видывал.

Бухты Тартесс не имел — берег острова, на котором он стоял, был низким и ровным. Зато далеко в море вытянулись каменные и деревянные причалы. В западной части города у самой воды стояли крепостные стены с зубчатыми башнями. За стенами высилось огромное изжелта-серое строение, увенчанное частыми гребнями.

— Дворец царя Аргантония,— сказал кормчий, проследив взгляд Горгия.

Правее дворца поднималось над стеной еще одно крупное здание, по виду — храм. Его массивный купол серебряно сверкал на солнце.

Горгий поцокал языком — детская привычка, над которой немало потешались фокейцы. Начал было прикидывать, сколько талантов серебра пошло на такую кровлю, да сбился со счета.

Еще правее крепостная стена уходила в глубь острова, и дальше начинался обычный с виду город: разбросанные домики с плоскими крышами, купы деревьев, склады, верфи.

Наперерез фокейскому кораблю вынеслось гребное судно, на помосте его стояли люди с копьями, секирами.

Горгий знал порядок — велел спустить парус. Гребное судно подошло вплотную. Морские стражники осмотрели товар и людей, разрешили идти к главному торговому причалу.

Не успели завести канаты, а уж на причале собралась толпа — все больше курчавые, бронзоволицые, полуголые. Густо запахло рыбой и чесноком. В толпу вклинились люди в желтом, древками копий расчищая дорогу, и в проходе появился невиданно разнаряженный человек. Было на нем много разноцветного полотна и много серебряных украшений. Черная борода и усы завиты колечками. В одной руке щеголь держал игрушечную амфору, часто подносил ее к носу — видно, вдыхал благовоние. Другой рукой вел на цепочке пушистого ливийского зверька — кошку в серебряном ошейнике.

«Вырядился, как гетера, ожидающая знатного гостя,— неодобрительно подумал Горгий.— Легко им тут, видно, серебро достается...»

Он поспешно пошел на причал, остерегаясь поскользнуться на рыбьей чешуе. Поклонился, приложил руку к сердцу. Завитый сказал по-гречески, излишне твердо выговаривая «т» и «р»:

— Приветствую фокейский корабль в великом Тартессе.

— Приветствую и тебя, господин,— ответил Горгий.

— Можешь называть меня просто... как это по-вашему... блестящий? Нет, блистательный. Давно не видели мы фокейских парусов в стране Великого Неизменяемого Установления.

— Дорога стала опасной, блистательный,— объяснил Горгий.— В море появилось много разбойников.

Завитый остро взглянул на Горгия.

— Как ты прошел Столбы?

— Боги помогли мне.

— Боги всемогущи,— согласился завитый,— но, как известно, в Столбах стоят карфагенские дозоры.

— Спасибо майнакскому архонту, надоумил меня пройти Столбы безпунной ночью.

Завитый в раздумье понюхал благовоние. Потом спросил, какой товар привезли фокейцы и что желают получить в обмен. Посоветовал навестить торговые дома двух-трех именитых тартесских купцов.

После ухода блистательного снова прихлынула к сходне толпа. Кормчий немного понимал по-тартесски. Объяснил, что эти люди — кха! — хоть сейчас готовы начать разгрузку, и не грех было бы угостить их вином. Осмотрительный Горгий решил с разгрузкой не торопиться. Угостить тоже не пожелал: и без того немалый убыток понес в Столбах от непрошенных гостей.

Сразу за верфями и складами раскинулась многолюдная базарная площадь. Горгий, сопровождаемый Диомедом, неторопливо шел меж

торговых рядов, зорко поглядывал, кто что продает. Приценивался к маслу и вину, пробовал на вкус. Щупал полотна и шерстяные ткани, про себя отметил: шерсть хороша и цветом, и выделкой.

В гончарном ряду удивленно усталился на невиданный сосуд — большую красную трубу, закрученную спиралью. Тощий гончар перехватил недоуменные взгляды греков, взял трубу, сунул узкий ее конец в рот — из раструбы вырвался громовой звук. Диомед испугался, побежал было, но тут же любопытство превозмогло страх. Вернулся, жестами показал гончару: позволь, дескать, дунуть разок. Но труба издала лишь жалкое хрипенье. Как ни пыжился Диомед, как ни надувался, ничего у него не получилось, только слюней напустил в трубу. Уж и народ стал вокруг собираться. Горгий силком оттащил матроса от дикивинки.

Мычали быки под навесами, покрикивали торговцы, расхваливая товар. Бойко торговались тартесские женщины — все они были закутаны в темные пелпосы, у всех на головах кожаные митры, от которых с боков свисали, прикрывая уши, медные диски.

О матери у Горгия было лишь смутное воспоминание: восьмилетним мальчишкой увез его милетский купец из родной Колхиды. Но чудились почему-то в резко очерченных лицах тартесситок полузабытые черты матери...

Топот и громкие крики прервали размышления Горгия. На базарную площадь рысью въехал конный отряд. Всадники в желтых кожаных нагрудниках рассыпались по рядам. Торговцы с воем кинулись кто куда, прижимая к груди плетеные корзины, пифосы, мешки. Всадники, гогоча, били плетями по их спинам. Храпели, взвизывали на дыбы кони. Кого-то связали, погнали с площади. Заскрипели повозки, ошалелые возничие понукали медлительных быков.

Скорым шагом, сторонясь всадников, Горгий с Диомедом покинули торжище.

Квартал моряков начинался от базарной площади и тянулся на восток вдоль южного берега острова. Улицы здесь были вымощены тесаным камнем, дома сложены из желтовато-белого известняка. Над глухими стенами свешивались ветви деревьев.

Прохожие выглядели почище, чем толпа в порту или на базаре. Да оно и понятно: в квартале жили купцы Тартесса и кормчие принадлежавших им судов. А мощна у тартесских купцов набита туго.

По расспросам Горгий быстро нашел дом купца Амбона. Это имя упоминал Критий, наставляя Горгия перед отплытием из Фокеи. Его же первым назвал нынче блистательный.

Амбон принял Горгия во внутреннем дворе, в тени шелковицы. Не отягощенный одеждой, сидел он на мягких подушках на краю бассейна, свесив ноги в воду, — важный, толстощекий, с завитой бородой. Раб отгснял от него опухалом мух. Горгий не заставил себя упрашивать — подобрал полы гиматия, скинул сандалии, тоже погрузил ноги в прохладную водичку.

Амбон хорошо отзывался о Критии — достойный, дескать, человек. Спросил, почему сам Критий не приплыл в Тартесс. Важно покивал, услышав в ответ, что почтенный фокейский купец болеет животом, да и по старости лет опасается пускаться в столь далекое плавание.

Пошел торговый разговор. Коротко рассказал Горгий об опасности персидского нашествия, о нужде в хорошем оружии.

— Есть олово в слитках, — сказал Амбон. — Недавно вернулись мои корабли с Оловянных островов. Медь тоже найдется. А бронзу из них вы и сами умеете выплавлять.

— Умеем, — согласился Горгий. — Но потребно нам, почтенный Амбон, иное. Сильно просит тебя Критий продать, — тут Горгий стал загибать пальцы: — мечи, наконечники копий в поллоктя, нагрудные латы, поножки — из черной бронзы.

— Черная бронза? — Амбон насторожился. — Видно, ты плохо меня расслышал, фокеец. Я тебе толкую про олово.

— Слышали мы, почтенный Амбон, что меч из тартесской черной бронзы перерубает обыкновенный. Понимаю, это — ваша тайна, но ведь я и не допытываюсь...

— Талант олова — за талант твоего наждака, — твердо сказал Амбон. Он, не глядя, протянул руку назад, принял от раба амфорку с благовонием, поднес к волосатым ноздрям.

Уклоняется, подумал Горгий. Не по-торговому разговор ведет. Ногу о ногу трет в воде да снадобье нюхает, будто от меня смердит...

Вслух сказал:

— Так как же нагчет черной бронзы, почтенный Амбон? — Доверительно добавил: — Есть у меня и янтарь...

Тартессит сухо проронил:

— Завтра пришло к тебе на корабль человека. Посмотри, что у тебя за товар, тогда и решим, сколько слова можно дать.

Грязная узкая протока отделяла квартал моряков от квартала оружейников. Здесь стеной стоял высокий камыш. А дальше, сколько охватывал глаз, разливался в топких берегах желтый, медлительный Бетис. Вдоль густых камышовых зарослей бродили цапли... Здесь, на краю квартала, и разыскал Горгий канатную лавку купца Эзула.

При лавке была мастерская. В длинном, пропахшем болотной гнилью сарае десятка два рабов лениво теребили камышовое волокно, вили канаты, плели корзины и циновки.

Купец Эзул был худ и неопрятен. Весь отпущенный ему богами волос рос ниже глаз — на голове не было ничего. Он жевал лепешку, роняя липкие крошки в нечесаную бороду, скрипучим голосом покрикивал на рабов.

— Говори скорее, что надо? — буркнул он на плохом греческом, приведя Горгия в убогую каморку за мастерской. — Я по бедности надсмотрщика не держу, сам управляюсь с этими ленивыми скотами.

Горгий и не собирался долго с ним разговаривать. Достал из-за пазухи карфагенский ремешок, подал Эзулу.

— Это тебе шлет Падрубал.

Эзул проворно выглянул из каморки, покрутил головой — нет ли кого поблизости. Вытащил из-за груди корзину круглую палочку, обмотал вокруг нее спиралью ремешок Падрубала. Долго шевелил губами, вода глазами по палке.

Тайное письмо, подумал Горгий. А так, не навивая на палку, посмотришь — вроде узор выжжен. Ну, не мое это дело.

— Прощай, — сказал он и шагнул к двери.

— Не торопись, фокеец. Не хочешь ли отвезти моего вина?

Отказаться — обидеть. Скрепя сердце, Горгий принял чашу, с отвращением поднес ко рту. Ви-

но оказалось на удивление: так и прошибло Горгия медовым духом, даже в ноздрях защекоталось.

В бесцветных глазах Эзула мелькнула усмешка.

— Полагаю,— проскрипел он,— почтенный Амбон потчевал тебя вином получше?

— Вино твое превосходно,— сказал Горгий.— Но я тороплюсь...

— Торопливая стрела летит мимо цели. Сядь, фокеец. Слышал я, что ты желаешь получить за свой товар оружие.

— Откуда ты знаешь? — удивился Горгий.

— Так вот,— продолжал Эзул.— Кроме меня, никто не поможет тебе разжиться оружием.

Непростой человек, подумал Горгий.

— Если ты и вправду берешься мне помочь,— осторожно начал он,— то в накладе не будешь. Мне нужно готовое оружие из черной бронзы: мечи, наконечники.

— Да будет тебе известно, фокеец, что царский указ запрещает вывозить черную бронзу из Тартесса. Кто нарушит указ, тот и почесаться не успеет, как угодит на рудник голубого серебра.

Горгий знал от бывалых мореходов, что существует в Тартессе великая тайна голубого серебра. Но если оружие из черной бронзы изредка попадало в руки иноземцев, то голубого серебра никто никогда не видел, только смутные слухи о нем ходили.

Спросил с притворным простодушием:

— Голубое серебро? А что это такое?

— Не лезь, фокеец, в дела правителей великого Тартесса. Тебе нужно оружие из черной бронзы? Старый Эзул поможет тебе...

— Хорошо,— сказал Горгий.— Приди ко мне на корабль, посмотри товары...

— Опять торопишься. Когда настанет время, я пришлю человека. Ко мне больше не ходи.

Серой ящерицей выскользнул Эзул из каморки. Горгий последовал за ним. Выходя, услышал скрипучий голос из сарая:

— Эй, шевелитесь! Не будет вам сегодня корму за такую работу.

Горгий встревожен

Царь Аргантоний плескался в бассейне. Вокруг стояло несколько приближенных — первые люди Тартесса. Им было даровано почетное право лицезреть царскую особу без одежд. Более того: иногда они удостоивались высочайшей чести — приглашались царем в бассейн для беседы о государственных делах.

Вот и сегодня:

— Павлидий! — позвал царь.

Верховный жрец встрепенулся, разжал тонкие губы:

— Иду, Ослепительный!

Как был, в многослойных одеждах и сандалиях, плюхнулся в бассейн, поплыл, стараясь не брызгать на царя. Одежды вздулись у него на спине желтым пузырем.

— Во дворце нечем стало дышать,— сказал Аргантоний.— Что там делают в городе? Почему столько дыма?

— В кварталах оружейников... и медников... дымят горны...

Павлидию трудно было говорить, он часто дышал.

Царь подплыл к ступеням бассейна, сел, вы-

простал из воды длинную седую бороду. Павлидий стал перед ним по горло в воде.

— Третьего дня,— доложил он,— карфагеняне нагло напали в море на корабли купца Амбона, шедшие с Оловянных островов. Если бы не попутный ветер...

— Хорошо, что ты напомнил об Амбоне. Кажется, я еще не подписал указ о производстве его в блистательные?

— Нет, Ослепительный. Это достойный подданный, ни разу не замеченный в сомнениях. Он уже сделал в твою казну большой взнос.

— Передай Амбону: пусть поднимает вдвое восточную стену. Дай ему рабов. За прокорм и камень пусть платит он.

— Будет исполнено! — Павлидий склонил голову, клюнул воду ястребиным носом.

— Высокорожденным не пристало нюхать дым,— изрек царь.

— Прекрасно сказано,— громко зашептались придворные.— Такие слова надо чеканить на серебре...

— Дозволь доложить, Слепительный,— сказал Павлидий.— Стало мне известно, что карфагеняне собирают войско, чтобы идти на Тартесс войной. Их отряды стоят в Гадире. Их флот...

Аргантоний в сердцах ударил кулаком по воде:

— Ощипанная цапля на кривых ногах — вот что такое твой Карфаген!

Придворные не смогли сдержать восторга, закричали:

— Какая точность! Какая глубина! Цапля на кривых ногах!..

— Ощипанная,— веско добавил Павлидий, скользнув взглядом по придворным. Никому не было дано права укорачивать высказывания царя.

— Никто не смеет угрожать моему царству,— сказал Аргантоний.— Как идет Накопление?

— С начала месяца в Сокровенную кладовую доставлено два пирима голубого серебра.

— Два пирима — за целый месяц?! Верховный жрец, ты забыл о своей главной обязанности.

— Я не забыл. Как можно, Слепительный! Кроме того, месяц еще не кончился...

— Ты забыл. Ну-ка, скажи, что повелел бог богов Нетон?

С самого начала разговора Павлидий видел, что царь не в духе. Видно, опять у него жжение в кишках... Все труднее приходилось верховному жрецу с Аргантонием: в последние годы царь стал нестерпимо капризен. Каждое слово поперек поворачивает. Сколько же лет еще отпущено ему богами?

Запятав раздражение поглубже, Павлидий привычно забубнил:

— И повелел бог богов Нетон: ничто не должно изменяться, и непреложен закон, и да стоит царство, пока накапливается крупица за крупицей голубое серебро.

— Ты не хочешь, чтобы щит Нетона был готов поскорее,— сказал Аргантоний.

— Я хочу, Слепительный! Как можно!..

— Кто хочет, тот старается.

— Я стараюсь, Слепительный! Поверь, я строго слежу. Но голубое серебро не просто дается в руки. Мрут рабы на руднике...

— Надо пополнять! Или, может быть, на плоскогорье перевелись цильбицены? — в голосе царя послышалась ирония.

Павлидий благоразумно смолчал, не стал сердить царя сообщением, что подлые цильбицены да и другие племена на плоскогорье — все эти лузитане, индигеты, галеаты — приобрели скверный обычай яростно сопротивляться тартессским конным отрядам.

— Или перевелись преступники в самом Тартессе? — продолжал Аргантоний, пересев на ступеньку повыше, — он строго придерживался совета придворного врача: выходить из воды постепенно.

— Будет исполнено.— Павлидий снова клюнул воду.— Дозволь доложить, Слепительный: в Тартесс пришел фокейский корабль.

— Давно не приплывали. Хорошо. Миликон! — позвал царь.

— Иду, Слепительный! — Пышно разоде-

тый вельможа с крупным холеным лицом и завитой каштановой бородкой проворно сбежал по ступеням в бассейн, стал рядом с Павлидием.

— Прими фокейца как следует, Миликон. Греки — союзники Тартесса. Вели купцам принять его товар и отгрузить ему олова.

— Стало мне известно,— заметил Павлидий,— что фокейцу не олово потребно, а готовое оружие из черной бронзы.

— Это он, должно быть, по неразумию,— сказал Миликон с добродушной улыбкой.— Не знает наших законов. Я объясню фокейцу, Слепительный.

— Позови его ко мне на обед. Я сам объясню. С этими словами царь Аргантоний поднялся во весь свой высокий рост. Двое придворных кинулись к нему с полотенцами.

Амбон не обманул — прислал на корабль сведущего человека. Тот говорил мало, больше смотрел. Подкидывал на жесткой ладони горсть наждака, удовлетворенно кивал. Сказал, что его хозяин намерен взять весь груз наждака — талант за талант олова в слитках.

Горгий угостил сведущего человека вином, стал осторожно выспрашивать — в каких товарах нужда, хорошо ли платит хозяин морякам и ремесленникам, какие нынче цены на масло и полотно. Сведущий человек вино пил исправно, но больше помалкивал, почесывал раздвоенный кончик носа. Однако после четвертой чаши вдруг повеселел, разговорился. Оказывается, был он вольноотпущенником, и выходило по его словам, что лучше него в Тартессе никто в бронзовом литье не смыслит. А узнав, что Горгий тоже из бывших рабов, обрадованно ткнул брата-вольноотпущенника кулаком в бок. И пошел у них совсем уже хороший разговор — кому хозяин больше платит, да каков корм, и все такое.

После шестой чаши нос тартессита по цвету сравнялся с вином.

— Брось ты свою... как ее... Кофею,— лопотал он, глядя на Горгия пьяненькими рыжими глазками.— Чего там хорошего — козьим сыром набивать брюхо. Оставайся у нас, Горгий. Каждый день жирную ба... баранину... Шепну хозяину слово — он тебя возьмет... Он без меня и шагу не ступит. Без меня он бы — вот! — И он плюнул в открытое оконце.

— Не просто это,— отвечал Горгий. И добавил: — Там у меня женщина, которую я хочу взять в жены.

— Ме-е-е! — проблеял тартессит, всем видом выражая величайшее презрение.— Женщина! Да их у нас тут сколько хочешь! Тебе какую — потолще? — он встал, шатаясь, направился к двери каютки.— Сейчас приведу...

— Постой, не к спеху.— Горгий поймал его за полу, усадил.— Я бы, пожалуй, остался, да боюсь, не смогу с вашими мастерами сравняться. Вы же не только обычную бронзу льете, а и еще кое-что к меди добавляете...

— Да это — тьфу! — Посланец Амбона снова сплюнул.— Выучу я тебя. Самоцветный порошок любой дурак добавит, был бы он только под рукой. Налей еще вина!

Выпили.

— Самоцветный порошок? — переспросил Горгий.— Посмотреть бы...

— А вот я с обозом на рудники поеду — возьму тебя с собой. Клянусь Быком! Меня там

начальник знает, Индибил, блистательный... Да что блистательный! Сам све... светозарный Павлидий меня знает! Думаешь, вру? Клянусь Быком! Он часто у Амбона бывает... У-у-у, Павлидий! — прогудел он, округлив глаза. — Боятся его до смерти. Чуть что — на рудники, а там знаешь как? Лучше удавиться!..

Тартессид вдруг разом умолк, оторопело уставился на Горгия, раскрыв рот с редкими зубами.

— Ничего я тебе не говорил... нич-его! — прошипел он. — И знать тебя не знаю!

Откуда только в нем, хмельном, такая прыть взялась — опрометью кинулся прочь.

Горгий, усмехаясь в черную бороду, вышел из каютки поглядеть. Вольноотпущенник Амбона мчался по причалу, расталкивая портовых людей. Истинно — как от чумы удирал.

А купец Эзул так и не прислал своего человека...

Грызла Горгия беспокойная мысль: не зря ли доверился Эзулу? Что он за человек? Карфагену, видно, служит, затаил злобу на родной город. Ну, это не его, Горгия, дело. Он должен исполнить повеление хозяина, привезти в Фокею оружие, и тогда Критий, как обещал, возвысит его, возьмет к себе в долю. Критий стар и сам понимает, что нужно передать торговое дело в надежные руки. Так-то вот... Пусть этот Эзул служит кому угодно, хоть мрачным силам Аида, лишь бы сдержал слово. И Горгий в который уже раз начинал прикидывать, сколько выручит за продажу корабля и во сколько обойдутся быки с повозками, чтобы пройти сухим путем до Майнаки. Жалко, очень жалко было Горгию продавать корабль (шутка ли — триста талантов свинца ушло на обшивку), но иного выхода он не видел. Испытывать еще раз судьбу, лезть напролом через Столбы — на это, видят боги, и неразумный ребенок не решился бы.

День перевалил за полдень. Жаркое солнце Тартесса так накалило палубу, что в щелях меж досок плавилась смола — босой ногой не ступишь.

Обедала команда вяло: кусок в рот не лез при такой жарнице. Все были в сборе, кроме Диомеда. Еще утром Горгий с несколькими матросами отправился на базар, продал десятка три амфор с маслом и вином — часть за деньги, часть за барани тушки, лук и ячменную муку (пшеничную брат не стал — дорога больно). Собрались с базара домой — Диомед привязался, как репей к гиматию: дозволь, мол, остаться ненадолго, еще раз поглядеть на ту диковинную трубу. Прямо малый ребенок. Велел ему Горгий через час быть на судне.

Вот уже солнце за полдень, а Диомеда все нет.

Горгий начинал тревожиться не на шутку. В этом городе держи ухо востро. Припоминал вчерашнюю облаву на базаре. Уж не угнали ли желтые всадники Диомеда вместе с другими бедолагами, не сумевшими откупиться? Денег-то у Диомеда не было...

А может, так и стоит в гончарном ряду, дует в закрученную трубу, и горя ему мало, обо всем позабыл?

Не выдержал Горгий, пошел на базар — посмотреть, как и что. Портовые закоулки кишели полуголыми грузчиками, мелкими торговцами, подвыпившими матросами. Горгий скромненько проталкивался сквозь толпу, — вдруг навстречу

всадники в желтом. Лошади шли шагом, портовый люд спешно очищал им дорогу. Ехавший впереди безбородый человек в высоченной шапке держал в руке серебряную палку, обвитую лентами. Потрясал палкой, что-то кричал зычным голосом. Горгий высмотрел в толпе человека почище, моряка с виду, дернул его за рукав, спросил, о чем кричит безбородый. Тот окинул Горгия быстрым взглядом, ответил на плохом греческом:

— Новое царское повеление выкрикивает: отныне считать Карфаген... как это... голый цаплей на кривых ногах.

— Голый цаплей?

— У которой нет перьев, — пояснил тартессид.

— Ощипанной цаплей, — догадался Горгий.

— Верно! А ты с фокейского корабля?

— Да. — Горгий поспешил прочь.

Он шагал по пыльной дороге и невольно вспоминал карфагенян — Падрубала и того, молодого, с яростными глазами. «Ощипанная цапля... — как бы не так», думал он, дивясь странному царскому указу.

Издали увидел еще группу всадников — там тоже выкрикали указ. Видно, по всему городу разъезжают, чтоб, избави бог, никто не остался в неведении...

Торговые ряды сильно поредели: базарный день заканчивался. Все же Горгию повезло — разыскал тощего гончара с трубой, как раз тот укладывал в возок свой товар. Кое-как объяснились. По словам гончара выходило, что, верно, подходил к нему грек с рыжей бородкой, опять пробовал дуть в трубу. Дул, дул, а потом что-то сказал, засмеялся и ушел. Куда ушел? Гончар махнул в сторону порта. Больше он ничего не знал.

Нет, не иначе, как в заезжем дворе сидит Диомед, нашел, видно, собутыльника, угощается на даровщинку. Горгий огорченно поцокал языком.

Вернулся в порт, заглянул в одну винную лавку, в другую. Народу всюду полно, а Диомеда нету. Разыскал еще одно заведение — полутемный погреб, насквозь пропахший бараньим салом. Когда глаза привыкли к полутьме, Горгий увидел длинные и нечистые дощатые столы, за которыми ели, пили, галдели люди, моряки по обличью. Над столами тучами роились мухи. Какой-то пьянчуга спал, навалившись грудью на стол и уронив лохматую голову на руки.

Диомеда не было и здесь.

Один из едоков привстал, замахал Горгию: подсаживайся, мол. Горгий узнал в нем давешнего моряка, который объяснял про ощипанную цаплю. Сделал вид, что не заметил приглашения, повернулся к выходу — не тут-то было! Моряк подскочил, ухватился за гиматий, чуть ли не силком усадил.

— Отведай, грек, моего пива, — сказал он, — и все заботы с тебя сразу слетят.

С грубого лица моряка смотрели бесстрашные глаза. Он был молод, борода не росла как следует, только пух покрывал загорелые щеки. Нос у него был как у хищной птицы.

— Мои заботы — не твоя печаль, — сухо ответил Горгий, раздосадованный неожиданной задержкой.

— Верно, грек, — весело воскликнул моряк. — Вот и выпей, чтобы твои заботы и мои печали обнялись, как родные братья.

И он налил Горгию из пузатого пифоса светло-коричневой жидкости и заставил его взять чашу в руки. Пиво было приятное, горьковатое, с резким полынным духом. Ни в какое сравнение не шло с просяным египетским пивом, которое Горгию доводилось пить прежде.

— Э, нет, грек, осуши до дна! Вот так. Это не простое пиво — дикарское. На Касситеридах его варят, из зеленых шишек. Тебя как зовут?

— Горгий.

— А меня — Тордул.

Сидевший напротив долговязый юноша с изрытым оспой лицом поправил насмешливо:

— Блистательный Тордул.

Моряка будто оса ужалила. Он схватил рябого за ворот, зарычал что-то по-тартесски. Тот дернулся, выдавил из себя несколько слов, должно быть, просил прощения. Тордул отпустил рябого. В уголках его сжатых твердых губ белела пена. Горгий подивился такой вспыльчивости. Решил: надо поскорей уходить.

— Спасибо за пиво, Тордул, — сказал он. — Мне пора идти.

— Нет, Горгий, — отрезал моряк — Ты должен выпить еще.

Горгий огляделся. Вокруг сидели и стояли люди мрачного вида. Пили, обсасывали бараньи кости. Горгию стало не по себе от устремленных на него взглядов. Уж не ловушка ли? — подумал он.

Однако и виду не подал, что встревожен. Спокойно отпил пива, вытер усы ладонью, сказал:

— Доброе пиво. Нисколько не скисло, хоть и везли его с очень далеких Касситерид.

— С очень далеких Касситерид? Гы-гы-гы... — Тордул будто костью подавился. — Ну-ка, скажи, грек, долго ли ты плыл из Фокеи?

— Я отплыл в начале элафеболиона, а сейчас конец таргелиона¹... Значит, три месяца.

— Ну, так очень далекие Касситериды куда ближе, чем твоя Фокея!

— Вот как. Но плыть туда, говорят, трудно. Там же море как студень, не поддается веслу...

Тордул опять подавился костью. Он перевел своим друзьям слова Горгия, и те тоже загоготали.

— Хитер же ты, — сказал Тордул, хлопнув грека по спине. — Но отправь меня на рудник голубого серебра тебе не удастся.

— На рудник? — удивился Горгий. — Послушай, у меня и в мыслях не было...

— Да будет тебе, Горгий, известно, что путь на Касситериды — одна из великих тайн Тартесса. Эй, Ретобон! — крикнул он рябому. — Ну-ка, спой греку закон об Оловянных островах.

Ретобон, повинувшись, прочел нараспев: Труден, опасен тот путь, что ведет корабли к островам Оловянным, Честь морякам, что ведут корабли потаенной дорогой.

Если же кто чужеземцу расскажет великую тайну,

¹ Примерно — с 15 марта по 15 июня,

Тайну пути на гуманные, дальние

Касситериды — Будет казнен заодно с чужеземным

пришельцем: Вырвав злодею язык, что поведал запретное слово,

Тем языком и заткнуть согрешившее горло, Дабы, дыхання лишив, наказать его смертью. Все же именье злодея в казну описать, в Накопленье.

Тордул перевел все это Горгию и заключил:

— В Тартессе любопытных не любят. — Он покосился на лохматого, который, похрапывая, спал на краю стола. Понизив голос, продолжал: — Вот что расскажи ты нам, Горгий. Бывали у вас в Фокеи времена, когда коварный царедворец прогонял законного правителя и обращал его в рабство?

Горгий осторожно ответил:

— Почтенный Тордул, я купец и не вмешиваюсь в такие дела.

— Не называй меня почтенным, не люблю я это. Отвечай, я жду. Здесь нет лишних ушей.

Угроздило же меня заглянуть в эту дыру, — подумал Горгий, отирая с лица обильный пот.

— Бывало, — сказал он тихо.

— Так я и думал. — Тордул придвинулся ближе. — А теперь скажи, как поступали у вас изгнанные правители?

— Ну... бежали в соседние города... Бывало, скликали народ и...

— Дальше! — потребовал Тордул, видя, что грек замаялся.

— И шли войной на того, кто их изгнал.

— Клянусь Черным Быком, это по мне! — Тордул жарким взглядом оглядел притихших дружков.

— Это было в давние времена, — поспешно добавил Горгий, — сам я ни разу не видел...

— Скоро увидишь! — Тордул трахнул кулаком по столу.

Тут произошло непонятное. Лохматый, что спал с перепоя, вдруг сорвался с места, метнулся к двери. И выскочил бы, если бы Ретобон не прыгнул следом, не подставил беглецу длинную, как жердь, ногу. Лохматого потащили в темный угол, вокруг сгрудилось несколько человек... На миг увидел Горгий безумно выпученные глаза, вывалившийся язык... Лохматый захрипел...

Топот ног, звон оружия — в подвал гуськом спускались трое стражников в желтых нагрудниках. В углу мелькнули плащи: труп закидали тряпьем.

Воцарилась тишина.

— Есть ли здесь грек из Фокеи? — раздельно выговорил старший стражник греческие слова.

Горгий поднялся, не чувствуя под собой ног.

— Ты хозяин корабля? Великий царь Тартесса желает видеть тебя.

Властители Тартесса

В каменной палате журчал фонтан. Певцов и танцовщиц за обедом не было — давно потерял к ним вкус престарелый владыка Тартесса.

Аргантоний сидел во главе стола. Сам рвал пальцами жирную баранину, сам раздавал куски — сначала верховному жрецу Павлидию, потом верховному казначею Миликону, придворному поэту Сапронию, потом другим. Сотрапезников было немного — лишь самые приближенные, именитей-

шие люди страны Великого Неизменяемого Установления. Царские кошки — рослые, откормленные — сидели вокруг Аргантония, утробно мурлыкали. Им тоже перепадали жирные куски.

— Замечаю я, Сапроний, — сказал царь, — последнее время ты много ешь, но мало сочи-няешь.

Толстяк Сапроний всполошился, спешно обернул руки об одежду, воздел их вверх.

— Слепительный! Каждый проглоченный мною кусок возвращается звучными стихами, славящими твоё великое имя!

Аргантоний удовлетворенно хмыкнул. Он ценит придворного поэта за умение красноречиво высказываться. Искусство стихосложения было не чуждо царю: добрую половину тартесских законов он некогда сам своею рукою положил на стихи. И теперь нет-нет да и низвергалось на царя поэтическое вдохновение, и глашатаи выкрикивали его стихи на всех перекрестках, и помнить их наизусть был обязан каждый гражданин Тартесса, если не хотел быть замеченным в сомнениях.

Сапроний начал читать. Пылали в верноподданническом экстазе его жирные щеки, тряслось под цветным полотном огромное брюхо. Гремел и отдавался под каменными сводами его сильный, звучный голос:

— Что есть Сущность? Внимай: Сущность есть Неизменность!

Вьется овод вокруг круторогой коровы всегда неизменно,

Неизменно вращается обод колесный вокруг оси тележной,

Неизменно вращается солнце вокруг Тартессиды.

Неизменность — и мать и сестра твои, вечная Вечность,

На устоях твоих и воздвигнуто вечное царство Тартесса...

Сапроний икнул и продолжал с новой силой: В чем Основа Основ? В Накоплении вечно текущем.

Вечен тысячелетний Тартесс в накопленье Основы

И пока за пиримом пирим серебра голубого В щит Нетона ложится...

— Стой, — прервал Аргантоний вдохновенную речь поэта. — «За пиримом пирим» — плохо. Не поэтично. Слово «пирим» годится только для рудничных донесений. «За крупницей крупца» — так будет хорошо.

— Хорошо? — вскричал Сапроний. — Нет, Слепительный, не хорошо, а — превосходно!

Тут поднялся сухонький человек с остроконечной бородкой. Кашлянув и прикрыв рот горстью, дабы не обеспокоить соседей дыханием, он произнес тонким голосом:

— Дозволь, Слепительный, уточнить слова сверкающего Сапрония. Он говорит: «В Накоплении вечно текущем». Это не совсем точное определение. Сущность Накопления — Неизменность, а не Текучесть, хотя бы и вечная. Ибо то, что течет, неизбежно изменяется, и это наводит на опасную мысль об изменчивости Неизменного, что, в свою очередь, ставит под сомнение саму Сущность и даже, — он понизил голос, — даже Сущность Сущности!

— Да что же это! — Сапроний встревоженно затряс подбородками. — Я высоко ценю ученость сверкающего Кострулия, но — не согласен я! В моей фразе понятие Текучести совокуплено с высшим понятием «Вечность», что не дает права

искажать смысл стихов, суть которых как раз и подтверждает Неизменность Сущности, а также Сущность Неизменности.

— И все-таки стихи уязвимы,— мягко сказал Кострулий.— Даже оставив в стороне тонкости основоположений Вечности и Текучести, замечу, что на протяжении десяти строк сверкающий Сапроний ни разу не упомянул великого имени Аргантония. А как известно, упоминание не должно быть реже одного раза на шесть строк.

Сапроний подался к царю тучным корпусом. — Дозволь же, Ослепительный, дочитать до конца — дальше идет о твоей непреходящей во веки веков славе...— Он вдруг осекся, завопил:— Ослепительный, скажи светозарному Павлидию, пусть он не смотрит на меня так!

Павлидий, слегда растянув тонкие губы в улыбке, опустил финикийское стеклышко, сквозь которое смотрел на поэта.

У Аргантония борода затряслась от смеха.

— Уж не попал ли наш Сапроний в твои списки? — спросил он.

Павлидий убрал улыбку с лица.

— Государственные дела не оставляют мне времени для повседневного наблюдения за поэзией — это, как известно, поручено Сапронию. А он, как мы видим, и сам подпадает под власть заблуждений. Чего же удивляться тому, что произошло на вчерашнем состязании поэтов? Взять хотя бы стихотворение Нирула...

— Помню,— сказал Аргантоний.— Стихи местами не отделаны, но основная мысль — прославление моего имени — выражена удовлетворительно.

— Мой ученик,— поспешно вставил Сапроний.

— На слух все было хорошо,— тихо сказал

Павлидий.— Но я взглянул на пергамент Нирула и сразу понял, что он опасный враг. Он раздвоил, Ослепительный, твое имя. Он написал в одной строке «Арган» и перенес на другую «тоний».

В палате воцарилась зловещая тишина. Сапроний грузно рухнул на колени.

— Всюду враги. Всюду преступники,— огорченно сказал Аргантоний.— Покоя нет. Ты отправил Нирула на рудники?

— Сегодня же отправлю,— ответил Павлидий.

— Встань,— сказал царь Сапронию.— Твоя преданность мне известна. Но за едой и развлечениями ты стал забывать... перестал стараться...

— Наговоры, Ослепительный! — взвизгнул Сапроний.

— Хотя и люблю я тебя, Сапроний, но распускать учеников не позволю.

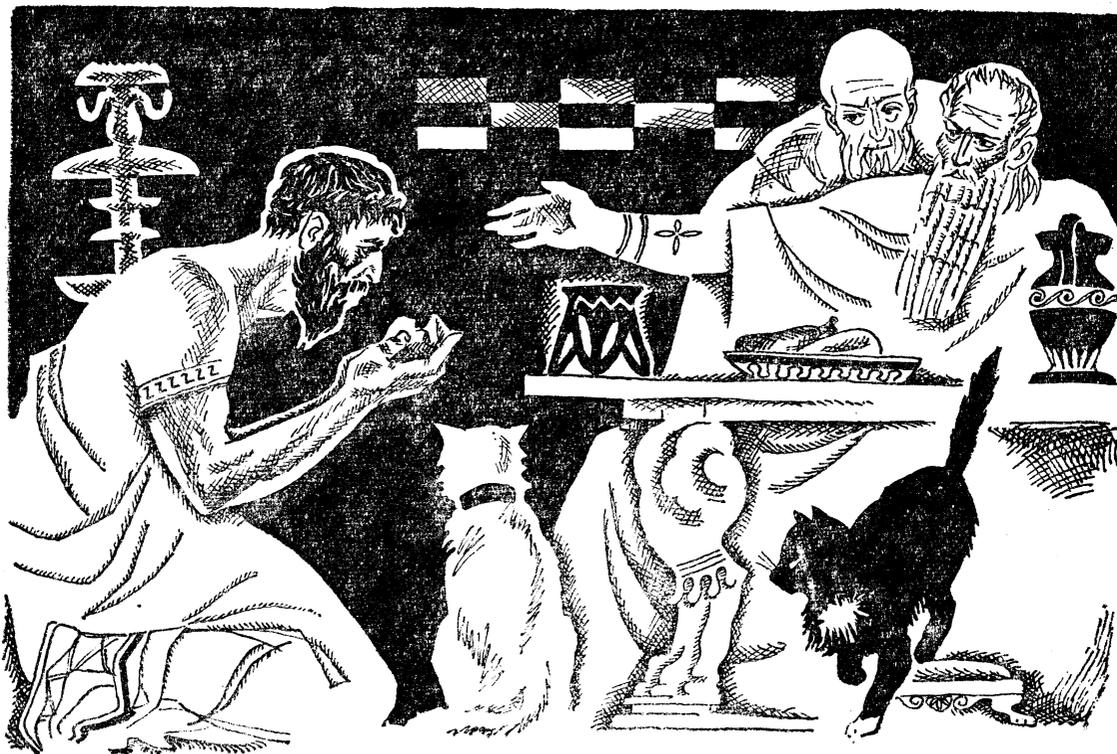
И царь принялся за тыкву, вареную в меду, тщательно оберегая бороду от капель.

Горгия провел в обеденную палату тот самый мелкозавитый щеголь, что встречал его корабль.

Так предстал Горгий перед грозным владыкой Тартесса. Щеголь — звали его Литеннон — заранее растолковал греку, как следует подползти к царю. Горгий на миг растерялся: по торжественному случаю он надел праздничный гиматий, обшитый по подолу красным меандром, а каменные плиты пола были нечисты от кошек. Однако размышлять не приходилось: подобрав гиматий, он стал на колени и пополз к царю.

Аргантоний милостиво принял подарки — куски янтаря и египетский душистый жир. Велел сесть.

— Фокея — союзник Тартесса,— сказал он, ощупывая грека взглядом. Медленно взял с блюда кусок мяса.

Кошки, тесня одна другую, потянулись к нему. Но царь поднял кусок выше, протянул Горгию.

— Отведай. Мясо укрепляет силы. Я хочу знать, почему не стало видно в Тартессе фокейских кораблей.

Горгий сказал, что Фокея по-прежнему дорожит союзом с Тартессом, но на Море возникли большие опасности. Тут он подумал немного, припомнив выкрики давешних глашатаев, и добавил:

— Конечно, все знают, что Карфаген — оципанная цапля на кривых ногах.

Аргантоний хмыкнул, оторвал для грека еще кусок мяса. Заговорил о чем-то с Павлидием.

За последние дни Горгий уже привык к звучанию тартесской речи, а тут, как ему показалось, разговор шел не по-тартесски. Слова шипели, как весла в кожаных уключинах. — Особый язык для себя придумали? — подивился Горгий.

— Дошло до меня, — сказал царь, перейдя на греческий, — что ты хочешь выменять на свои товары оружие из черной бронзы. Так ли это?

— Фокея в опасности, великий базилевс, — осторожно ответил Горгий. — Персы собираются пойти на нас войной, потому и велено мне привезти из Тартесса оружие. И если у нас будет оружие из черной бронзы...

— Слепительный, — сказал верховный казначей Миликон, не дав Горгию договорить. — Грек не знает наших законов.

— Сапроний, почти купцу закон, — велел царь. — В греческом переводе.

Поэт встал, нараспев произнес:

— Тот, кто, замыслив измену владыке
Тартесса,
Черную бронзу продаст иль подарит
пришельцу,
Или расскажет, как делают черную бронзу, —
Будет казнен заодно с чужеземным
пришельцем:
Взрезав злодею живот и кишки из утробы
изъявши,
Теми кишками его удавить за измену.
Все же именье злодея отпишут в казну,
в Накопленье.

— Теперь, фокеец, ты знаешь, — сказал Аргантоний.

Он откинулся на подушки, потирая живот обеими руками, лицо его исказила гримаса: видно, начиналось жжение. Павлидий подал чашу с водой, но Аргантоний оттолкнул ее и поднялся.

— Миликон, — сказал он, — сможешь греку в торговле.

Он удалился, сопровождаемый стаей кошек. Павлидий вышел вслед за ним.

В галерее Венценосной Цапли царь оглянулся, недовольно буркнул:

— Ну что еще? Покоя от вас нет.

— Грек лжет, Слепительный, — доложил Павлидий. — Он сказал моим людям, что, опасаясь карфагенян, прошел Столбы безлунной ночью. А как известно, этими ночами стояла полная луна...

— Утомляешь ты меня, Павлидий. Если грек — карфагенский лазутчик, то займись им. А мне не докучай. Эй, усыпального чтеца ко мне!

После ухода царя придворные почувствовали себя свободнее. Сапроний быстро доел баранину, выпил вина и, не отирая жирных губ, придвинул к себе тыква в меду. Миликон, перебирая холены-

ми пальцами бородку, шептал что-то на ухо ученому Кострулию, а тот хихикал, поводя вокруг острыми глазками.

Горгий сидел, не притрагиваясь к еде, и не знал, что делать. Уйти без разрешения было неприлично, оставаться — вроде бы ни к чему.

Наконец черные глаза Миликона остановились на нем.

— Не хочется в такую жару заниматься делами, — лениво сказал верховный казначей, — но что поделаешь, грек: царь повелел заняться тобой.

Горгий учтиво наклонил голову, всем видом выказывая, что ему крайне неприятно подвергать беспокойству такую высокую особу.

Сапроний оторвался от еды, засопел, остановил на Горгии тяжелый взгляд.

— Послушай грек, — сказал он, — много ли в Фокее поэтов?

— Есть у нас певцы-азды, — ответил Горгий. — А много ли их — не знаю, господин. Не считал.

— Многочисленность поэтов идет во вред власти, — высказался Сапроний. И без обиняков добавил: — У меня кончился запас египетских благовоний. Умашиваться нечем.

— Чтобы тебя умастить, — насмешливо заметил Миликон, — надо известить столько жиру, сколько иному хватит на год.

Кострулий захихикал.

— Если бы это сказал не ты, светозарный Миликон... — недобрый тоном начал Сапроний.

— То ты бы немедля написал стихотворный донос, — закончил, смеясь, Миликон. — Знаю я тебя. — Он поднялся, стряхнул с одежды обглодки. — Идем, грек.

— Господин, — обратился Горгий к Сапронию, — у меня есть немного египетского жира. Если позволишь, я...

— Завтра вечером, — перебил его толстяк, — приходи в мой дом по ту сторону стены. Я пришлю за тобой раба.

Горгий поспешил за Миликоном, соображая на ходу, хватит ли для поэта двух амфор жира, или придется пожертвовать три. Видно, этот пузатый — влиятельный человек при дворе, ничего не поделаешь, надо быть с ним в хороших отношениях.

Они вышли из дворца и остановились у массивных, обитых серебром колонн, подпиравших портал. Подскочили рабы с носилками, Миликон неторопливо взгромоздился, задернул полог. Рабы понесли его через широкую площадку, залитую солнцем. Горгий пошел следом. Раскаленные плиты жгли ноги сквозь подошвы сандалий.

Посредине площадки перед храмом стояла четырехугольная башня старинной кладки. Сверкал, слепил глаза серебряный купол храма. Его литые бронзовые двери были затворены, по бокам дверей, как стражи, вытягивались черные головы неведомого божества. И опять подивился Горгий расточительству тартесских правителей. Все сплошь — серебро и бронза, как еще не додумались вымостить ими площадку...

Пересекши площадку, вошли в тень оливковых деревьев. Здесь, окруженные садами, стояли дворцы — были они гораздо меньше и ниже царского, но тоже крепкостенные и затейливые. Очевидно, в этой части города жили знатные тартесситы, царские придворные.

Распахнулись ворота Миликонова дворца. Горгий вслед за носилками вошел в тенистый двор с бассейном. Миликон сбросил одежды на руки.

рабов, полез, кряхтя от наслаждения, в бассейн. Поплескавшись, сделал знак Горгию. Тот проворно скинул гиматий и сандалии, спустился в прохладную воду. Миликон с усмешкой сказал:

— Когда высокорожденный зовет низшего в бассейн, он не должен ждать, пока низший разденется.

Горгий рассыпался в извинениях, Миликон властно его прервал:

— Помолчи, грек. И не вздумай на меня брызгать.— Он уселся на ступень, по пояс в воде. Горгию велел стать ступенью ниже.

Во дворе не было ни души, только бродили две-три диковинные птицы, обличьем похожие на цапель, но с пышными невиданно-прекрасными хвостами. Из глубины дворца доносились невнятные женские голоса.

— Дошло до моего слуха,— начал Миликон,— что карфагеняне сожгли у Кирны¹ фокейский флот. Верно ли это?

— Нет, господин...

— Называй меня — светозарный. И подумай, прежде чем говорить «нет». Будет лучше, если ты скажешь правду.

— Это правда, светозарный. Сожжено в битве много кораблей, но потери карфагенян не уступают фокейским.

— Тем не менее,— жестко сказал Миликон,— уцелевшие фокейские корабли навсегда покинули западную часть моря.

— Этого я не знаю. Когда я плыл сюда, наш флот стоял в Кумах.

— А в Столбах стоял карфагенский флот, не так ли?

Миликон пристально посмотрел на грека, в его черных и влажных, как маслины, глазах была усмешка.

— Не знаю, светозарный.— Горгий обдумывал каждое слово.— Я прошел Столбы ночью и никого не видел.

— Никого не видел,— насмешливо передразнил Миликон.— И никто тебе ничего не передавал?

— Нет,— твердо сказал Горгий.

Миликон огладил ладонями лицо и бороду.

— Нахальных лжецов мы отправляем на рудники,— медленно сказал он.— Но я буду к тебенисходителен. Через пять дней ты поплывешь обратно с грузом, которого желаешь.

— Спасибо, светозарный. Боги тебе воздадут за доброту. Но... не знаю, удастся ли мне снова без помехи пройти Столбы. Ты сам сказал, что карфагеняне...

— Ты сам сказал царю, что Карфаген — ошипанная цапля. Чего же ты боишься?

Куда он клонит? — беспокоило подумал Горгий, призывая на помощь всю свою изворотливость.

— Конечно, это так,— сказал он.— Но груз, который я повезу, заслуживает особой заботы, а мой корабль почти не вооружен. Я бы предпочел, светозарный, сухой путь до Майнаки.

Миликон провел указательным пальцем под носом Горгия.

— Сухой путь закрыт.

— Как же так? — растерянно спросил Горгий.— Мне говорили в Майнаке...

— Ты слишком разговорчив, грек. Я тебе втолковываю, что горная дорога закрыта гадирскими отрядами. Твой корабль будет набит ору-

жием. Через пять дней ты отплывешь.— Миликон, крупно шагая по ступеням, вышел из бассейна, лег на сплетенное из камыша ложе. Закрыв глаза. Добавил, зевая: — Я дам тебе знать, когда нужно. С Амбоном торговли не затевай. Не разрешай своим людям бродить по городу. И помалкивай о нашем разговоре. А теперь ступай.

Горгий накинул на мокрое тело гиматий. Завывая сандалии, сказал:

— У меня пропал матрос...

Миликон открыл глаза, приподнялся на локте.

— Когда? Как зовут?

Выслушав рассказ об исчезновении Диомеда, сморщился, поковырял пальцем в ухе. Звякнули кольца серебряных серег.

— Я узнаю, где твой матрос. Ступай.

Пир у поэта Сапрония

Широкая проезжая дорога, рассекая Тартесс на две половины, тянулась с севера на юг, к базарной площади, к верфям и причалам порта. В восточной части города, пыльной и жаркой, изрезанной грязными протоками, ютился ремесленный люд — медники, гончары, оружейники. С утра до ночи здесь полыхали горны, тяжко стучали молоты, над плоскими кровлями стелился рыжий дым, смешиваясь с чадом очагов, с могучими запахами лука и жареной рыбы. Домишки тесно жались один к другому, были они высотой в человеческий рост — строить выше ремесленникам не позволял особый царский указ.

В юго-западной части города, обнесенной крепостными стенами, жила знать. Дворцы здесь были обращены не к заболоченным, поросшим камышом берегам Бетиса, а к синей океанской равнине. К северу от крепости: остров полого вышлся, взгорье густо поросло буком и орешником, и тут, в лесу, на зеленых полянах, стояли загородные дома тартесских вельмож.

Сюда-то, в загородный дом Сапрония, и приехал Горгий присланный за ним молчаливый голец.

Пробираясь вслед за гонцом по темным лесным тропинкам, Горгий беспокойно думал о том, что принесет ему нынешний вечер. Все складывалось не так, как он полагал. Вместо привычной честной торговли — с криком, божбой, обильной выпивкой,— пугающе-непонятные разговоры с недомолвками. Запреты какие-то: с одним не торгуй, с другим не торгуй, сиди и жди... А чего ждать? Пока карфагеняне не заграбастают Майнаку? Тогда и вовсе не выберешься с этого нелюбимого богами конца Ойкумены... А дни идут, наксосский наждак как лежал, так и лежит мертвым балластом в трюме, и люди рошщут от здешего пекла и запрета сходить на берег, и Диомед куда-то запропастился, и растут расходы (не похвалит за это Критий, ох, не похвалит!) Вот и сейчас он, Горгий, тащит, прижимая к груди, две амфоры с дорогим благовонным жиром, а ведь и обрезанного ногтя за них не получит, придется отдать задаром тому толстяку.

Не любил Горгий пустых расходов.

Но еще больше тяготило его мрачное предчувствие. В знойном небе Тартесса не появлялось ни облачка, но всем нутром, всей кожей ощущал Горгий приближение грозовой тучи. Пугал запрет Миликона идти сухим путем. Почему он велит

обязательно плыть морем? Он-то не выжил из ума, знает, что у карфагенян целы перья в хвосте. Поди-ка ощирай такую цапельку — как бы самому не угодить ей в длинный клюв... И как понимать странный его намек:— «Никто тебе ничего не передавал?..»

Плунуть бы на все, тайно продать корабль с грузом, разжиться байками и повозками и пуститься поскорее в Майнаку, подалее от хитро-сплетений здешних властителей. Но тогда — прощай, обещанная доля в Критиевой торговле, прощай, собственное дело...

Принести бы жертвы богам, умиловить их, да вот беда: нет в Тартессе греческого храма. Здесь, как подметил он, знатные почитают бога Нетона и простолюдинам велят его почитать, но те чаще кланяются Черным Быком. Странное это дело: будто не одного они племени, властители и народ.

Под ногами у Горгия потрескивали сухие ветки, шуршала трава. Мелькнули впервые, за стенами деревьев, освещенные окна. Гонец и Горгий прошли в ворота и направились к дому. Донеслась музыка, за окнами метались тени. Горгий споткнулся о носилки, стоявшие у двери. Плохая примета, подумал он. Гонец, так и не промолвив ни слова, ввел Горгия в длинную залу. Шибануло в нос душным запахом благовоний, меда, распаренных тел. На низеньких мягких скамейках вокруг стола сидели пестро одетые люди. Пили, ели. Иные, отвалившись от стола, подхватывали за развешивающиеся легкие одежды танцовщиц, что проносились мимо, притягивали к себе. Танцовщицы гибко, без улыбки, изворачивались, неслись дальше, кружась и быстро перебирая босыми ногами.

Ближе всех к двери сидел Литеннон, мелкозавитый щеголь. Он оглянулся на Горгия, поманил пальцем, подвел его к Сапронию. Поэт, навалившись брюхом на стол, держал обеими руками большого серого кота и громко спорил с соседом — одутловатым стариком с багровым лицом, тыкал пальцем коту в усатую морду. Кот озлился, зашипел, куснул Сапрония. Толстяк вскрикнул, сунул укушенный палец в рот, тем временем кот прыгнул со стола.

Сапроний поднял на Горгия тяжелый взгляд.

— Господин,— начал Горгий,— дозволь мне...

— Сверкающий! — завопил Сапроний.— Как смеешь ты умалчивать мое...— Тут он увидел амфоры у Горгия под мышками. — А, ты, грек, который... Давай сюда!

Он вытащил затычки из горлышек, шумно понюхал одну амфору, другую. Было видно: понравилось.

— Как известно,— провозгласил он,— не люблю я чужеземцев, но тебе, грек, говорю: садись за мой стол, будь моим гостем. Эй, налейте греку вина!

Горгия усадили между одутловатым стариком и плотным плешивым человеком, который мало ел и все поигрывал зеленым стеклышком. Этого человека Горгий видел на царском обеде.

— Как тебе нравится Тартесс? — спросил плешивый, благодушно улыбаясь.

— Очень нравится... сверкающий.— На всякий случай Горгий решил наградить соседа титулом, как он уразумел, более высоким, чем «блистательный».

— Светозарный,— мягко поправил сосед.— В Тартессе есть на что посмотреть. Видел ты башню Пришествия?

— Тут много башен, все они очень хороши. — Я говорю о башне Пришествия. Она стоит на храмовой площади. Видишь ли, грек, в далекие времена в Океане погибло великое царство. Уцелело немного сынов Океана, они доплыли до этого берега. Сыны Океана покорили здешних варваров и основали Тартесс, и позднее в их честь была поставлена башня Пришествия. В нее нет хода.

— Очень интересно, светозарный,— сказал Горгий. А сам подумал: верно, значит, что властители здесь — иного племени. И еще подумал: пусть она провалится, твоя башня. Выбраться бы поскорее отсюда...

Вдруг он поймал себя на том, что пялит глаза на юную танцовщицу. Она плавно неслась вдоль стола, ее распущенные волосы черным потоком лились на узкие обнаженные плечи, руки извивались, а лицо было неподвижно, и глаза подприкрыты веками.

Горгий придвинул к себе блюдо с жареным кроликом, обложенным пахучими травами: лишний раз поесть никогда не мешает.

— От сынов Океана и пошло тысячелетнее царство Тартесса,— продолжал между тем плешивый ласковым наставительным тоном.

— Оно и вправду стоит тысячу лет? — спросил Горгий.

— Нет, меньше. Но в заветах сказано, что царство простоит тысячу лет. Вам, грекам, не понять величия Тартесса: вы поглощены грубыми заботами о торговле, и история ваша бедна. Вы приносите богам в жертву несъедобные части животных, и ваши боги за это лишили вас высшей радости — понимания Сущности Сущности. Разве не так?

Горгий быстро прожевал кусок, почтительно ответил:

— Ты прав, светозарный. Я всего лишь торговец и не задумываюсь ни о чем таком... Размышления в нашем деле приносят одни убытки...

— Нет! — рявкнул тут одутловатый старик на всю палату.— Не стану я покупать старого лежебоку!

— Ему всего пять лет,— возразил Сапроний, сердито тряся подбородками,— и он обучен охоте.

— А что проку? Он даже хвост не может держать палкой. Мне нужен молодой, сильный кот, а не дряхлая развалина!

— Если бы это сказал не ты... — недобрый голосом начал Сапроний.

Но старик был пьян и не обратил внимания на угрозу. Он трахнул серебряной чашей по столу, расплескав вино, и закричал:

— Это не кот, а ходячее блюдо для блох! Клянусь Нетоном, я не потерплю, чтобы мне пыталось всучить...

Он не dokonчил. Сапроний, взревев, вцепился в его бороду. Старик заверещал, замахал руками, попал Сапронию в глаз.

Танцовщицы завизжали, сгрудились в углу. Плешивый сосед Горгия взглянул на дерущихся сквозь зеленое стеклышко, бросил негромко:

— Литеннон!

И тут же мелкозавитый щеголь кинулся разнимать. Он обхватил старика сзади. Старик размахивал руками, как мельница, брыкался ногами и угодил Сапронию в живот. Еще несколько пирующих вязались в драку, и тут — видят боги! — началась настоящая свалка, и кто-то ударил Литен-

нона тяжелой серебряной чашей по голове. Тот мешком рухнул на пол. Вид хлещущей крови отрезвил дерущихся.

На Сапронии лица не было. Пот лился с него ручьями.

— Светозарный Павлидий,— пролепетал он, обращаясь к плешивому.— Это не я.. я не виноват...

Горгий с ужасом взглянул на своего соседа: так это и есть тот самый Павлидий, о котором на днях рассказывал посланец Амбона, вольноотпущенник?..

Павлидий не отвечал. Поджав тонкие губы, он смотрел сквозь стеклышко на мертвого Литеннона. Драчливый старик на четвереньках заползал под стол. Горгию стало не по себе от зловещей тишины. Он осторожно огляделся — близко ли до двери — и встретился взглядом с Миликоном. Верховный казначей сидел в небрежной позе напротив, в его прищуренных темных глазах была знакомая Горгию усмешечка.

— Светозарный Миликон,— бормотал Сапроний,— это не я... Светозарный Павлидий...

Лицо Павлидия было непроницаемо. Он опустил стеклышко, спокойно сказал:

— Унесите.

И сразу все пришло в движение. Молчаливые рабы вынесли из палаты тело Литеннона. Снова грянула музыка, снова понеслись вокруг стола танцовщицы в развевающихся легких одеждах. Сапроний тяжело опустился на скамью, залпом выпил чашу вина.

— Бедный Литеннон,— вздохнул Миликон.— Он верно тебе служил, Павлидий. Тяжкая потеря. Павлидий даже не взглянул на него. Тихим голосом он сказал, обращаясь к Сапронию:

— Ослепительный велел тебе сдать лишних котов, ты же, пьяная морда, затеял распродажу.

— Светозарный! — завопил толстяк.— Ты глубоко прав, называя меня пьяной мордой. Я... я заглажу провинность. Я напишу новую поэму о величии обожаемого царя Аргантония...

Он икнул. Раздался тонкий голос ученого Кострулия:

— Не следует сопровождать упоминание великого имени столь низкими звуками.

— Ну, он же не намеренно,— великодушно отвел удар Миликон.

Он притянул к себе ту черноволосую танцовщицу, на которую все поглядывал Горгий, усадил на колени. Она попыталась высвободиться, но Миликон держал ее цепко.

— Послушай, Павлидий,— сказал он,— надо бы издать особый указ, запрещающий высокорожденным драться друг с другом. От блестящего и выше.

— До светозарных? — осведомился Павлидий. Миликон усмехнулся в душистую бороду:

— Светозарных в царстве всего двое: ты и я. А я, как известно, не драчлив.

— Да, это всем известно,— благодушно согласился Павлидий.— Сам ты не дерешься.

— И сам не дерусь, и детям своим лезть в драку не позволяю.

— Ты очень благоразумен,— процедил сквозь зубы Павлидий и прикрыл глаза. Его розовые морщинистые веки слегка дрожали.

Горгий встретился взглядом с танцовщицей. Она все еще сидела у Миликона на коленях, отводила его руки, обвитые до локтей серебряными браслетами. Хоть и грызла Горгия тревога и томили неясные предчувствия, а тут он все позабыл: открытый взгляд женщины будто до костей прожег.

Одутловатый старик вылез, наконец, из-под стола с той стороны — но неудачно. Запутался в ногах у Миликона. Верховный казначей вскочил, заругался. Танцовщица воспользовалась случаем: выпорхнула в дверь. Старик криливо оправдывался — как видно, уверял, что схватил Миликона за ноги без злого умысла. Трое дюжих блистательных держали его за хитон, залитый вином. Старик отбивался, кричал, что никогда не имел сомнений, хотя уже сорок лет его не производят в сверкающие и это ему обидно, но, тем не менее, никогда, ни разу он не усомнился и твердо знает, что нет большего счастья, чем счастье быть ничтожной песчинкой под ногами Ослепительного, да продлят боги его жизнь. Но Сапроний рявкнул, что обида — это уже сомнение, и ученый Кострулий поспешил уточнить высказывание, и, судя по всему, назревала новая свалка.

Горгий не стал ее дожидаться. Никто на него не смотрел, и он, пятясь, прошмыгнул в приоткрытую дверь.

Он очутился на террасе, опоясывающей внутренний двор. Белели толстые колонны, подпиравшие крышу террасы. Слито, темной стеной стояли во дворе деревья.

Горгий, тихо ступая, пошел по террасе, отыскивая выход из дома, и вдруг отпрянул к перилам: перед ним, словно из-под земли, выросла белая фигура. Он всмотрелся и узнал давешнюю танцовщицу. Шагнув к ней — она отступила, выставив перед собой руки. Ее широко раскрытые глаза занимали, казалось, пол-лица. Мешая греческие слова с тартесскими, она прошептала:

— Уходи скоро... домой, Фокея... Тартесс плохо... скоро плохо... Понимаешь?

Что же тут было не понять? И еще понял Горгий из ее сбивчивых слов, что Миликон сегодня обидел верховного жреца Павлидия, и тот ему не простит.

— Плохо... скоро плохо...

Она повернулась, чтобы убежать, но Горгий успел схватить ее за руку.

— Подожди,— пробормотал он, и она замерла, тревожно глядя снизу вверх огромными глазами.— Подожди, женщина,— повторил он.— Ты кто ж такая? Рабыня у этого толстого?.. Как тебя зовут?

— Астурда,— сказала она.

— Астурда... У тебя мягкие волосы...

Где-то неподалеку закричал ребенок — пронзительно и жалобно. Сразу откликнулся второй. Горгий остолбенел. Опустив руки, уставился в темноту сада: крики неслись оттуда.

— Детей мучают, нечестивцы...— Он поцокал языком.

Легкий смех прошелестел рядом.

— Это кошки,— сказала Астурда.

— Кошки? — недоверчиво переспросил Горгий.

И резко обернулся, услышав добродушный голос Павлидия:

— Нигде не найдешь ты, грек, таких котов, как в Тартессе.

Горгий вытер взмокшие ладони о гиматий. Пес плешивый, подкрадывается неслышно, подумал он. Давно ли здесь стоит? Уголкем глаза Горгий видел, как метнулась прочь, растворилась в темноте Астурда.

— Жарко в палате, не правда ли? — продолжал Павлидий, подходя ближе.— Я тоже излишне согрелся едой и вином.

Кошачий вой в саду усилился и вдруг оборвался шипением и воплями ярости. Было похоже, что коты дрались и гонялись друг за другом и карабкались на деревья. Горгию захотелось поскорее отсюда убраться.

— У нас прекрасные охотничьи коты,— сказал Павлидий.— В царстве развелось много кроликов. Они пожирают посевы, а высокорожденные охотятся на них с помощью котов. Надо бы взять тебя, грек, на кошачью охоту, но ты, я знаю, торопишься.

— Да, светозарный,— подтвердил Горгий.— Меня ждут мой хозяин и сограждане.

— Ты исправно выполняешь волю своего господина — это хорошо. Ты не прогадаешь, грек: у Амбона прекрасное олозо. Миликон, должно быть, уже свел тебя с Амбоном?

— Еще нет...— Горгий прокашлялся.— Но светозарный Миликон обещал...

— Если он обещал, значит, тебе и беспокоиться нечего...— Павлидий подсел еще ближе, посмотрел на Горгия в упор.— Ты мне нравишься, грек. Я бы охотно помог тебе в том, чего ты хочешь, но даже я, — он растянул тонкую нить губ в улыбку, — даже я не могу преступить закон о черной бронзе.

— Нельзя — так нельзя.— Горгий тоже попробовал улыбнуться.— Все мы должны исполнять законы.

— Ты говоришь правильно. Но я имею право сделать тебе подарок.— Павлидий вытащил из-за пазухи кинжал. Горгий невольно отшатнулся.— Не бойся.— Верховный жрец тихо рассмеялся.— Тебе предстоит дальний путь, и ты должен всегда иметь при себе верное оружие. Этот кинжал — из черной бронзы. Возьми.

Горгий осторожно принял короткий и широкий клинок с раздвоенной сверху рукояткой. Тронул лезвие пальцем, поцокал языком.

Поспешно сказал:

— Благодарю тебя, светозарный. Разрешите принести тебе в дар...

Павлидий величественно простер руку:

— Для меня существует лишь одна награда — милость Ослепительного. Ну, тебе этого не понять... Если ты не хочешь возвращаться в палату, мои люди проводят тебя в гавань.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

МУСА ГАЛИ

* * *

Что-то стали тревожными годы —
Может, в этом вина природы!
То ли взрывы на солнце,

то ли

Время буйное виновато,
Но стонет земля от боли:
С гор,

старинных,

седых,

горбатых,

Льдины медленные сползают,
С треском ребра горы ломают.

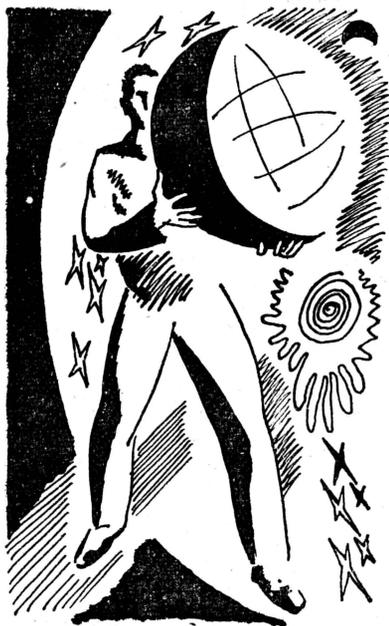
То грохочет грозиво небо —
Ливни топят посевы хлеба,
То вулканы в огне,

то реки

Прочь бегут, изменяя русла,
То под воду уходит некий
Древний остров.

то полю грустно

От сухомени...

Открой, природа,
Ты в обиде на человечество!
Что-то стали тревожными годы,
Что-то дни беспокойно мечутся!
А быть может, ныне тревожно
Только мне одному!

Возможно,

Я один ощущаю летом,
Как терзают землю циклоны
От рассвета

и до рассвета,

И сквозь тысячи верст бессонно
Сердцем чувствую я дыханье
Всех тайфунов

и всех пассатов...

Сотрясается мирозданье!
Не скрываю —
Порой крылато,
Прорезая недвижный воздух,
Устремляюсь к холодным звездам:
Мы с Медведицей Малой — соседи...

Я иду по Вселенной, вращая
Шар огромный земной.
Как медведь я,
Этот шар под собою катаю.

От тревоги моей ли виденья
И порывы такие!
Сомнений
Быть не может!

Когда бы не это —
Смог бы разве понять, что обязан
Отвечать за родную планету,
Охранять ее реки, и вязы,
И поля,

и вершины...

И разве
Мир сумел бы спасти я от разных
Сумасшедших стихий

и от жутки
Перед атомной бомбой!

Тревоги
Дарят силы нам!

Чувствуют люди —
Крепче стали руки и ноги.
...По Вселенной иду, вращая
Землю добрую.

Ощущаю,
Что не вырваться ей из рук моих!
И не выскочить из-под ног моих!
На земле не случится беда —
Никогда,

никогда,
никогда!

*Перевел с башкирского
Александр ГЛЕЗЕР*

Душа — струна, натянутая туго...
Смятение охватывает душу,
Когда пылают облака над лугом,
И майский дождь в саду сирени глушит.
Когда ветра костер листвы раздули,
Когда зима сияет белизною,
Лечу ли небом, по земле иду ли,—
Смятение мое всегда со мною.
Луна в огромном тонет океане.
Любовь приходит, словно наваждение.

Любимая! Черты твои в тумане,
Всегда, всегда в душе моей смятение.
Когда друзья приходят и уходят,
Смятение со мною остается.
Когда дороги вдаль меня уводят,
В груди моей все так же сердце бьется.
Вся жизнь моя — струна. Ей доля вышла
Смеяться и слезами обливаться,
Мелодию вести все выше, выше,
И посредине песни оборваться...

Перевела С. КУЗНЕЦОВА

ОТ РАБОЧИХ

СВЕРДЛОВСКА

Древние стены тульского кремля помнят многое: и набеги недругов на Русь, и восстание под руководством крестьянского вождя Ивана Болотникова, и сходки первых народных вольцев.

Здесь, у кремлевской стены, в октябре 1905 года большевиками был организован митинг, на котором они призвали рабочих и крестьян Тулы к вооруженной борьбе с царизмом.

С красным знаменем и пением революционных песен пошли демонстранты после митинга вверх по улице Киевской (теперь проспект имени Ленина). Затем они остановились и направили своих депутатов к губернатору. Они требовали обуздать черную сотню и немедленно удалить из города казаков. Это требование выполнено не было.

На обратном пути около Посольской улицы (ныне Советская) черная сотня преградила путь демонстрантам. Явно провоцируя столкновение, погромщики произвели первые выстрелы. Дружинники дали залп в воздух. Черносотенцы бросились на рабочих, но получили сокрушительный отпор. Побросав хоругви, знамена, царские портреты, громилы обратились в бегство.

И в это время появились казаки и отряды полиции. Началась зверская расправа над демонстрантами. В этот день погибли члены большевистской организации Тулы Бобякин, Батищев, Зюсман, Рязанцев и многие другие революционеры.

В годовщину этих трагических событий, в октябре 1925 года, у стены тульского кремля был установлен памятник Карлу Марксу. Вот почему на цоколе стоят две даты: 1905—1925.

На одной из плит памятника выбиты строки: «Бюст Карла Маркса — подарок рабочих гор. Свердловска тульскому пролетариату».

Это первый памятник Марксу в чугуне. Он был отлит каслинскими мастерами.

В. МЕНЬШИКОВ

1 МАЯ, ГОД ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

В день пролетарского праздника полк подняли по тревоге — дозорные сообщили, что от села Кузькино в сторону Бугуруслана движется какая-то белогвардейская часть.

Бойцы залегли, готовясь встретить врага огнем. На фланги выдвинулись пулеметчики. Выбрав позицию поудобней, командир наблюдал за пылящей по дороге колонной. Вдруг он чертыхнулся и передал бинокль комиссару:

— Что-то я ничего не пойму...

Тот посмотрел и тоже недоумевающе пожал плечами: впереди вражеской колонны шел солдат... под красным флагом.

— Может, это провокация?

— А мы проверим, — сказал командир и приказал одному из пулеметчиков дать предупредительную очередь.

Колонна остановилась. Те, что шли в голове ее, посоветовались. А потом в нескольких местах над строем замелькали белые флаги.

— Сдаются, что ли?

— Похоже, что сдаются.

Солдаты один за другим складывали винтовки на обочине. Так на сторону красных войск перешел колчаковский полк.

Эта история много лет не давала покоя директору Бугурусланского музея, старому коммунисту Семену Николаевичу Шрайбману. Долго и кропотливо собирал он материалы, разыскивал участников восстания.

И вот что выяснилось.

Стоял в Челябинске полк имени Шевченко. В нем было много украинцев. Желая польстить их национальным чувствам, «верховный правитель» лично распорядился присвоить полку имя великого кобзаря.

Среди солдат было несколько большевиков. Они-то и создали подпольный ревком. Возглавил его Василий Орловский. В состав ревкома вошли солдаты Федор Колчук, Дионисий Либединский, Степан Пачек.

Осторожно, но настойчиво, используя любой удобный повод, любую возможность, беседовали они со своими однополчанами, убеждали их в том, что надо повернуть штыки против офицеров, против «верховного правителя».

Когда в конце апреля армии Южной группы Восточного фронта нанесли удар на Бугурусланском направлении, полк бросили навстречу наступающим красным частям.

Жители села Кузькино сказа-

ли солдатам, что красные стоят в соседней деревне, всего в нескольких верстах. И когда утром 1 мая 1919 года солдаты построились на улице, в конце колонны неожиданно прозвучали три винтовочных выстрела. Это Федор Колчук дал сигнал своим товарищам. Солдаты бросились к офицерам и обезоружили их. Все произошло так быстро, что никто из офицеров не успел и выстрелить.

А спустя несколько дней сам Михаил Васильевич Фрунзе вручил в Бугуруслане боевое знамя новому красному полку, поздравил с присвоением ему имени Владимира Ильича Ленина. Это было сделано по единодушной просьбе бойцов.

Геройски сражался полк в степях оренбургских, в Казахстане, на украинской земле. И вел его в бои член подпольного ревкома Степан Пачек. В одной из схваток с белогвардейцами он погиб смертью героя.

Об этом рассказали в своих письмах генерал-майор Ф. Колчук, старый учитель Д. Либединский, бывший комиссар полка В. Вершинин — те, кто поднимал тогда восстание в колчаковском полку.

АЛЕША ЖУРАВЛЕВ — ПЕРВЫЙ ЮННАТ

Свидетельство

«Кружок юннатов Борковской неполной средней школы Советского района Кировской области работал над продвижением южных сельскохозяйственных растений (соя, кукуруза, люпин) в северные районы; получил урожай семян в переводе на гектар: сои — 3 центнера, кукурузы — 4, люпина — 6,2 центнера, за что утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и занесен в Почетную книгу.

Москва, 1939 г. Главный комитет Всесоюзной сельскохозяйственной выставки».

Этот пожелтевший от времени документ мне показали недавно следопыты Борковской восьмилетней школы.

Весна 1934-го. Преподаватель биологии Михаил Аполлонович Краев организовал кружок юннатов. Желающих заниматься оказалось много. Ребята с увлечением изучали на сборах жизнь растений, животных, птиц, ходили на рыбалку, в походы.

А на пришкольном участке они выращивали кукурузу, арбузы, дыни, люцерну, хлопок и даже лимонные деревья.

Юннаты переписывались с ребятами других школ страны. Об успехах борковских пионеров писала газета «Пионерская правда».

Лето 1935-го. Надолго запомнилось оно борковцам. На участке привилось несколько видов южных растений. И вот награда: председатель кружка, шестиклассник Алеша Журавлев стал участником Пятой Всесоюзной экспедиции юннатов.

Как она проходила! Ее цели, впечатления, итоги! Об этом рассказывает дневник Алеши.

Старт взят!

До этой грандиозной поездки я дальше нашего тихого Советска нигде и никогда не бывал. На пароходах ездить не приходилось, лишь видел их издали во время весеннего половодья.

Путь от Советска до Котельнича выдержал хорошо. Чувствовал себя отлично. На вокзале в Котельниче поразило огромное количество народа, паровозные гудки, непрерывное движение поездов.

Полюбоваться городом не пришлось: поезд вскоре помчал меня в красную столицу.

Здравствуй, моя столица!

Поезд подошел к вокзалу в 11 часов дня. И от того, что я увидел на перроне, слегка закружилась голова.

Передо мной расстилалась громадная площадь, переполненная пешеходами, вереницами мчались автомобили и трамваи.

Жизнь кипела. Что-то новое, сказочное, необъяснимое развернулось перед моими глазами. Как-то не верилось, что я в столице трудящихся.

Громадные дома поражали своей величавостью. Гудки, шум, свистки, говор и смех толпы пугали и наводили на мысль, что отсюда не выбраться. Куда идти!

Не представлял, как добраться до ЦК комсомола. Помогли дежурный милиционер и справочное бюро. У них узнал, на каком трамвае ехать.

Следопытские

38 дела

И вот я в пионеротделе ЦК. Здесь меня связали с редакцией газеты «Колхозные ребята», откуда через полчаса за мной пришли.

* * *

Из «Колхозных ребят» по метрополитену меня повезли на станцию юных натуралистов.

Чудесное метро. В его блестящих стенах вижу собственное отражение. А к роскошным сиденьям вагонов боюсь прикоснуться.

Вокзалы метро — сказочные дома советских волшебников. Не хватает слов, чтобы рассказать об их красоте.

Наконец юннаты все в сборе на станции натуралистов. Из 20 человек, собравшихся в экспедицию, едет только девять, в том числе и я.

Ехать в далекие, неизведанные края. Что может быть радостней и заманчивей!

С нами едут профессор Шишкин, ботаник; начальник — он же врач, вожатый и сотрудник газеты. Наркомзем поручил нам собрать виды дикорастущего лука и луговых трав Казахстана.

Перед отъездом, осматривая Москву, мы посетили Парк культуры и отдыха. Здесь я впервые увидел парашютную вышку и речной трамвай.

Вечер. В это время Москва выглядит гигантским костром, разложенным неведомыми руками. Мириады огней мелькают, горят и переливаются, излучая удивительно яркий свет. Вдруг до нашего слуха донесся глухой отдаленный рокот, и в сумрачном небе мы увидели огненные буквы: «Владимир Ленин».

Это воздушные стражи столицы, идя в четком строю, «написали» имя великого учителя и вождя трудящихся.

По горам, долинам и степям

Позади короткие сборы. Паровоз, пыхтя, понес нас от гостеприимной столицы.

Перед глазами быстро проносились все новые и новые места. Большие и шумные города сменялись горами, долинами, жаркими и беспредельными степями Казахстана.

Промелькнули за окном река Сыр-Дарья, Аральское море. Вот и город Алма-Ата. Отсюда на машинах поехали в первую разведку. В ущелье Лободы найден нужный вид дикорастущего лука. Сейчас в сознании каждого одна мысль: выполнить и перевыполнить задание Наркомзема. После долгой и напряженной работы собрали тысячу корней.

Дальше по ущелью Сугаты ехали на лошадях. В дороге нас застал сильный дождь, и, свернув с пути, заехали в казахский колхоз.

Зашли в юрту. Чистота и красиво убранные коврами стены, признаться, удивили нас. Казахи принесли нам завтрак, который мы с большим аппетитом съели.

Но неожиданно для себя вызвали смех у колхозников тем, что очень тонкий слой сливочного масла, как им показалось, мазали себе на хлеб.

— Мы не так, а вот как, — показывая, говорили казахи. И вышло, что они едят не хлеб с маслом, а масло с хлебом.

Хорошо позавтракав, продолжали свой путь.

В ущелье Сугаты нашли три вида лука, растущего в каменных породах.

Когда после работы достигли местечка Кегень, нас встретили местные пионеры. Все были очень рады нам и наперебой предлагали свою помощь — таскали вещи, воду, продукты.

Здесь мы продолжали сбор лука и луговых трав.

*Следопытские
дела*

Домой!

Ура! Экспедиция закончила свою работу. Обратный, уже знакомый путь. Но без приключений не обошлось. Наша автомашина при переезде через бурную горную речку наскочила на камень и застряла. Вода мгновенно залила все. Растворился в ней сахар, всплыли буханки хлеба и гербарии. Общими усилиями все это выловили, а гусеничный трактор вытащил автомашину на берег.

Неожиданный «сюрприз» не смог испортить юннатам настроение. Все глядели весело. Ведь главная цель достигнута. Задание Наркомзема — найти до десяти видов дикорастущего лука — экспедиция перевыполнила. Найдено двадцать пять видов. Собрано много семян дикорастущих луговых трав. К тому же, сделали более тысячи фотоснимков и составили богатые гербарии.

Итак, Пятая всесоюзная экспедиция юннатов со своими задачами справилась!

Вместо эпилога

Пятая всесоюзная... Она финишировала 1 сентября 1935 года в Москве. В тот день, отмечающийся как международный праздник юности, на Красной площади столицы состоялась грандиозная демонстрация. Среди ее участников были десять лучших юннатов страны. Был и Алеша Журавлев, четырнадцатилетний пионер из Кировской области.

Как сложилась его судьба?

После окончания Борковской восьмилетки он учился в первой средней школе города Советска. А в 1940 году, получив аттестат зрелости, был направлен райвоенкоматом в Челябинское военное авиационное училище. Во время Великой Отечественной войны бил фашистов.

Демобилизовавшись из армии, Алексей Журавлев окончил юридический, а позднее педагогический институт. Сейчас работает юристом в Свердловске.

У Алексея Ивановича крепкая дружба с борковскими пионерами. Он живо интересуется их делами, планами, охотно делится воспоминаниями далеких лет. Вот одно из его писем:

«Похвальна, ребята, ваша инициатива и стремление написать историю школы. Это очень важно: знать первых комсомольцев, работу первых учебных кружков и все то хорошее, что присуще нашей советской школе.

Желаю, чтобы, получив специальность, вы были всегда в первых рядах строителей коммунизма.

Успеха вам и вашим учителям в учебе, труде, доброго здоровья и счастья».

Л. ЖУКОВ

ВОРОТНИК

Н. НИКОНОВ

Новорожденные лисята лежали в узкой норе на подстилке из скатанной весенней шерсти, тетеревиных перьев и сухой травы. Мать-лисица была уже стара, хрома на переднюю лапу, и это, может быть, родился ее последний выводок — пять рыжевато-белесых одинаковых щенков, мокрых, дрожащих и слепых. Она облизала, вычистила, высушила трясущихся от холода лисят, привычно подтолкнула их мордой к разбухшим, ноющим соскам и задремала, блаженно облегченная, усталая, сотворившая жизнь; дремала, чувствуя, как уходит боль.

Лиса дремала, но все время бодрствовало, косило ее большое ухо, вслушивалось в идущую наверху жизнь. Временами лиса поднимала голову, водила мордой вверх и вверх, втягивала проникающий в нору сладкий весенний воздух. Нет, не чуялось близкой опасности. Но притупленному старостью слуху все же ясны были нехорошие звуки: частые удары, дальний гул и треск. Хромая пока не верила им, укладывала голову, прикрывала глаза и дремала, только белый кончик хвоста все подрагивал, выдавая тревогу.

Покормив лисят, она осторожно поднялась к отверстию норы, принялась, высунулась, выскользнула и встала на пригорке, наострив большие уши с черными кончиками, опустив хвост. Быстро-быстро втянув воздух, фыркнула, издала обиженный хриплый звук.

Было утро. Конец апреля, когда земля млеет под первым теплом, благодатно подставляет солнцу нахолодавший и мокрый загорбок. По всему болоту, в кустах и в лесу лежал серый зернистый снег, лишь в лунках у стволов протаял брусничник да кочки повыше зеленели

багульником. Уже пахло им, по-теплому дурманно. Пахло голубичником, хвоей пригретых на солнышке веток, оттаявшей землей, водопольем. Снег сходил. Дышал легонько раскованный наст. Шептались капельки, сливаясь в невидные ручейки. И над всей необъятной болотной страной свистели, аукали пробужденные солнцем и теплом весенние голоса. Гурковали тетерева, курлыкали в ближнем березовом урочище. Бесноватым хохотом заходились тихони-куропатки. Рявкали в осинниках осмелевшие косули. Дятлы дружно тюкали, возились в сухостойнике, хвастали один перед другим.

— Кр-а-а-а,— стонала под клювом звучная еловая сушина.

— Дро-о-о-он,— гудела в ответ пустотеля черная горелина, на которой прицепился такой же черный угрюмый желна.

Не мог перещеголять старших маленький расписной дятлик, кричал обиженно: «Пий-пи-пи-пи»,— облюбовывал под дупло гнилуху-осину.

И если б не тот тревожащий гул, что возникал всех ближе, все было бы здесь, как и прежде, в бесконечной смене зим и весен, в бесконечном счастливом, невидном движении земли. Никто не знал, сколько лет торчала черная горелина над елями и осинами, сколько молний воткнулось летними грозами в ее зубастый излом, сколько вывелось птичек, сгнило листьев в пустотелом колодце сердцевины и от скольких морозов родилась ее звонкость, чтобы с первым теплом чертовым звоном гудеть над болотом. Казалось бы, никому ненужная, уродливая и опаленная, торчала она, не поддаваясь времени, и вся горушка вместе с ней имела тот загадочно живописный вид, какого враз не станет, едва она

рухнет, и будет все обыкновенно: березы, ели, кочки...

Близко затрещало дерево. Уныло закричал напуганный дятел, нырками полетел прочь. И Хромая, вильнув с валуна сквозь кусты, ходко замелькала в чаще белым светелком хвоста. Она уходила по мокрому насту за десяток верст на одну ей известную дальнюю рёлку, где все пока было тихо и где еще вчера выбрала она место для новой безопасной норы.

Лисица копала стылую землю, пока не заняли все когти. Лишь к ночи вернулась она к скулящим лисятам. Всю ночь Хромая облизывала, грела, сушила, кормила изголодавшихся щенков, слегка подремывала, слушала весенний крик филина. Но вот смолк филин, обозначилась над черным лесом первая заря-досветка, и лиса ушла копать. По пути на глухую рёлку она поймала несколько лесных мышей, резвившихся по обтаявшим гривам, и снова копала, копала, копала до полудня. В кровь ободрались когти на хромой лапе, десны и нос покрылись ссадинами, и все-таки она пробилась, наконец, сквозь мерзлоту и камешник до податливой глины. Рыть стало легче, но и сил не хватило. Хромая вылезла наверх отдохнуть, отряхнулась, легла на пригреве в прутьях поросли сухого малинника. Она вытянула натруженные лапы, положила на них измазанную глиной и кровью морду и так лежала, редко моргала слезящимися глазами. Лисицу донимали усталость и голод. Она лежала, как мертвая, лишь слегка шевелились впалые бока в клочьях зимней линючей шерсти. Круглоглазая черно-белая сорока уселась на высокой лиственнице. Пригляделась, задрала хвост, крэкнула. Отозвалась ей другая вещунья. Вот подлетела своим странным тянущимся полетом, и обе застрекотали, оживленно взвизгивая и каркая, обсуждали: жива ли старуха Хромая или пришел ей конец. Они знали эту облезлую лисицу: не одну их товарку бойко словила она, прикинувшись вот так вот совсем пропавшей.

И Хромая слышала сорочий разговор. Она знала всех жителей болота от мелких голосистых птичек до пятнистого старого кота, совсем недавно ушедшего куда-то из этих мест. Рыси лиса боялась почти так же, как человека, всегда уступала ей дорогу. А больше не было врагов

у Хромой. Волки давным-давно перевелись на мшаре. Лоси лисицу не трогали. Медведь-шатун никогда не встречался ей. Даже мелких хищных зверей на мшаре было немного, год от году убавлялось их число. Но и дичи и еды от того не становилось больше.

Тепло-тепло грело солнце. Теплела, наливаясь синевой, небесная глубь. Белое летнее облако благодатно вставало над болотом. Отходила обиженная морозами земля, ласковее, отраднее становилось на ней. Все больше запахов, заменяющих травам и цветам голоса, вставало над ней. Паучки, мошки, жужелицы выползли из-под мертвых листьев. Прерывисто шуршала ожившая ящерица. Рогатый жук ковылял куда-то. Кипели мураши на высокому муравейнике. Змея стягивала в кустах старую кожу. Нежилась, отдыхала земля, и вместе с нею отдыхала лисица.

А в темноте норы скулили и жались на скудной подстилке пять рыжеватых комочков. Слепо тыкаясь друг в друга, они напоззали, сваливались, лезли снова. Одно ощущение заполняло их всех — голод, тягучий мучительный голод, заставляющий двигаться, искать, звать. Сплошной писк стоял в норе.

На четвертые сутки топоры загремели совсем близко... Едва стемнело, едва стихли удары топоров и удалились голоса, лисица взяла в зубы первого слабо скулящего щенка и быстрой тенью вышмыгнула из норы. За ночь она перенесла в новую нору четверых, и когда возвращалась за пятым, последним, уже светало. В розовый, голубой и зеленый цвета рядилось свежее радостное небо. Розовым, голубым светился снег, и тонкий ледок мочажин, и стволы берез. Елки умывались в заре, расправляли озбявшие за ночь пальчики. Все ждало солнца, томилось в рассветной полутьме. Одни тетерева уже начали токовать, урчали и бормотали. В иное время Хромая полубовалась бы рассветом, послушала бы апрельскую звонкую тишь, натянутую и хрупкую, как ночной ледок, пробралась бы по кочкам в березняк на кромку болота следить краснобровых чернышей и рыжих чистюль-тетерок, но сейчас она торопилась. Уже на подходе к норе ее остановил запах едкого дыма. Но она скользила меж берез и елочек, инстинктом выбирая подветренную сторону. Вот и черная горелина, склон родимой гору-

шки. Но что-то грянуло навстречу, ослепило...

Никогда еще Рыжий не ждал так долго мать. Он охрип от писка, измучился, продрог и в конце концов начал двигаться по норе, пополз куда-то вверх, слабо перебирая лапками. Что-то шумело там, наверху, сыпалась к нему земля, и он, принимая этот шум за возвращение матери, все полз и полз из последних силенок. Сначала Рыжий почувствовал холод, потом прикосновение чего-то теплого, хотя совсем не того мягкого и ласкового. Это тепло было враждебно ему. Он дрожал и трясся.

— Ну, куды его? — говорил пожилой и презрительно морщил корявое лицо.

Молодой, держа на вымазанной глиной ладони трясущегося лисенка, вдруг повеселел:

— Снесу его Маруське, пускай возит-ся. Жалко что-то бить.

— Жалко, жалко... — передразнил корявый. — А самку-то убил, не жалко? Вон и шкура — никуда. Как пропастина.

— Да жалко...

— Заладил одно! Ну, неси... Пошли, однако. — Корявый закурил, подобрал лопату. — Энту-то возьмешь? — указал он на Хромую, валявшуюся у раскопанной норы.

— Пошли давай, — сказал молодой и сунул щенка за пазуху телогрейки. Муторно было у него на душе. Ну зачем убил ни с того ни с сего эту матку, облешую, старую. «И все этот, — со злостью покосился он на корявого спутника, вразвалку шагнувшего сквозь кусты с лопатой на плече. — Наплел, наболтал: лиса! Нора! Лисенята!.. Воротник! Нескладно все. А Маруська обрадуется. Она любит всяку тварь, пускай кормит, возит-ся»... И, успокоенный, полез в карман ватника за сигаретой, закурил, затаился, поправил ружье на плече, потрогал прикорнувшего за пазухой щенка: «Угрелся, то-то вот...»

Пригревало. Розовый вешний пар поднимался от земли, стоял в кустах. Первые оттаявшие бабочки летали над просекой, садились на спиленные сосны, где на свежих, еще не желтых торцах горькими слезами выкипела смолка.

Скоро сирота-лисенка привык и к неродному теплу, и к жесткому резинового соску, привык не захлебываясь сосать пресное коровье молоко.

— Глядит! Ой, смотрит! — кричала

семилетняя Маня, ползая на коленях перед щенком, распластанным на крашеном полу. — Рыжий! Рыжик!! Рыжка! Ой ты мой маленький, хорошенький! Лиска! Лисанька... Лисучка...

Она возилась около лисенка, тормошила, прижимала к груди и вся свети-лась той безмерной ясной радостью, какой радуются бойкие дети всему живому, ползающему, прыгающему — котенку со вздыбленной шерсткой, водяному

жуку, цыпленку, бегающему возле курицы. Завернув лисенка в подол, она баюкала его тонким голоском, совсем не обращая внимания на отца, который хлебал за столом суп из алюминиевой миски, по-петушину клонил голову набок и что-то ворчал, жуя.

Как все взрослые, давно отрешенные жизнью от детства люди, отец Маруси забыл, что и сам когда-то был малым, и ворчал на сына, черт-те зачем притащившего в избу этого заморыша. «Корми его теперича...— думал он, косясь на растрепанную овсяную головушку дочери.— Молока ему подай, да нагрей, да налей. Гадить начнет по всем горницам. А там вырастет — кур станет драть. Разве что — бабам на воротник? Али в город, в зверинец продать... Да что за его дадут? Одна-

ко, может шкурка добра будет,— нонче городски девки все в рыжих шапках ходят. Где эстолько лис берут...»

Он дохлебал суп, сдвинул миску и, распустив пояс, валко пошел в соседнюю горницу отдохнуть.

А тем временем, тоже переваливаясь с лапки на лапку, волоча тощий хвостик, Рыжий обследовал кухонные углы. Огромный, немыслимо великий мир открывался ему. В мире этом было столько непонятного, жесткого, мягкого, холодного, пахнущего всеми оттенками — от едкой горечи до вкусных благоуханий. Мир солнечных теплых пятен и прохладных углов, ножек столов и лавок и нечто огромное, белое с черным квадратным челом, с торчащими из него глянцевыми палками. Все надо было осмотреть, обнюхать, лизнуть, поскрести. Лисенок был очень доволен. Особенно привлекало его темное подпечье, похожее на нору. Инстинктом зверя воспринимал он такое сходство и попробовал залезть туда. Край верхнего кирпича, где лежали ухваты, был высок, и Рыжий раз за разом валился на спину.

Шли дни... Рыжий рос быстро, уже бойко бегал по избе, в сенках и по крыльцу. Через месяц его уже нельзя было узнать: он вырос в длинного хорошенького темно-рыжего лисенка с лукавой ушастой мордой, белой грудью и черными чулочками на всех лапах. Он привязался к Марусе так, как может привязаться только животное, — без хитрости, без ложной преданности, всей своей звериной душой. Теперь Рыжий жил в старой собачьей конуре у сарая. Впрочем, сказать «в конуре» — значит ничего не сказать. Он любил лишь лежать на ее крыше, по собачьи вытянув передние лапы, положив на них голову. В самую конуру он не забирался никогда, зато вырыл под нею глубокий разветвленный ход и часто прятался там. Больше всего он боялся собак. Может быть, из-за этой боязни лисенок не любил выходить на улицу, по крайней мере днем. Деревенские собачонки за квартал чужали его и, хрипя от злости, кидались в погоню. Рыжий нырял в подворотню, забивался в нору и выходил лишь на голос Маруси. Зато с Марусей готов был идти куда угодно, даже и по улице. Мелко, преданно трусил он за ней или сбоку, опасливо поджав на всякий случай свой тощий долгий хвост, заложив одно ухо, изредка поглядывая на девочку.

Любил Рыжий, когда Маруся клала его на плечи. Он лежал вокруг тонкой девичьей шеи, как живой горжет. Да кроме Маруси и другие ребяташки баловали его. Вся деревня знала о лисенке у Коржавиных, и он привык к добрым маленьким рукам, которые с утра до ночи гладили его, тискали, ласкали, совали ему в рот котлеты, куриные кости, куски сахара. Дети защищали его, с ними он чувствовал себя в безопасности и, доверяя детям, переносил доверие на взрослых, которые, в общем-то, не трогали его.

В погожие жаркие дни, с редкойистой облаков в полинялом небе, галдящая орава ребяташек с утра располагалась на угоре, у речки. Рыжий всегда был с ними — прыгал, катался, носился за кузнечиками или, набежавшись, накружась по сухому, вытолоченному ребячьими пятками угору, лежал, разомлелый, на июльском солнцепеке. Когда солнце поднималось высоко и жар начинал донимать, лисенок прятался в тень под нависший берег, следил, как горит и серебрится вода по быстрине, как золотые осы ползают на грязи, исслеженной ямками коровьих копыт и босых ребячьих ног, как на том берегу над ярко-зеленым полем, над голубым лесом дрожит и струится текучее марево. Он подремывал в полдень, но как раз в это время случалось такое, что Рыжий ужасно не любил. Маруся забиралась в речку. Едва она, подняв плечики, крылышками обозначив худые лопатки, заходила в воду выше колен, он начинал скакать по берегу, беспокойно совался взад и вперед, даже влаивая по-лисьи хрипло и дико. Потом плюхался в воду, вертко подплывал и лез девочке на плечи.

— Да, Лиска! Брысь! Пошел!! Убейся!! — орала и верещала она, отбиваясь и отталкивая обиженного лисенка, но он был упрям, испуган, и в конце концов девочка выносила его из речки. Рыжий виновато отряхивался, отдавая визжащую компанию радугой брызг. Вид у Рыжего был унылый, жалкий, смущенный.

Так было днем. А едва вечерело, едва заря начинала тихо тлеть за полями и сумерки понемногу затягивали деревню, Рыжий чувствовал неясно беспокойство. Что-то тревожило его и заставляло волноваться. Он выбирался из норы, прыгал на конуру и затихал, прислушивался к вечерним шорохам: прядали его чуткие

уши, морда быстро устремлялась на незнакомый звук, глаза начинали светиться по-звериному.

Молкли вечерние голоса. Гасли огоньки в избах. Зато в синей, фиолетовой по бокам пропасти каба над темными избами, над полями рассыпалось бесконечное мерцание небесных углей, рассыпалось и накалялось. Последний жук гудел в вышине и пропадал. И вот на сумрачных травяных улицах деревни — лишь свиристение кузнечиков да редкий брех собак. Ночь заливала запахами холодеющего воздух, дворы и прогоны. Ясно приятно чувствовал Рыжий, как пахнет уличная мурава, и дальняя опушка березового леса, и молоко тумана по-над речкой. И еще яснее, до боли резкими становились ему запахи коровьего стойла, курятника, человеческого жилья из сеней. Острый слух лисенка ловил шуршанье и писк перебежавших мышей, возню воровьев, спящих под застрехой. Тихие голоса цыплят будоражили его. О, как вкусно пахли маленькие крикливые желто-белые птички! Как вкусно!.. Не раз, дрожа от желания, полуползком подбирался он к загону с пискливо клюющими цыплятами, но всегда окрик Маруси или кого-нибудь из взрослых заставлял его съеживаться и убежать в нору...

Тихо-тихо спрыгивал он с конуры, неслышно обегал двор, призрачно кружился по нему, обнюхивал все углы. Запахи, запахи, запахи обступали его со всех сторон, будоражили и пьянили, и, не в силах совладать с ними, он на брюхе протискивался в узкий кошачий лаз, тенью летел вдоль улицы. Теперь, в темноте, он не боялся даже собак. Их лай раздавался из подворотен. Собаки редко бросались в погоню. Ночью они боязливы. Если же погоня случалась, Рыжий тотчас бросался в сторону, нырял под плетни, шмыгал огородами, змеей проходил сквозь изгороди, — никакая собака не могла угнаться за ним.

Очень скоро он оказывался далеко на полях и всю ночь до рассвета бродил и бегал в полевых межах, прямо благоухающих сорными цветами. В невысокой шелковой ржи он ловил мышей. Они были стремительно юрки, проворны, пугливы. Ночь от ночи Рыжий все реже промахивался, быстрее настигал и схватывал их мгновенным броском. По ночной росе он ловил скользких, приятно-холодных лягушек, сонных больших кузнечиков, 45

жуков, трещающих на зубах, он жевал какие-то лисьи травы, пресные, с едва уловимой молочной сладинкой. А иногда находил он нечто необыкновенно вкусное, слабо пахнущее пером и курятником,—там были круглые известковые скорлупки, и он давил их с наслаждением. Насытившись, Рыжий выбегал на бугры под самое звездное небо. Долго стоял, зачарованный прекрасными ветерками, звуками и шорохами ночи. Слушал, как скрипит в низине непонятная птица дергач, как отзывается ей из-за речки другая, как свистят в затоне бессонные кулички, шепчутся травы, дышит рожь. Безбрежные поля были перед ним, редкие огоньки потонувших вдали деревьев и черная зубчатая темь леса, где стоном стонали ночные птицы. Ему было весело и вольно. И наверное от этого волнующего бесконечной свободой простора задирали он к звездам узкую хищную морду, влаивал, тьякал, взвизгивал точно так, как визжали и тьякали его дальние предки на те же самые звезды, тысячи лет назад светившие над землей.

Потом он катался в росистых травах, ерзал спиной и боками, вычищал их до мокрого блеска, терся мордой и лапами о цветы, скакал и кувыркался. Рыжий не знал, куда девать свою радость. Он ждал кого-то такого же, с кем можно было бы носиться взапуски по межам и кустам, грызться до хрипоты в притворном озлоблении, нападать и прятаться, мелькая в темноте светляком хвоста. Все занимало лисенка, будило его детское любопытство: черная летучая мышь, что трепетно-нелепо носилась над кустами, ночной голос цапли-чепуры, гуденье бабочек над цветами и падающие звезды — они прочерчивали в небе кривой, затухающий, искристо-хвостатый след.

Лишь когда на востоке начинало белеть и бессонная птица погоньш возвещала с реки, что пора на покой, лисенок бежал домой, на деревню. Гортанно и дружно трубили пробуженные журавли на дальней мшаре, и пели в деревне первые петухи. Кончалась ночь. Заря все ясней освежала восток. А навстречу ей, межами, скромно трусил к деревне лисенок. Добравшись, нырял он в знакомую подворотню и сладко засыпал на своей конуре, свесив хвост. Это была чудная жизнь.

город свезти,—сказал как-то под вечер отец.—Расти он растет и жрет не много, а все ж таки он — лиса. Скоро людей учнет за руки хватать, курей душить. И то уж тетка Агриппина выговаривала, слышь, кура потерялась... Ты, мол, лис расплодил, ты и плати. А мне, дочка, платить не из чего.

— Тятка! Тятка, оставь! — кинулась в слезы Маруся.— Не отдам Лиску, понял, не отдам...

— Но-но-о! — как на лошадь, прикрикнул он.— Ишь, глупая! Как сказано, так и будет. Побаловалась — хватит, не маленькая. Ужо до воскресенья пускай живет, а там на базар — и вся недолга.

Отец не любил возражений. Серdito глянув на дочь, надел, застегнул брезентовую накидку,—погода стояла сырая, прохладная,—и вышел в сени. Громко плямкнула калитка.

А Маня, втихомолку заливаясь слезами, побежала во двор. Моросил дождик, сырой ветер прохватывал двор насквозь, обсевал дождем сарай, угрюмо было вечернее небо, без просвета, без прогалинки застеленное тучами. Лисенка нигде не было видно. Но едва слышался Марусин голос, Рыжий вылез из норы, потягивался и улыбался, ворочая ушастой головой.

Утром в воскресенье Рыжего посадили в корзинку, завязали ее клетчатым старым платком, и зареванная Маруся вместе с отцом пошла на станцию.

Базар оглушил Рыжего. Еще в поезде, смятенный непривычным движением и гулом, напуганный стуком колес и теснотой корзины, он протискивал морду между тряпичей и боком корзины, жался к спасительным рукам девочки, к своему единственному надежному другу, лизал их и, словно понимая, что его скоро разлучат, тихонько скулил. А теперь Рыжий совсем потерял голову от страха. Вокруг теснились люди, давили взглядами, громко хохотали, и, чтоб не видеть их, он ткнулся Марусе под мышку. Так было не страшно. Теплый запах платья успокаивал его. Если бы он понимал людскую речь, он услышал бы:

— Лиса! Лисенок!

— Ой, верно, рыжий...

— Где? Где?

— Почему продаешь?

— Да как ее взять, ведь искушает...

— Не-е, она ручная. Вишь, девка все гладит.

- Гляди, на шею к ней полез...
- Какой хорошенький. Ухи черные и лапы тоже.
- А ты погладь!
- Сам погладь...

Рука большого толстого человека протянулась близко. Рыжий вздрогнул, пригнулся, но промолчал. Маруся была с ним. Потом его сунули хвостом в мешок и куда-то понесли.

И вот Рыжий на новом дворе. Его загнали в большую клетку, затянутую мелкой квадратной сетью. Очевидно, здесь раньше держали птиц, потому что валялись перышки и белым известковым пометом была испачкана вся земля. Девочка, не Маруся, принесла ему молока и мяса. Боязливо открыла дверцу, сунула миску и ушла. Однако он не притронулся к еде. Он тосковал по Марусе и, улегшись в угол, пролежал так до сумерек. А когда стемнело, он вылакал молоко, съел мясо и начал бегать по клетке из угла в угол, пытаясь найти выход. Он тыкался носом в холодную жесткую сетку, скреб ее когтями, пробовал зубом. Сеть была неподатливо жесткой. Рыжий даже попытался влезть по ней под крышу клетки да оборвался и упал. Тогда он решил

уйти в нору. Выбрав чутьем место, где земля была посырее, Рыжий согнулся почти пополам, как сгибались, копая, все его предки — лисы, заработал передними и задними лапами так, что комья земли застучали в противоположную стенку. Он помогал лапам мордой, расширял подкоп, очень скоро подрыл нижнюю балку и очутился на свободе.

Он блуждал по каким-то улицам, выбегал на дорогу, где неслись гудящие, блистающие огненными глазами страшные существа. Он задыхался от их газовой едкой вони, бросался в подворотни и бежал, не зная куда. Всю ночь проблуждал лисенок в незнакомых подворьях и к утру снова оказался на улицах.

В конце концов Рыжий выбрался в тихий загородный поселок, но тут увязалась за ним целая стая собак. Он припустил мимо плотных заборов, не знал, куда свернуть, усталые ноги уже отказывались нести его с прежней прытью, и разногласный лай надвигался, настигал неумолимо... Вдруг узкая лазейка под воротами мелькнула рядом, и тотчас он ввинтился в нее, проскочил, оставив за воротами рычащую свору.

На широком зеленом дворе, под то-

полями и яблонями, было тихо. У крыльца дачи играла девочка, очень похожая на Марусю. Рыжий поджал лапу, остановился.

— О-о, лиса! — удивилась девочка, выпустив из рук совок. — Лиска! Лиска! — позвала она совсем так, как Маруся, и он подбежал к ней и встал в двух шагах, недоверчиво всматривался в ее лицо. Нет, это была не Маруся, но тогда почему же она зовет его, как Маруся?

— Мама! Мама! Лисенок! Ой, какой хорошенький! Настоящий! — закричала девочка.

Из дверей дачи на крыльцо вышла неторопливая дородная женщина с высокой прической из желтых волос.

— Правда ведь лиса! — густым голосом сказала она. — Наверное из зоопарка сбежала. Вот чудо! Ну-ка, дай ей что-нибудь. Сейчас принесу. — И женщина ушла.

— Лиска, лиска, — манила девочка, смело подходя к Рыжему. — Ты из зоопарка? Ты убежала? Ах ты, моя умница! Ты оставайся, будешь жить у нас... Мама, скорей же! А то она уйдет. Слышишь? Мама!

А Рыжий и не думал бежать. Он привык, что маленькие никогда не делали ему зла, и смиренно стоял перед девочкой, еще не знал — броситься ли ей в ноги, как Марусе, начать ли скакать и тереться мордой о траву или подождать.

Женщина вынесла к крыльцу плошку с молоком, рыбу и кусок колбасы. Она поставила плошку в траву, и Рыжий тотчас подошел. Жажда томила его. Он принялся за молоко. Жадно лакал и вздрагивал от еще не оставивших его воспоминаний о шуме улиц и блужданиях по страшному городу. Его звериные, слишком чуткие уши болели от адского гвалта, нежное чутье, способное различить тончайшие оттенки запахов, было отравлено бензиновой гарью, а нервы, от рождения настроенные на великую лесную тишину, были напряжены до предела.

— Он будет у нас жить! — хлопала в ладоши обрадованная девочка.

Мать ей не перечила. «Пусть поживет, — думала она. — Зверь вроде бы ручной, здоровый. А там видно будет, если не убежит сам, можно свезти в лес и выпустить».

Снова пошла хорошая жизнь. Каждое утро Рыжий встречал свою новую Марусю визгливым тьяканьем, вылезал из-под

крыльца, радостно потягивался перед ней, юлил и прыгал, а когда осмелевшая девочка гладила его, лизал ей руки. Он нашел свою новую Марусю и полюбил ее. Большая женщина исправно кормила и поила его, а иногда трогала мягкими руками, чесала за ушами. И от ее рук вкусно пахло молоком и едой. Рыжий жил на свободе, но ни разу теперь, даже ночью, не попытался выглянуть за ворота, где пыльный тракт громыхал от машин. Он боялся их до мелкой дрожи. Такой же зверь, весь блестящий, стоял у ворот дачи. По утрам большой человек — Марусин отец — уезжал на нем. Рыжий прятался под крыльцо, когда зверь начинал фырчать и рычать за воротами.

Подходила осень. Лисенок странно чувствовал ее приход: зудела вся спина и брюхо, линияла неспорая летняя шерсть, крепкий зимний волос пробивался на боках, хвосте и лопатках. Холоднее, темнее становились вечера. По ночам в уплотнившейся черноте неба гуще высыпали звезды, ярко сияли созвездия, точно приблизились к земле. Студеная светлая роса до полудня не сохла в траве.

На даче готовились к отъезду.

— Лису придется выпустить, — говорил отец. — Ей надо в лес. Она в лесу родилась и не будет жить в квартире. Да и запах разведет ужасный...

Однажды утром вся семья уселась в маленького «Запорожца».

— Лиска, Лиска, — позвала девочка, и, когда он послушно подошел, за лапы втащила его в машину. Рыжий не сопротивлялся, хотя пахло здесь едко и скучно. Заворчал мотор, машина тронулась, он сунулся девочке под руки и так сидел, пока «Запорожец» не перестал гудеть и качаться. Щелкнула дверца. Рыжий выпрыгнул на землю и оторопел. Кругом был лес. Высоко-высоко шелестели листья, слегка покачивались ветви, солнечные дорожки перемежались тенями, сизой изморозью была покрыта трава. Рыжий освоился и побежал по колее, прислушиваясь, принимаиваясь, как делал это всегда, попадая в незнакомое место. Лес очень нравился ему, будил инстинкты и так хорошо пахнул, освежая чутье.

Росой, осокой, листом, понемногу летевшим с берез, сладко-горьким суховатым духом брусничника, тетеревиным следом благоухали осенние травы, и Рыжий не отрывал от них узкую хищную морду. Большой человек, его жена и

дочка смотрели, как он резвится среди кустов, как юрко мелькает оранжевый мех между стволами. Рыжий был в своей стихии. Он крутился по обочине поляны, стремительный, ловкий, настороженный и бесшумный,— так рыба, отпущенная в воду из тесного ведерка, идет в ней легко и свободно.

— Да-а, чего гворить! Лиса! — медленно сказал большой человек.— Ну и пусть живет на здоровье,— заключил он.— Поехали!

Подождав, пока сядет дородная супруга, а девочка займет место рядом, он завел мотор.

Сначала Рыжий ничего не понял. Он оглянулся на фырчанье мотора, отбежал подальше и встал. Но вдруг это странное существо на четырех колесах стало двигаться, развернулось и покатило обратно по лесной дороге. Вот оно уже скрылось за поворотом, гул мотора затих. «А Маруся?! А толстая женщина? А большой человек!» — должно быть, подумалось Рыжему. Он торопливо обежал поляну и понял, что существо на колесах увезло их. Он замер на мгновение, как бы пытался сообразить, что делать дальше, а через секунду карьером метнулся в погоню. Вот он почти догнал серого огромного жука, увозившего Марусю. Он не мог приблизиться вплотную, потому что бензиновая гарь забивала ему дыханье. Он бежал следом и видел даже тонкую Марусину руку в окне машины.

Но вот кончилась лесная дорога, «Запорожец» выскочил на асфальтовое шоссе и помчался с такой немыслимой скоростью, что никаких сил не хватило бы его догнать.

В то утро редкие прохожие, велосипедисты и водители машин видели, как бежала обочиной тракта взмокшая, жалкая, растерянная лисица. Она упрямо бежала к городу, вздрагивая и оглядываясь на каждый несущийся трактором грузовик.

И опять раздался пугающий вопль: лиса! Лиса-а! Держи ее! Лови! Камни свистнули, ударили в ноги. Топало позади. Он метнулся вправо и влево, выскочил из-под колес грузовика, пересек тракт и оказался в тихом проулке. Он побежал, заглядывая подряд во все дворы, и наконец забежал в тесный глухой дворик с плотными воротами и темным навесом внутри.

Бородатый человек, стоявший среди двора, тихо и удивленно сказал:

— На-ко вот! Батюшки!! Лиса ведь?! Лиса...

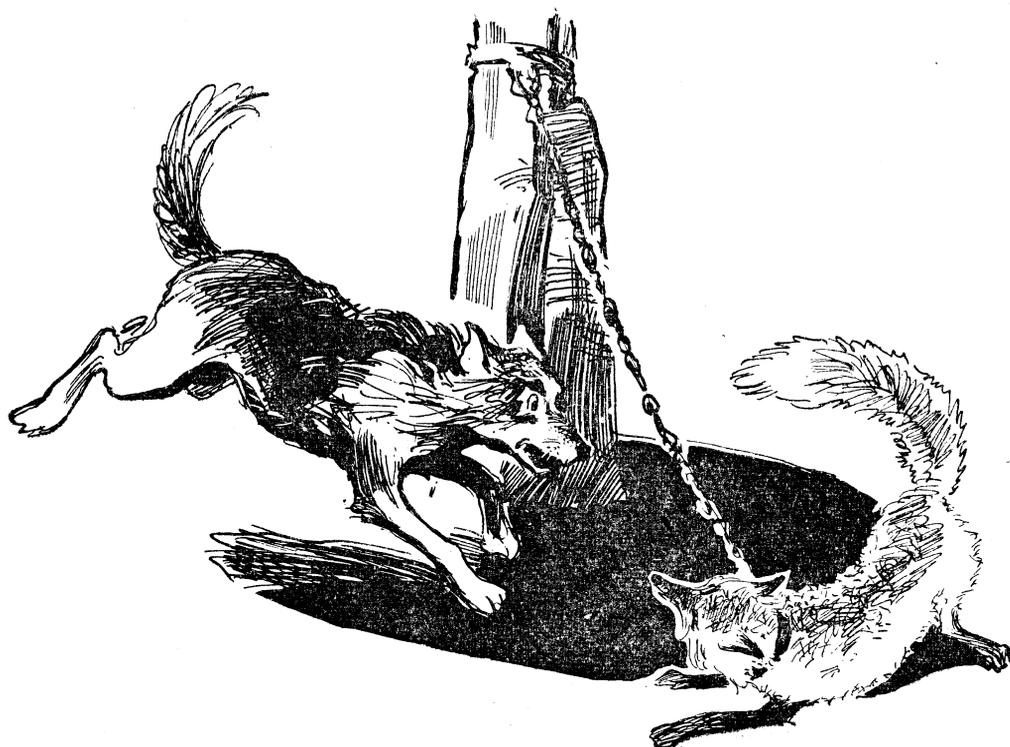
Он крадучись, тихонько обошел лисенка на полусогнутых коротких ногах и захлопнул калитку. Осмотрел двор, Рыжего, убедился, что лисенок не сбежит, и нырнул в сени. Бородатый вернулся скоро с куриной лапкой, которая благоухала так, что у лисенка потекли слюни. Он доверчиво подошел и лизнул куриную ножку. Тогда человек положил ее на землю. Рыжий наклонил голову, примеривался, как бы поаккуратнее взять кость, и тут жесткие пальцы схватили его, придавили к земле; он захрипел, забился, задыхающийся и перепуганный, пытаясь освободиться от этих беспощадных тисков. Они сжимались все крепче, и вот померкло в глазах у Рыжего, он ослабел и затих. А когда пришел в чувство, что-то туго опоясывало его горло. Он кинулся в сторону, но это крепкое отбросило его назад, перехватило дыхание. Он прыгал еще и еще, а цепь, которую держал Бородатый, кидала его обратно. Бородатый поволок свою добычу к навесу.

— О-от, тута тебе место. Сиди-и, друг, откармливайся, вишь тощий какой, а вылиняешь и — на воротник... На шапку. Ишь, рыжий какой... Первый сорт!..

И Бородатый долго еще ходил около, оглядывал лисенка с дозольным прищуром, чесал бороду, прикидывал, какой будет воротник. Был Бородатый хозяйственным мужиком, работал дворником и кухонным при кафе, и дом, и двор, и заплот, и поленницы — все у него было прочно, обстоятельно, запасливо.

Теперь звенящая стальная цепь не пускала далеко. Она пугала своим звонком и скрежетом, и целые дни Рыжий лежал в теневом углу навеса, боясь потревожить ее. Он набирался силы к ночи, а ночью бился, тязкал, ходил колесом, пытался порвать ужасную цепь. Он бился до тех пор, пока не падал, полузадушенный и слепой. Он пытался уйти от проклятой цепи в нору, в землю, так счастливо спасавшую его раньше, но цепь не пускала и тут, не давала продвинуться, тянула назад. По утрам Бородатый шугал лисенка метлой, заметал нарытую за ночь землю.

— Ну-ко ты, воротник. Вот чо нарыл, стерва! — ворчал он, и Рыжий, кажется, понимал теперь, что его зовут «ворот-

ник». Всякий раз при этом часто упоминавшемся слове он поводил ушами и смотрел на Бородатого.

Одним хорош был страшный человек — он заваливал лисенка кормом. Куриные кости, сладкое, паровые котлеты, колбаса, корочки сыра, и, боже, чего не было еще в крашеном зеленом ведре с хозяйственно пригнанной крышечкой, котское разверзалось перед Рыжим каждый день, когда хозяин возвращался с работы.

Рыжий никогда не ел теперь, покуда хозяин топтался возле. Тяжелый, шугающий взгляд Бородатого давил и сверлил его. Может быть, Бородатый и не был злым, судя по людским отношениям. Просто, с рождения, с детства не оказалось у него одного необходимого человеку свойства — любви и доброты ко всему живому.

Днями Рыжий лежал в уголке, вспоминал. В острой лисьей памяти отражалась речка, запах молока, Марусины руки, крик ребятишек. Вспоминал он счастливые ночные блуждания в полях во-

круг деревни, чистый вкус ночной росы, холодившей его вездесущий нос. Вспоминал и тихо скулил. Иногда он смотрел на калитку ворот, — ждал — вдруг откроется она и пойдет Маруся.

Однажды, когда Рыжий по обыкновению дремал, в притвор с улицы заглянула собака. Это была крупная серая полуовчарка-полудворняга из породы бездомных, вечно шатающихся по окраинам, помойкам и свалкам. Рыжий мгновенно сел, перепуганный появлением ужасного врага. А враг раздумывал лишь мгновение — вздыбив загривок, он остервенело кинулся на лисенка. Звякнула цепь. Два зверя схватились с визгом, хрипом и тьяканьем. Рыжий отбил первый натиск; с невероятной лисьей стремительностью он кусал пса за морду, за лапы, но проклятая цепь мешала ему, а собака наступала. Они сцепились в тесном клубке, пес повалил лисенка в угол, крупные зубы впились в лисью глотку. На их пути встал ремень ошейника, они рванули, пластнули его так, что ремень разлетелся. И тотчас, почуяв мгновенное освобождение, Ры-

жий метнулся меж ногами собаки. Точно огненная стрела вылетела из калитки.

Лис долго бежал полями, через перелески и кусты, пока не достиг опушки высокого надежного леса. На опушке Рыжий остановился, оглянулся, встал на дыбки. Никого не было видно в поле. Он перевел дух — бока ходили ходуном — фыркнул, кувыркнулся на спину, стал кататься по траве, по листьям, стирал линючий зудящий волос вместе с запахом жилища и пищи бородатого человека. Долго он возился по листьям, взвизгивал, чихал, становился на ноги и валился снова, пока шерсть не стала блестеть. Тогда Рыжий встряхнулся, насторожил уши. Чуткий слух его условил едва заметное шуршанье. Кто-то бежал, двигался, замирал и шелестел под листьями. Рыжий подскочил, прынул вперед — зубы жамкнули нечто маленькое, похожее на мышшь. Но тут же лисенок с отвращением выплюнул, замотал головой. Это нечто оказалось вонючей мускусной землеройкой. Он рассмотрел несъедобную зверюшку, запомнил ее запах, поскреб лапами и побегал дальше. Рыжий был голоден и трусил вдоль опушки, прислушивался, приняхивался, как заправский охотник. Опушка вывела его на лесную неторную дорогу. Он подобрал на ней дохлого синего навозного жука, сжевал на ходу и бежал по дороге до тех пор, пока она не пересекла недавнюю вырубку. Большие пиленые пни, широкие и низкие, скрывались в серой и желтой траве, выше травы уже поднялись повсюду разукрашенные осенью березки, полураздетый трепещущий осинник и молодые густоиглые сосенки. Вдруг кто-то заскакал в траве, пустился наутек, запетлял меж кустами, оставляя за собой приметный след. Скоро Рыжий догнал ушастого зверя. Заяц в ужасе переметнулся через голову, повалился на бок, и его длинные крепкие задние лапы крепко хватили Рыжего по морде. Он отскочил и опять понесся пуще прежнего.

Еще дважды Рыжий догонял зайца, и всякий раз тот валился на спину, обрушивая на лисенка веские удары. И тут Рыжий сделал еще одну ошибку — он погнал зайца к лесу, и тот, нырнув в чащу мелкого ельника, мгновенно исчез. Лис прекратил преследование, огорченно стоял, высунув язык, часто дышал. Наконец он зевнул с притворным безразличием и затрусил дальше. Неприученный

матерью к охоте, выросший среди людей, он ловко ловил лишь полевок.

Вечерело. Лес погружался в темноту. Звезды проглянули над вершинами. Ночной туман заслоился над опушками, потек в поля, забелил низины. Лес пугал высотой деревьев, шумом опадающей листвы, бесконечными шорохами и звуками, которых лис не знал. И он выбежал в поле, покрутился у хлебных скирд, поймал юркую полевую мышку и тут же решил переночевать, забился в темную сушь соломы. Уснул он быстро и всю ночь вздрагивал, рычал, беспокоился. Знать, снились ему тяжелые сны: Бородатый, собаки, удирающий русак...

...Бежало время, все заполненное суетой и поисками пищи. Голод гонял Рыжего по лесу, по обочинам полей, межам и вырубкам. Лис обследовал стога, старые пни, кучи хворосту и бурелома. Пища давалась нелегко, и он учился теперь на горьком голодном опыте. Взматерелые осенние птицы улетали, едва он начинал подкрадываться. Да и не умел Рыжий подползти так, как делают это лисята, обученные маткой, исподволь привыкшие ловить сперва полузадавленных ею зверьков, потом неопытных слетков, линияющих июльских птиц, а там уж и матерых тетеревов, зайцев, полевых хомяков. Зайцев Рыжий встречал много, да напуганный их отпором, не умел взять. Лишь раз удалось ему настичь и задавить какого-то слабого, большого листопадника. Одни мыши, полевки и хомяки составляли Рыжему корм, ел он также сонных жуков, всякую мертвячину, травинки озимей, корешки. Но и такой еды становилось все меньше. Совсем попрятались лягушки, не стало змеисто бойких ящерок у пеньков, пропали жуки и кузнечики.

Рыжий замечал, как все менялось в лесу. Лес сквозил и редел, шуршал листом. Северный ветер-полуночник донага обдувал сперва осины, потом березняк. Медленные, студёные, вишневые, багровели зори. Ночью небо мерцало холодными предвечными огнями. Слышались с него тонкие птичьи голоса. Последние стаи торопились в теплые края. В такие ночи Рыжего донимал холод, запоздало росла его зимняя шуба. Он жался в полях к стогам, ночевал в несвеженных хлебных кладях.

Чем ближе к зиме, тем сильнее задремывала земля. Куталась по утрам в туманы, горестно седела от инеев. Сов-

сем холодно стало в пустом облетелом лесу. Правда, теперь Рыжий весь оделся густым, оранжевым на боках и темным по хребту, мехом, стал взрослым, пышным и толстым, но по складу характера, по всем привычкам был он все тем же милым лисенком, каким его знали детские руки. Он тосковал по этим рукам, по лакомым кусочкам, которые приносили они. Скитаясь ночами в полях, Рыжий подходил к околицам деревень, забегал даже на улицы, но собаки гнали его...

Однажды ночью выпал снег. Рыжий лежал, свернувшись клубочком, возле стога и слышал, почувствовал, как легкие холодные снежинки садятся ему на морду, осыпают шерсть. Он слизывал их, прядал ушами, тряс мордой, а потом поглубже улегся под стог, забился в сено. Снегопад был густой и сильный, снег шел всю ночь. К утру все побелело, налилось светом и голубизной: и поля, и опушки, и крыши деревни; и самое небо, которое вблизи повисло над землей, соединялось с ней как раз за лесом, там, где летало и кружилось беспокойное воронье.

Рыжий вылез из-под стога. Он сощурился от белого вьюжного света, чихнул, поддел на морду холодный снежок, отряхнулся, постоял задумчиво, шевеля одним ухом, то закладывая его, то распрямляя, поглядел на деревню, смутно

видную сквозь печальную сеть снежинок, и вдруг затрусил туда не оглядываясь, как бежал в давние летние дни. Он забежал в первый попавшийся двор и встретился... с Марусей. Она взглянула на Рыжего, испуганно метнулась в сени. Нет, это была не Маруся. Но Рыжий все равно побежал за ней, в сени. Резкий запах жилища, тепла, овчины напомнил ему прошлое, он ждал: вот растворится дверь, и добрые руки сунут ему косточку с махрами мяса или кусочек хлеба, намазанный сметаной... За дверью в избу слышался шум, стук, голоса. Он встал перед нею, как собака, ждал, так и сяк поворачивая ушастую голову, повиливал нетерпеливо хвостом. Дверь открылась тихонько. Женщина оказалась в ней, над ним. Рыжий не успел разглядеть, что было в руках, так ждал... Хлесткий удар поленом в голову повалил его на порог...

Через неделю в местной газете многие прочитали такую заметку:

Воротник

К жительнице села Полевского Л. Звонаревой среди бела дня забралась в сени лиса. Должно быть, кумушке захотелось курятины. Женщина не растерялась и убила хищницу поленом. Славный воротник получила Звонарева к наступающей зиме.

ВСЕ —

ЛЮДЯМ

Революция начинается сразу посев многих лесов», — писал в своих воспоминаниях об Эйзенштейне Виктор Шкловский.

В 1922 году первый красный директор астраханского кинотеатра «Модерн» Крутихин, человек, не знающий сентиментальностей, приобрел, однако, для своего культурного заведения четыре небольших финиковых пальмы. Пальмы были редкие, одна из них — 1842 года рождения. Ее хозяин, городской врач Бойко, долго колебался.

— Ну, что ты, — спрашивал его Крутихин, — такую красоту — и будешь прятать дома...

И вот в крошечном фойе, на трехметровых тумбах, появились неведомые посетителям растения с толстыми волосатыми стволами.

— Пусть знакомится пролетариат, — торжествующе грохотал Крутихин. — Пусть выращивает... Это тебе не герань!

В 1922 году заместитель председателя астраханского союза чернорабочих, контролер по хлебопекарням Халил Маликов пришел в кинотеатр в первый раз в жизни. Его друзья тут же утянулись в буфет стучать о стол воблой, запивая ее крепким свежим пивом, а он с любопытством стал рассматривать пальмы.

— Как буржуйский цве-

ток? — похлопал его по плечу Крутихин.

Маликов молчал. Это революция наделила его, простого татарского паренька, звучными титулами, а до нее он с девяти лет был простым батраком. Да все в садах, все по оранжереям у богачей.

— Эх, нету специалиста! — сокрушенно гудел над ухом Крутихин. — Мы бы эти пальмы до потолка дорастили. Сад бы в кинотеатре развели.

Маликову кино понравилось. Он стал часто ходить в «Модерн», вытирал вместе с Крутихиным листья пальм, поливал теплой водой, врачевал от частых болезней. Это были не ресторанные, привыкшие к пыли и окуркам пальмы. Их стройные стволы ждали, искали небесной чистоты окон и морской свежести воздуха. Двое мужчин оставались на ночь и мыли полы и стены, не доверяя женщинам.

Потом Крутихина послали учиться, а Маликов ушел из порта, где он работал судоподъемщиком, в садовники «Модерна». На деньги, полученные при расчете, он купил большую библиотеку по цветоводству. «Вы поймите, чудачки, — говорил он в союзе чернорабочих, — кинотеатр — это вам не просто. Люди приходят сюда за красотой, за культурой, и она должна быть во всем. При социализме каж-

дый кинотеатр будет большим, застекленным садом».

— Зачем? — спрашивали его. — В кинотеатр люди ходят, чтобы смотреть фильм.

— Сад денег не приносит, но он приносит счастье, — мягко возражал Маликов. — Надо думать о людях.

Было это в 1927 году. Потом, через десять лет, ему пришлось повторять свои слова опять, только перед оппонентами, обладающими властью и непреклонной решимостью бороться со всем, что не укладывалось в рамки инструкций. Четыре скромные пальмы к тому времени превратились в гордых красавиц и были уже не одиноки. Под крышей кинотеатра «Октябрь» (так он назывался теперь), стояла целая тропическая роща — фикусы, араукарии, филодендроны, хамеропсы, лимонные деревья.

Маликов держал взволнованную речь:

— Вы говорите, что моя работа требует больших расходов и что если при каждом кинотеатре иметь такой сад, то в стране не на что будет строить новые кинотеатры. Я согласен, что всюду это делать, может быть, и рано. Но когда через пятьдесят лет наши люди смогут позволить себе разбивать зимние сады повсеместно, пусть они приедут в Астрахань и посмотрят, как это делали до них.

И Маликов снова каждую ночь уходил из дома. Он включал свет и надевал рабочий халат. Появлялись его помощники — дежурные работники «Октября», городские любители-садоводы. Закончив под утро уборку, Маликов садился на стул контролера и начинал мечтать:

— Скоро, в сорок втором году, старшей пальме будет сто лет. Вы знаете, — строго смотрел он на помощников, — что финиковые пальмы зацветают в столетнем возрасте?

— Значит, мы будем есть финики? — поражался кто-нибудь помладше.

— Да, но плоды — не главное. Главное для нас — косточки, семена пальм, выросших в искусственных условиях. Они дадут нам возможность получить второе поколение, более приспособленное к комнатной атмосфере. Они облегчат труд сотням цветоводов.

Но в сорок втором году пальмы не зацвели. В городе, как и во всей стране, стало очень тяжело с продуктами, транспортом, топливом. Чтобы как-то перебиться, люди выращивали за городом картошку, овощи. Для садовника из «Октября» это было невозможно: ему катастрофически не хватало времени на сад, который медленно погибал.

Зима в Астрахани, городе континентального климата, бывает лютой. В сорок втором году кинотеатр «Октябрь» исключили из списков предприятий, которые снабжались топливом в первую очередь. С осени Маликов укрывал деревья опилками, укутывал кошмой. В бессонные ночи он бегал по пустому кинотеатру

с термометром в руках и тихо ругался. Директор Пильщик боялся по утрам приходить на работу. Обычно скромный, сдержанный, Маликов набрасывался на него, хватал за рукав и тащил к пожелтевшим за ночь хамерописам.

— У нас что, военное предприятие, да? — отчаянно отбивался Пильщик. — Ты хочешь, чтобы я пошел просить мазут? Кто мне его даст?

Наступили первые холода, и по приказу директора в кинотеатре стали ночевать все сотрудники. Несколькими раз в день они отправлялись за мазутом. Затем зажигали собранные со всего города керосинки и грелись вместе с садом.

— Вы знаете, как цветет финик? — очищая луковицы, негромко спрашивал своих товарищей садовник. — Довольно некрасиво. Такие оранжевые метелки. Но аромат! Это что-то неописуемое. Напоминает первые ландыши. — И всё невольно втягивали грудью чадный и студёный воздух фойе.

Затем долго, не раздеваясь, дремали. Сон был тяжелый, вставали с трудом. Однажды Маликов проснулся от гулко-го выстрела. Он вскочил на ноги и вздрогнул. Аквариум, стоящий вдоль стены, покрылся корочкой льда.

В мертвой тишине раздался еще один выстрел. «Водопроводные трубы!» — мелькнуло в голове. Он кинулся к пальмам.

Земля в них была мерзлой.

До утра беспрестанно грели воду на керосинках и обдавали ею землю и стволы. А утром Маликов пошел в обком партии. Первый секретарь Горлышев оказался таким же, как и он, небритым и усталым че-

ловеком. «Говоришь, Маликов? Давно хотел с тобой познакомиться, да вот, видишь, когда пришлось»...

На другой день в кинотеатр пришла комиссия из обкома. Ей было поручено выяснить, в чем нуждается «этот редкий по красоте и своему назначению сад». На третий день «Октябрь» дали топливо.

А пальмы зацвели уже после войны. Все было так, как предсказывал Маликов: и весенний ландышевый запах, и смешные рыжие соцветия, похожие на венерики... Сад еще больше разросся и стал напоминать джунгли. Люди, приходившие на очередной сеанс, разбредались между деревьями и качали головами: надо, давно надо расширяться.

В 1953 году горсовет пригласил ленинградских проектировщиков, а в 1955 году перестройка «Октября» была закончена. Он стал выше, светлее, много просторнее. Я был в новом здании. Совершенно прозрачное, оно напоминает аквариум, только мне не приходилось видеть аквариум с такими чистыми стенами. Над каждой из четырех старых пальм выстроили большой стеклянный купол. Летом купола снимаются, и издали кажется, что на крыше кинотеатра разбит сад.

А совсем недавно в город вновь прибыли ленинградские инженеры. Вместе с Маликовым они ходили по залам «Октября», что-то высчитывали, вымеряли. Пальмы растут, и через год они будут доставать головой потолок. Горсовет решил поднять кинотеатр еще на этаж или два. На сколько будет нужно.

Г. УСТИНОВ

Д. РИЗОВ

ЗАКОН ОБВОЛЬ- ЩИНЫ

Идут снега большие,
аж до боли светлы,
и мои, и чужие
заметая следы...
Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит буду и я...

Евг. Евтушенко.

1

«У меня свое, у тебя свое, у него... А вместе — это Родина», — записал однажды Михаил Михайлович Пришвин.

И вот я хочу рассказать, как пришла моя «своинка», о которой говорил Пришвин.

Началось с книги японского поэта Такубоку.

На северном берегу,
Где ветер, дыша прибоем,
Летит над грядами дюн,
Цветешь ли ты, как бывало,
Шиповник, и в этом году?

Какая тоска в стихах — щемит сердце! Щемит сердце и ведет меня к моему «северному берегу», где не гряды дюн, а гряды приуральских холмов, где нет прибоя океана, но есть прибой ржаных полей, в которых, если обладать воображением, можно купаться, плавая в настоящих волнах, и даже можно утонуть, упав спиной на теплое дно ржаного поля, и глядеть, не отрываясь, вверх, где прямо в голубом небе раскачиваются наливающиеся зерном колосья.

Такова уж поэзия — в ней чувство запрятано в детали, и оно отзывается в душах всех людей одинаково и в то же время по-разному. Такубоку тосковал о далеком шиповнике на далекой своей маленькой родине. И я затосковал о своей маленькой родине и вспомнил не шиповник, а ветлу.

Я хорошо знаю ее жизнь с первого дня по сегодняшней.

Жива была еще моя бабушка, сухонькая, подвижная старушка. Дед — очень давно, так что и представить трудно, — рисовал ее в деревенских церквях вместо божьей матери. Но я помню ее сухонькой, чуть горбящейся, и этот ее образ как-то не вязался с нашей семейной легендой.

С ней, с бабушкой, мы и пошли на водяную мельницу в трех километрах от городка на маленькой речушке. Я и сейчас вижу мельничный бревенчатый дом у омута, затерянный в огромных ветлах, таких же старых, как моя бабушка. С ветел в омут падали капли, оставляя на воде пузырьки.

Но сначала нужно было пройти длинную дорогу. Три километра. А мы с бабушкой были слабы и быстро уставали: она — растеряла свои силы за длинную жизнь, а я — не успел набрать.

И вот мы с остановками и с оглядками шли и шли.

Сначала обогнули холм, за которым особенно громко пели соловьи. Они гнездились в речной уреме, и песни их отражались холмом. Звуки настоящих песен и отраженных сдваивались и звучали раскатисто.

Здесь мы с бабушкой посидели на белом камне у дороги и послушали соловьиные раскаты.

Потом мы пришли на луг, изрытый воронками, заросшими мелкой травой. Здесь воевали красные чапаевцы с голубыми белочехами. Мы посидели с бабушкой у воронок и посмотрели, как парень катался на велосипеде, то ныряя вниз, то

выныривая с разгона наверх, чтобы снова нырнуть.

Потом мы отдыхали у залива, где по брюху в воде стояло стадо коров, а пастух с подпаском лежали на берегу, и рядом с ними тлели сухие коровьи лепехи, дабы отгонять дымком редких дневных комаров.

Так вот, не спеша, и пришли мы под плакучие ветлы, у которых рыбачил мой отчим. Мы сели наверху на обрыве и отдыхали. В плицах мельничного колеса шумела вода и, бурля, падала в омут. В садке у отчима плавали два голавля.

Бабушка вздыхала и весело глядела по сторонам на ветлы, на воду, на гусей...

Когда нам нужно было уходить, отчим срезал для бабушки три прута толщиной в большой палец.

Бабушка воткнула прутья во дворе: два у веранды, один у ворот, и прутья пустили корни.

А потом бабушка умерла, как, в конце концов, умирают все старики. Я уехал из родного городка и увез с собой печаль по маленькой родине. С тех пор мне часто видятся во сне эти мельничные ветлы, эти грачи и даже мельничные собаки. Каждый год я приезжаю домой, чтобы успокоить свою печаль, потому что если ее не успокоить, она начинает разрастаться и тогда портится настроение, а от этого плохо не только мне, но и окружающим.

И вот в один приезд я обнаружил, что два прута, те, что посажены у веранды, засохли. Там было слишком мало света. А третий, у ворот, раздался, отрастил толстые ветви и превратился из прута в ствол. Теперь это была молодая, красивая ветла. У нее не было вершины. Да это и понятно, ведь она выросла из прута, обрезанного с обоих концов.

Я подставил лестницу и увидел наверху, между ветвей, уходящих в стороны и вверх, заточенный наподобие карандаша сучок толщиной в большой палец моей руки. И вот тут-то слово Родина неожиданно обрело для меня определенный смысл, оно связалось с моим детством: со знойными, мягкими от пыли дорогами, ходить по которым босиком — наслаждение; с кустами необычайно пахучей и высокой полыни, на которую любят садиться маленькие синие блестящие жуки; с мудрой старушкой, чья жизнь, как прямая проселочная дорога, уходит в историю России, становясь все тоньше, пока не сойдет в перспективе на нет.

Дорога, по которой проходят только в одну сторону и однажды, там, где она кончается для старушки, — там начинается для меня.

И вот я иду вперед и, оглядываясь, вижу где-то позади бабушкины прутьики. Я иду и расту внутренне, и чем больше я вырастаю, тем больше дорожку той цепочкой, какой связана моя жизнь с прошлым, ну хотя бы посредством этой ветлы, на вершине которой среди толстых ветвей до сих пор цел заточенный ножом сучок, высохший и продутый ветрами, отчего не берет его так долго тлен и древесный червь.

Но если и возьмет (разве в нем дело?) — останется ветла. А если и ветлу расщепит шальная молния, то останется память при мне до последних дней жизни. Значит, до последних дней жизни я буду счастлив, ощущая дорогие глубины моего Отечества, уходящие во время, которому нет дна в человеческом сознании.

Лесной работник.

Даже в отдаленных деревнях, где русский язык меньше, чем в городах, подвержен изменениям, слово «обвольщина» вышло из употребления. Но это слово удивительно емкое. Его не заменить никаким другим. Обвольщина — это наши леса, воды, луга, все вместе, то, что называется угодыями, на которые нет никому запрета, которыми может каждый пользоваться и в равной мере заботиться. Потому что это принадлежит всем, не только людям сегодняшним, но и людям завтрашним.

Когда-то на Руси каждая деревня имела свою обвольщину. Была у крестьянина своя, личная земля. А у всей деревни была еще и мирская, общая земля. Но жители другой деревни этой землей пользоваться не могли. У них была уже своя обвольщина.

Революция всю землю России сделала обвольщиной. Так или иначе, каждая пядь ее служит всем людям и каждому в отдельности. Мы пользуемся нашей землей, и мы о ней заботимся. И от нас зависит, какой быть нашей Родине.

Закон обвольщины не даст никому слукавить. В его свете сразу видно: с какой целью делает человек то или иное в своей жизни, что движет им — то ли чувство любви к Родине, то ли чувство любви к себе, к своей маленькой выгоде.

Можно вылавливать мордой (есть такое рыболовное приспособление) налимов с икрой, и можно запускать в безрыбные пруды карпов, не спать ночи, карауля, чтобы в него не залез узколобий двуногий хищник с бреднем. Можно сутками охотиться за соловьиной песней с микрофоном и магнитофоном, чтобы люди, никогда не слышавшие ее, смогли послушать и полюбить свою землю еще больше. А можно тоже сутками охотиться на речушке за одиноким лебедем (как это было в одном из поселков Гайнского района), чтобы удить белоснежную красоту и приколотить гвоздями к стене огромное крыло.

Но теперь смысл слова «обвольщина», если это слово возродить вновь, стал бы неизмеримо выше и шире. Так же, как неизмеримо выше и шире стали запросы и возможности нашей жизни.

Я расскажу об одной своей поездке, а вы помните о законе обвольщины, и он сразу прольет свет на то, о чем я расскажу.

Три года назад я побывал в поселке Ильинском. Это старинный, с необычайно богатой историей поселок. Здесь учился одно время в школе живописи гордость русского зодчества, создатель знаменитого Казанского собора и других величественных зданий в Ленинграде Андрей Воронихин; здесь жили крупнейший ученый-лесовод России, выходец из строгановских крепостных А. Е. Теплоухов; самоучка-ботаник, профессор Пермского университета имени А. М. Горького П. В. Сюзев.

Одно перечисление этих имен рождает особое уважение к поселку, уголку нашей Родины, потому что это имена людей, которыми гордятся их соотечественники.

Мужчина, прилетевший сюда в командировку на одном самолете со мной, показал рукой на осколок леса, вклинившийся в поселок.

— А вот и чудная Кузьминка.

Да, это была Кузьминка — изумительный парк, созданный Теплоуховым. В нем было собрано более 400 разновидностей растений.

И вот что я увидел, побывав в этом «парке». Следы топора на вековых соснах и черные

следы огня: кто-то поджигал на теле деревьев смолу. Обломанные сучья двух кедрочай. Выпотанный кустарник. Засохшие деревья.

Потом я ходил по поселку.

Старые люди говорили мне, что нигде не видели церкви большей красоты, чем та, что стояла в Ильинском. Работа Воронихина. Изумительная архитектура...

Среди поселка красовалась груда развалин.

Тогда же я увидел над братской могилой жертв гражданской войны небрежный обелиск и в скверике, где эта могила, заросли сорняков.

Люди допустившие это, скажут, что они любят Родину, что чувство Родины — знакомое им чувство. Но закон обвольщины сейчас же ставит вопрос: «Что же вы любите в Родине? И что для вас Родина?»

Действительно, что?

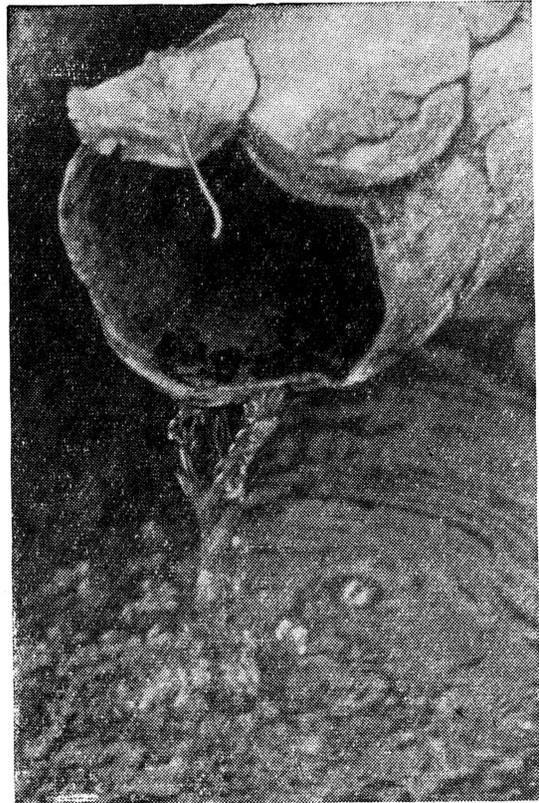
Я спрашивал у местной молодежи о Теплоухове, Сюзеве, Воронихине — никто толком не смог ответить, что это за люди.

Не время беспощадно ко всему, что дорого нам, а люди, лишенные подлинного чувства Родины.

Может быть, вы скажете, что это редкий случай?

Вот что написал в редакцию пермской газеты «Молодая гвардия» член президиума областного Совета общества охраны памятников старины и культуры А. Шарц.

«Нам, старшему поколению, больно смотреть как в Путино Верещагинского района вместо окая-

Так начинается Кама,

мленного сосновым бором пруда, с лебедами летом, такими редкими в наших краях,— сейчас болото и запустение; как на месте огромного пруда с тихими тенистыми заводями в селе Сива сейчас пасутся козы, в этом же селе разрушено здание церкви, построенной по проекту замечательного русского архитектора И. И. Свиязева; как вместо уникального ботанического сада в селе Красном (ныне оно в черте города Соликамска) торчат пеньки. Нет старинной церкви в селе Торговище, а это сооружение из лиственницы стояло больше 300 лет. Торчат зловеще и уныло камни гор Губахи, когда-то покрытые вечнозеленой тайгой; не плещется уральская форель в реке Косью».

Это уже не случайность.

Люди с рыбьей кровью еще водятся на нашей земле. Они выпускают пруды у сел и деревень, разрушают старинные храмы, то есть делают то, что определяется русским словом «пакость».

Вот еще один случай, с которым мне пришлось столкнуться в деревне Петино. И хоть здесь не спускали прудов, не убивали лебедей, но то, с чем я встретился в этой деревне, имеет одни корни с тем, что я видел в Ильинском и о чем писал А. Шарц.

Здесь живет старый учитель Сергей Дмитриевич.

Есть у него соседи, что за глаза зовут его помещиком.

— Живет, как барин. Колодец в огороде, арбузы выращивает, сад развел!

Слыша это, соседские ребята чуть ли не все лето блокируют его огород и сад. Старому учителю тяжело. Его душит эмфизема легких, кровавое давление и одиночество. Он живет один,

если не считать кошки да собаки. Летними ночами учитель спит с открытым окном, чутко вслушиваясь в шорохи — караулит от разорения свой уже порядком нарушенный сад.

Иногда мальчишки по ночам все-таки залезают в сад, и тогда трещат ветви яблонь и хрустят под ногами хрупкие стебли георгинов, на которых Сергей Дмитриевич ставит опыты, собираясь вывести новый сорт.

Однажды собаку ударили камнем по голове, и она с тех пор болеет. Потом в углу двора захламляла старая черемуха: кто-то у самого корня ободрал кору. После по всей усадьбе разбросали старую обувь. И все в общем-то потому, что соседи не могут простить ему сад, георгины, арбузы, ландыши (на сотни километров вокруг, кроме как у него, не найти этих цветов) — все это «чуждость», все это «барство». Почему ландыши, а не картошка, как у них?

Ах, как это знакомо, хотя бы по тем же чеховским рассказам... И когда сегодня сталкиваешься с подобным, становится не по себе.

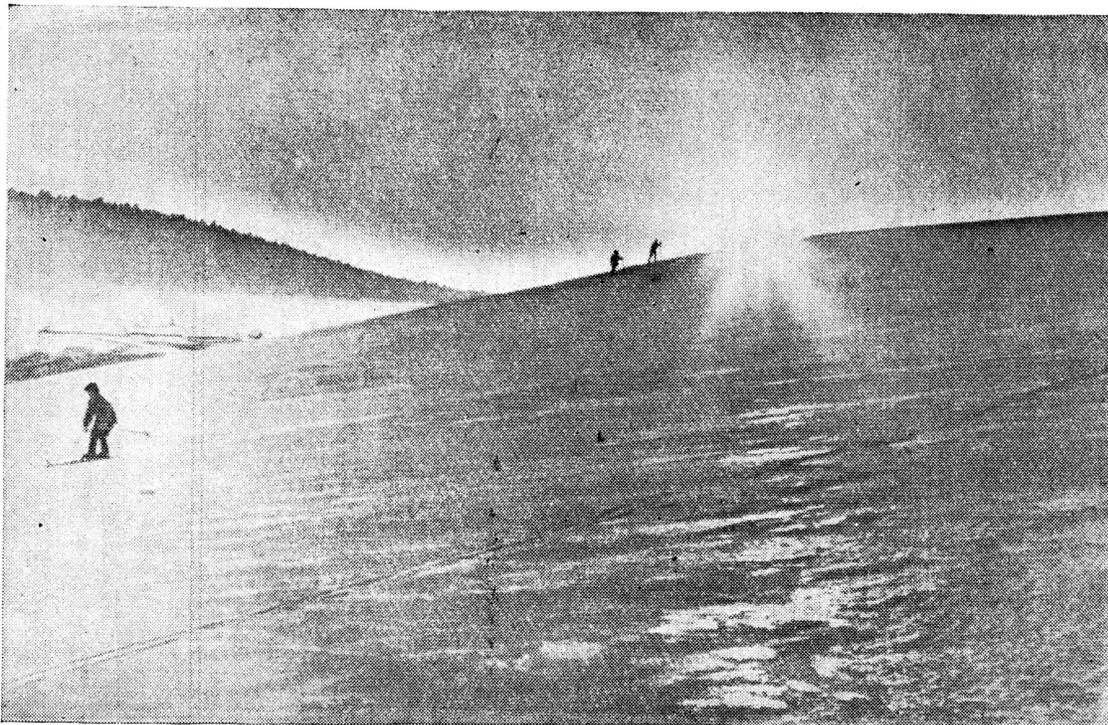
Нужно уважать человека уже за одно то, что этим сельским мальчишкам он много лет подряд дарил знания, приобщал их к высотам культуры. Его нужно уважать и за то, что он создает вокруг себя в меру своих сил красоту. С его клумб преподносили в районном центре приезжим артистам георгины. Пройдут годы, и вспомнятся, быть может, этим артистам не аплодисменты мальчишек и их родителей, а георгины старого учителя.

Я не называю ни одной фамилии преследователей, их и без того оставили на место. Дело в другом.

Аплодисменты и хулу раздавать просто, для этого не нужно много усилий, достаточно сотрясе-

Февраль — ветродуй,

По насту.

ния воздуха с помощью языка или ладоней. Делать добро за плату в рабочее время — слишком мало. Ведь мы создаем общество, в котором слова: творчество, доброта к человеку и работа — станут словами одного смысла. Навстречу этому нужно идти изо всех сил, чтобы соединение в одно целое доброты к человеку, творчества и работы — было уделом каждого. И не важно, какой облик примет соединение этого у меня или у тебя, важно, что ты своей добротой, своим творчеством служишь людям.

Как это выглядит не на словах, а на деле?

Алексей Домнин, писатель, живущий в Перми, в своих бесконечных хождениях по лесам собирает корешки и делает из них, используя природную конфигурацию, персонажей романтических книг. У него эти фигурки стоят рядом с книгами на стеллажах.

Чудачество? Нет. Эти фигурки навевают воспоминания о походах, являясь связью между ним и лесом, между ним и поэзией. Так рождается творчество. И кто знает, не оно ли именно оборачивается его книжками, а те, в свою очередь, служат людям.

Вся наша жизнь пронизана такими связями... Журналист Василий Песков писал о Борисе Вепринцеве, который подарил людям великолепные записи голосов птиц в природе. Они помогли, и еще долго будут помогать людям все больше и больше узнавать Родину, любить ее.

От уважения к человеку идет уважение к земле, на которой он живет, и к тому, что он создает на этой земле. Вот когда мы все будем уважать человека, тогда и храмы, созданные им, будут радовать взоры людей, и лебеди не будут шаркаться в небо, увидев человека. И чувство Родины придет в каждое сердце.

...Нет, закон обвольщины не даст слукавить. Он, как рентген, просвечивает каждого из нас, и в его свете каждый на виду.

Кто ты? Что стоит за тобой?

Каждый должен ответить на эти вопросы. И чем раньше, тем лучше. Потому что если каждый будет отвечать на них в преклонном возрасте, вряд ли от этого будет легче и окружающим людям, и нашей Родине.

А для начала давайте внимательно приглядимся к себе и к людям. Давайте заглянем в сад к «чужаку»-соседу и в наш общенациональный «сад». Не наш ли старый башмак лежит на его клумбе?

3

Тропинки, протоптанные по земле простыми людьми, пронизали вдоль и поперек всю нашу Родину. Сколько пересечешь их, пока топчешь свою тропу. Сколько встреч! И каждый идет своей тропой от чего-то своего.

Покопайтесь в памяти и обязательно вспомните дорожное для вас место вашего отправления в путь. Вспомните всю вашу жизнь, а точнее ту часть, что уже прожита, и увидите, что вас неотступно сопровождает Родина. Она — то во взгляде встречного человека, то в строках полюбившейся книги, то в ненароком подслушанном разговоре. Не перечислить всего. Родина многолика. Ее нужно только увидеть.

Однажды меня удивил мальчишка. Самый обыкновенный, каких много в любом поселке.

Кричали петухи. Огромное солнце закатывалось за кромку леса. Он смотрел неподвижными глазами на остывающее солнце и вдруг сказал: «Петухи магнитные. Утром они прокукарекают, намагнитятся и притянут солнце. Вечером прокукарекают и размагнитятся».

С тех пор я узнал, что петухи моей Родины магнитные. Что это они виноваты в восходе и закате солнца. Поэзия живет на нашей земле.

А в другой раз встретился я с обыкновенным пчеловодом, поговорил с ним, и вдруг Родина повернулась ко мне новой гранью, которую я раньше не замечал.

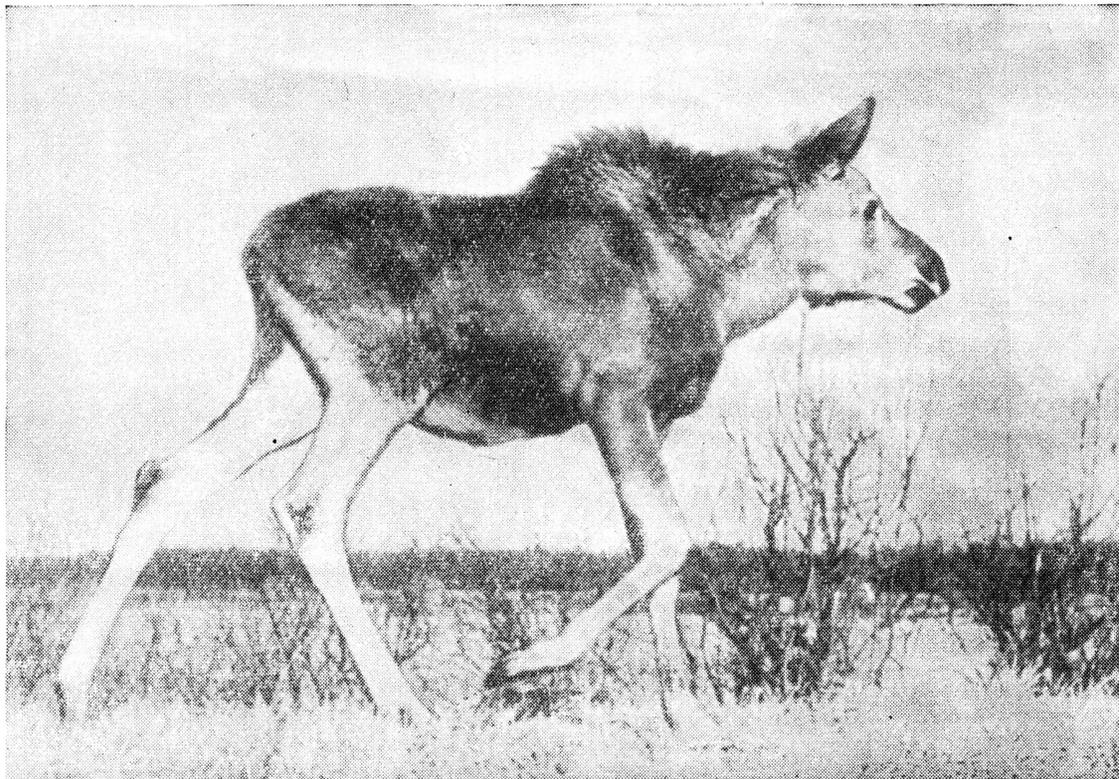
Было это так.

С простым человеком знакомишься просто: подошел, закурил, заговорил — и уже на столе у-

встречался с автором «Пчеловодства» Павлом Семеновичем Щербиной.

— Знаете, — заторопился он, — я ведь на его книгах выучился. Поначалу не знал даже, что такое вощина. Да разве я один — все наши пчеловоды. Увидите его — кланяйтесь от меня. Скажите, что пчеловод Виктор Михайлович Тарасов благодарствует Щербине за книжки его.

Так вот, оказывается, как устроена человеческая жизнь. Знакомился с чужим для меня цело-

За мамой...

решнее молоко в кринке и стопка желтых блинов рядом с учебником пчеловодства. После третьей сигареты пошла речь про беды, радости и надежды хозяина.

— По речке нефть пускают, — возмущенно кивнул он за окошко. — Ольха, ива цветут, а пчела туда не летит. Чуть потеплеет — такие испарения начнутся! Для пчелы вредно. Я уж хотел в газету писать.

— А народный контроль, — спрашиваю, — нефтяников, наверное, по головам не гладит?

— Да пчеле-то не легче от этого. Там вон, на горе, проткнули дыру и бросили, а нефть сочится.

И вот больно человеку, потому что не летит к иве и ольхе пчела. А когда одному человеку больно по-настоящему — значит обязательно больно и другому. И раз я рядом с ним в эту минуту, значит я и есть тот человек, которому тоже больно.

60 А потом мне радостно, потому что горят глаза у пасечника, когда он узнает, что я однажды

веком, а оказалось, что он никакой не чужой, раз у нас даже общие знакомые есть. Оказывается, что все мы, люди, сцеплены друг с другом и все зависим друг от друга. И это тоже Родина. Это ее закон.

4.

И все-таки каждый, даже самый прожженный сухарь, любит свою землю. Спорить против этого бессмысленно. Только у иных эта любовь рвется наружу, а у иных таится в глубине хилым ростком в панцире эгоизма. Говорят, что все люди, без исключения, заброшенные волей судьбы на чужбину, болеют тяжелой, неизлечимой лекарствами болезнью — ностальгией.

Пермская писательница Ольга Александровна Волконская еще до революции ребенком попала за границу и вернулась на родину уже в пожилом возрасте. Она сказала как-то:

«Я выросла среди людей, лишенных Родины. Моя жизнь пропиталась их смертельной тоской... И вот раз, осенью, в Перми я пошла на Комсо-

мольский проспект. Солнце, прохладный ветер, старуха-береза с обломанной верхушкой. И ощущение громадного, сказочного счастья!

Россия! Советская Россия! Любовь ты моя!»

В поселке Пельмин-Бор, затерянном в тайге Коми-Пермяцкого округа, на берегу черной реки Весляны, прихрамывающий председатель леспромхозовского рабочкома Всеволод Николаевич Аникович говорил мне:

— Вот пройдет две недели, и начнется листопад. Смотришь на эту красоту — и начинаешь по-настоящему Пушкина понимать, и стихи его звучат по-особому.

Первый желтый лист упал в быструю воду. Первая блестящая паутина повисла в воздухе.

Это говорили люди, чуткие от рождения, а Ольга Александровна еще и пережившая страшную разлуку с Родиной.

Сергей Тимофеевич Аксаков в первой половине прошлого века писал:

«Не найдется почти ни одного человека, который был бы совершенно равнодушен к так называемым красотам природы, то есть к прекрасному местоположению, живописному далекому виду, величественному восходу или закату солнца, к светлой лунной ночи, но это еще не любовь к природе. Это любить могут люди самые черствые, сухие, в которых никогда не зарождалось или совсем заглохло всякое поэтическое чувство; зато их любовь этим и оканчивается».

Вчитайтесь! Слова Аксакова не только о природе. Они глубже. Они о Родине.

Да, всякий психически нормальный человек любит свою землю. Только для иных, к сожалению, чтобы почувствовать эту любовь, нужны особые условия...

Есть на нашей земле такие места, при встрече с которыми даже самые отчаянные шкодливые люди, циники вдруг притихают, углубляются в свои мысли, начинают думать о высоком, строгом, вечном...

Это происходит в тех местах, где пересекаются мысли миллионов людей, мысли, наполненные гордостью, уважением, благоговением. Таковы точки высоких духовных напряжений, святые места страны: Красная площадь с Мавзолеем Ленина в Москве; Дворцовая площадь и Марсово поле в Ленинграде; Брест со своей бессмертной крепостью.

Сама история обдает нас своим дыханием.

В прошлом году осенью я ездил на исток Камы. И вот, стоя под старой березой, у самых корней которой из-под двускатной замшелой крыши бьет тоненькая струйка воды, вспомнил дорогу сюда. Ехал я в кузове попутного грузовика, спрятав голову от ветра в поднятый воротник. Вечернее солнце ударило снопами света, словно мощным прожектором, в сентябрьский лес. Березы ослепили охрой, рябины вспыхнули багровым, осины затлели бледной желтизной.

Я думал о том, что здесь, у родника, даже самый обыкновенный человек, в буднях лишенный, может быть, чувства поэзии, становится поэтом, вдруг обращаясь словно к живому существу: «Привет тебе, Камушка!»

На истоке реки Камы была во время моего последнего посещения тетрадка, куда люди, приезжающие сюда, делали записи. Я листал эту тетрадку, и чувство Родины сквозило из каждой записи, вписанной в нее.

О, если бы это чувство люди не забывали здесь, а забирали с собой в обратный путь, согревая и растя его в своих душах! Ведь и Кама, начинаясь с маленького родника, вырастает в могучую реку.

Вот некоторые из этих записей.

«Здравствуй, Кама.

Что можно сказать о тебе? Мы даже не представляли, что ты начинаешься с этого колодца. Даже не верится, что такой маленький ручеек превращается дальше в большую, могучую реку. Мы увидели, что такое место, как исток Камы, нужно выделить по-особенному, а не так, как в этом году. Здесь нужно посадить деревья и вообще это место сделать красивым».

«Пройдя много километров, мы очень устали. Но, несмотря на это, настроение отличное! Мы все удивились, когда увидели, что такая великая река начинается ручейком.

Нам всем понравилось это место. Погода очень плохая. Идет снег. Все замерзло, но никому не хочется уходить отсюда».

Под этой записью стоит 13 подписей.

«Ура! Мы у истока Камы!

Привет тебе, Камушка!

Летели мы на поезде с ветерком, мчались на дрянном автобусе и шли пешком. Но поклониться тебе хочет каждый, потому нам не страшны большие расстояния. Здесь, под русской березой, клянемся ширить и множить свои знания о родном крае, как ширится и становится полноводной сама Кама».

И таких записей много. Целая тетрадь. И, говорят, есть еще другие, ранее заполненные и прибранные для сохранения.

Ольга Александровна Волконская, о которой я упоминал выше, писала:

«Береза и рябина прелестны и нежны во все времена года: весной, когда почки раскрываются и листва кажется зеленым прозрачным облачком; в разгар лета, когда они стоят густые, тенистые, щедрые; осенью, когда береза — бледное золото, а рябина — красный костер; зимой, когда обе набрасывают на себя драгоценное белое кружево инея. Вы об этом подумали, северяне?

Любовь к родному краю, к родной природе — это вовсе не узость кругозора, не тупое восхваление всего своего.

Мое глубочайшее убеждение — что без любви к родным краям нет и не может быть полноценной, здоровой жизни».

Вспомните, что писал Аксаков, сравните со словами Ольги Александровны и посмотрите еще раз новыми глазами на записи из тетрадки: «Под русской березой клянемся ширить...»

Какой глубокий смысл за всем этим! Здесь не о картинках природы, на которые с равнодушной позевотой смотрят эстеты, идет речь.

Давайте вообразим на мгновение Каму гигантским деревом. И вот мы на ее истоке, на ее макушке, вознесенной на гигантскую высоту. А внизу, под нами, миллионы людей с их радостями и трагедиями, внизу шумят десятилетия, века, исторические события, которые, наконец, создали тебя таким, какой ты есть сейчас.

Давайте вырвем маленькую кусточку того, что шумит и волнуется там, внизу. Вырвем наугад, что попадет под руку.

Вот уникальная пермская деревянная скульптура — наша национальная гордость.

Вот первые в России пароходы сошли в Камскую воду со стапелей Пожвы.

Вот нефтяная скважина, положившая начало второму нефтяному Баку.

Вот прочные солдатские каски, которыми Прикамье прикрыло голову армии во время Великой войны.

Можешь тянуть такую цепочку очень долго, но все равно не вытянешь всю.

Так вот откуда берется высокое напряжение истока, которое роднит его с Красной площадью. Не с этой ли высоты поэт Ярослав Смеляков написал пронзительные строки:

И современники, и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущение
шагов истории самой.

Она свою тьмой и светом
меня омыла и ожгла.
Все явственней ее приметы,
понятней мысли и дела.

Мне этой радости доньше
не выпадало отродясь.
И с каждым днем нерасторжимей
ее преемственная связь.

Как словно я мальчонка в шубке
и за тебя, родная Русь,

как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

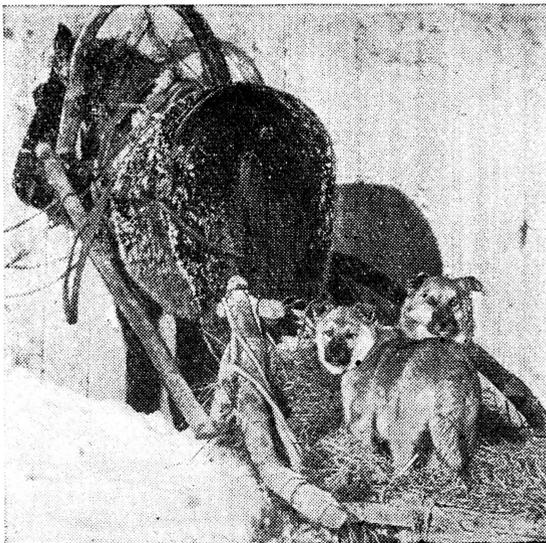
Нельзя жить, не любя свою землю, не благоговей перед памятью ее прошлого, быть равнодушным к ее природе, к внешнему облику теперешних сел и городов, к лесу и воде, к животным, населяющим их; нельзя пить из колодца великой культуры нации и плевать в него.

Есть непреходящие ценности, которые копятыся из века в век, от поколения к поколению. Их нельзя промотать, потому что, промотав, уже не возместишь ничем. И на первом месте среди этих ценностей стоит чувство Родины, лишенный которого, человек похож на болотную березку. Ее корни, пробив дряблый торф, висят в пустоте. Это березки-карлики. Их жизнь достойна сожаления. Они гибнут, даже не дав здорового потомства.

Ты трижды счастлив, если познал силу своей любви к Родине. Помните слова Михаила Михайловича Пришвина? «У меня свое, у тебя свое, у него... А вместе — это Родина».

Пусть каждый своей жизнью пишет свою книгу, большую или маленькую, насколько хватит сил, таланта, о Родине, о матушке России.

Фото Д. Ризова, А. Потапова и И. Крысова.

ТИМТ И ТОМТ

У Терентия Сенклетича — две собаки. Имена он им дал престранные: Тимт и Томт. Но в деревне их называют по-своему: Тим-Том.

Собаки как собаки, — и от лаек в них ничего не было, и от сеттеров тоже. Вот немного разве кровь гончих примешалась: Тимт и Томт гоняли зайца здорово. И белку с глухарем облаивали при случае.

Однажды поехал Терентий Сенклетич в соседний колхоз. И собаки с ним. Возле Черной балки наскочили они на крупного беляка и погнали его. Перелесок огласился собачьим визгом.

Терентий Сенклетич тоже не выдержал, соскочил с саней, ругает себя, что ружье не взял. А собаки зайца прямо на него выгнали. Увидел беляк человека, сиганул в сторону.

Когда зайца второй раз на него выгнали, Терентий Сенклетич кнутом запустил в него. Третьего раза не стал ждать, плюнул на все, сел на сани и поехал.

Прошло часа два. Терентий Сенклетич уже справился с делами и сидел, попивая чай, у кума, когда прибежали Тимт и Томт. Увидели знакомые сани, впрыгнули туда и, сердито поглядывая на чужих, стали дожидаться незадачливого хозяина. Вот тогда-то и попали собаки в объектив фотоаппарата.

И М 250 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

В древние времена раки, как и сейчас, жили в морях, в засоленных лагунах и озерах. Шли тысячелетия, вода высыхала. Из ила, соли, ископаемых животных и растительных остатков образовывались горные породы.

В наши дни, разведывая полезные ископаемые, геологи находят на поверхностях слоев горных пород, в линзах гипса и ангидрита ископаемых животных и растения.

К северо-западу от Магнитогорска возвышается гора Кремневая. Она сложена в основном белцветными мучнистыми породами, и поэтому ее видно издалека. Юго-западный склон горы состоит из серовато-зеленых, бурых известковистых глин, песчаников и кремнисто-карбонатных пород. Они образовывались, как правило, на дне соленых озер и лагун, в которых водились древние раки. Ископаемые остатки их мы здесь и нашли.

По мнению профессора биологии Московского университета имени М. В. Ломоносова Л. Я. Бирштейна, древние раки близ Магнитогорска жили с конца среднекаменноугольной эпохи и до середины пермской эпохи — около 250—290 миллионов лет тому назад.

Остатки ископаемых раков в породах горы Кремневой мы обнаружили в основном на поверхностях слоев кремнисто-карбонатной породы. Это свидетельствует об очень коротком времени их существования. Массовое отмирание раков произошло в связи с резким изменением климата.

Многочисленные примеры усыхания некогда многоводных соленых озер известны и сейчас. Интересный случай произошел с озером Эйр. Он описан Бенгом Даниельсоном — автором популярной книги «Бумеранг». Советский читатель знает его как спутника норвежского ученого и путешественника Тура Хайердала в знаменитом плавании на плоту «Кон-Тики».

Озеро Эйр, расположенное в центральной части Австралии, хотели убрать с карт, так как оно со дня его открытия (1840 год) до 1949 (более ста лет) было совершенно безводным. Летом 1949—1950 годов в Австралии произошли катастрофические наводнения, вызванные длительными проливными дождями. На месте сухого озера Эйр возникло огромное море, окруженное зеленым лугом. Вдоль берегов кишели чайки, лебеди, утки, масса насекомых. В воде и на дне, по-видимому, жили многочисленные животные и растительные организмы. Полуметровый слой соли — дно сухого озера — был растворен целиком. Годом позже водоем наполовину высох. В северной части на обнажившемся глинистом дне снова отложилась соль, а в южной содержание соли в воде оказалось в семь раз больше, чем в море. Трава, птицы, насекомые (кроме ос) исчезли, вдоль берегов лежали тысячи кроликов, отравленных солью.

Как знать, возможно, древних раков, которых нашли мы на Урале, постигла такая же участь?

Г. ВЯЛУХИН, кандидат
геолого-минералогических наук

**ИЗЪ
ВУКИ
ВЪДИ**

ПОЧЕМУ ЛОШАДЬ НЕ БЕЖАЛО?

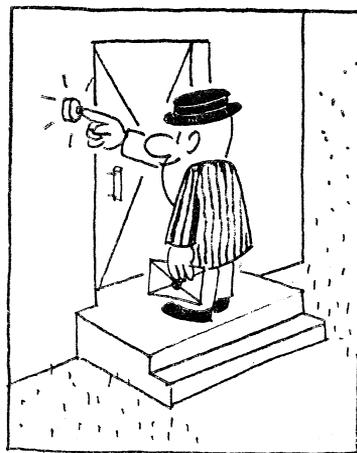
Мы с вами совершили маленькое путешествие в страну загадок и чудес — этимологию¹. Грамматика — не менее увлекательная страна.

Кто этому поверит? — скажете вы. — Склонять, спрягать — и в школе надоело. Стол, стола, столу, столом, о столе... Читаю, читаешь, читает... Конь бежал, лошадь бежала... Зевать хочется — настолько все обычно и привычно.

Но если вы дадите себе труд чуть более внимательно присмотреться к грамматике, как окажется, что в ней масса непонятого и удивительного. Вот, например, изменение слов по родам: красный, красная, красное. Эти прилагательные характеризуют существительное: красный цвет, красная роза, красное сукно.

См. «Уральский следопыт» №№ 1, 2, 3, 4.

ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Изменяются ли по родам существительные? Да, некоторые. Например: лев — львица, волк — волчица, летчик — летчица, ткач — ткачиха, учитель — учительница. Но можем ли мы сказать: стол — столыха, карандаш — карандашиха? Нет. По родам изменяются только одушевленные существительные и то не все: «инженер Попов» и «инженер Попова»; «врач Максимов» и «врач Максимова» (слова «инженер» и «врач» по родам не изменяются).

Почему прилагательные изменяются по родам все без исключения, а существительные — не все? Потому что прилагательное означает признак предмета, а существительное — сам предмет. Прилагательному приходится приспосабливаться, «приоравливаться» к существительному или, как говорят, согласоваться с ним в роде, числе и падеже. Мы не можем сказать «синяя цветок», «синий речка», а — «синяя речка», «синий цветок», «синее небо». Но почему цветок — мужского рода, речка — женского, а небо — среднего? Об этом школьная грамматика молчит. И научная, изучаемая в вузах, тоже молчит.

А дело в том, что грамматический род — очень древнее явление. Оно отражает взгляд на мир наших далеких предков. Видимо, у них были какие-то причины считать речку существом «женским», а цветок — «мужским», озеро — «средним», не мужским и не женским. Но эти причины забыты. Поэтому часто бывает так, что в одном языке слово может быть мужского рода, а в другом — женского и наоборот. Так, в русском языке слово **закон** мужского рода, а в латинском — лекс — женского; **ложка** — у нас женского рода, а в немецком — мужского — дэр леффэль; **нож** у нас мужского рода, а в немецком дас мэссэр — среднего; по-нашему **часовой** мужского рода, а по-французски ла сантинэль — женского.

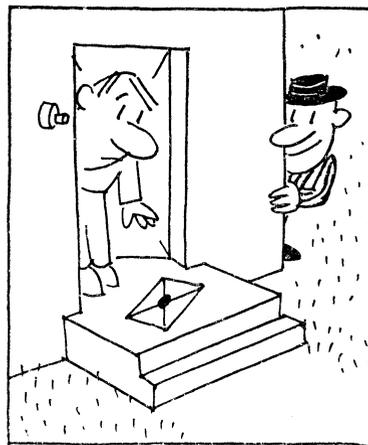
О чем это говорит? О том, что род очень древен. Его истоки теряются во мгле первобытных времен. По-видимому, люди тогда делили все вещи по признаку важности, полезности. Наиболее необходимые, полезные предметы выделялись в особую группу: то, что пригодно в пищу, — корни, клубни, плоды съедобных растений, некоторые насекомые, черви, рыба, грызуны, а также орудия труда и охоты — нож, скребок, копье, молот, стрела. В другую группу выделялось все то, что приносит вред, — ядовитые растения, змеи, хищные звери, опасные болота, бурные реки, грозы с молниями, крутые берега с каменными осыпями, зыбучие пески. Полезные вещи составляли один ряд, вредные — другой. И слова, обозначающие их, имели, вероятно, какие-то отличительные признаки (может быть, особые окончания или приставки, а то и целые слова, указывавшие, полезен или вреден предмет: банан — полезен — он; змея — вредна — она).

Постепенно круг понятий расширялся и усложнялся. Люди начали выделять третью разновидность вещей — для них не вредных и не полезных: звезда, холм, муравей, песок, некоторые камни и растения... Вместо двух родов стало три: полезный, вредный, безразличный. Но многообразие и пестрота природы и человеческой жизни не укладывались в эти рамки. Поэтому с течением времени были созданы новые родовые группы: род движущегося и род неподвижного (человек, тигр, обезьяна, червь, ветер, река, солнце — с одной стороны; камень, гора, дерево, земля — с другой); род большого и сильного (слон, горный обвал, баобаб) и род маленького и слабого

(мышь, трава, горошина, капля); род длинного (тропа, веревка, копье) и род короткого (тыква, подошва, корзина). С возникновением религиозных представлений стал выделяться род земного и род небесного, род обыкновенного и род священного, род доступного и запретного. В некоторых языках Африки и до сих пор свыше 20 родов.

И сейчас мы наблюдаем разное количество родов в языках: в русском, польском, немецком — мужской, женский и средний; в литовском и французском — только мужской и женский. Финский, татарский, армянский — не имеют родовых различий. Языки, сохранившие родовые различия, уже не объясняют, почему существительное относится к тому или иному роду (стул — к мужскому, табуретка — к женскому, кресло — к среднему). Для нас род имеет только грамматический смысл, а реального — не имеет. Мы употребляем грамматический род лишь для согласования: деревянный стул, деревянная табуретка, деревянное кресло. В русском языке родовые различия еще довольно сильны. Всякая ошибка в согласовании нам режет слух. Когда мы слышим, что человек, плохо владеющий русским языком, говорит большой ложка, мы поправляем его: большая ложка. Для нас эта древняя категория жива. Она действует, управляет своей областью — согласованием между прилагательными и существительными. Мало того, она «пробралась» даже в глагол. Вот почему говорим — лошадь бежала, а не бежал или бежало, так как лошадь — слово женского рода.

В. ЖИТНИКОВ,
кандидат
филологических наук

ЗАГАДКИ ПЛЬЗЕНСКОГО ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Камил ПЕХЕР

В Западной Чехословакии есть город Пльзень, заложенный 670 лет тому назад по приказу короля Вацлава для охраны государственной границы. Основатель города Индржих нашел песчаную равнину у слияния трех рек, недалеко от королевского замка, и построил там город, для своей эпохи вполне современный. Его опоясывали реки и мощные укрепления. Все дома были каменные; широкие улицы пересекались под прямым углом. Первоначальная планировка города сохранилась и до наших дней. Что ни дом — то крепость: прочные, в несколько метров толщиной стены, два-три этажа под землей да три-четыре над землей, а в подвалах колодцы, которые, как утверждают легенды, соединяются таинственными подземными ходами. Старые дома перестраивались в течение нескольких столетий, колодцы и подземелья оказались ненужными новым обитателям домов, и про них постепенно забыли. Да и были ли они на самом деле? Пльзенские водолазы решили обследовать затопленные подземелья и выяснить, правду ли говорят легенды и в самом ли деле некоторые из этих ходов ведут за город, в бывший королевский замок Радине, что в двенадцати километрах от города.

Нашли такой подвал под историческим домом на Велеславиновой улице. Первый водолаз в специальном защитном костюме с ластами на ногах и аквалангом на спине нырнул в темные воды. За ним последовал второй. У обоих были фонарики в водонепроницаемой упаковке, на запястьях были укреплены часы и компасы.

Написано для «Уральского следопыта».

А мы остались на лестнице подземного хода. Над собой мы видели сырые своды из песчаника, а под нами — ступени в черную холодную воду. Воздух пропах плесенью, на зернышках песчаника трепетали капли воды, а в глубине поблескивали фонарики водолазов, но вскоре их свет исчез.

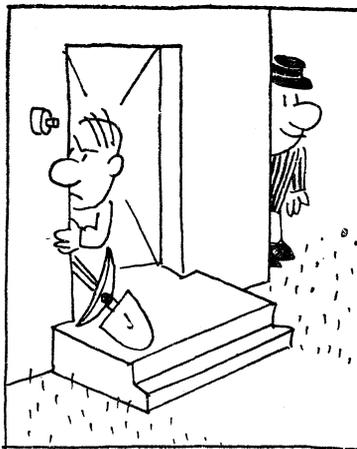
Минуты проходили в напряженном ожидании, сигнализационная веревка висела свободно. Сколько лет в эту воду не ступала нога человека? Что ожидает наших водолазов?

Мы нетерпеливо поглядывали на часы. Если наши разведчики вовремя не вернуться, то спустятся следующие двое, уже стоящие наготове. К счастью, опасения были напрасными. Вскоре в глубине заблестели лучи фонариков, и оба водолаза появились из воды. Мы тотчас же забросали их вопросами, но они сильно замерзли и отвечали кратко. Подземного хода они не обнаружили, путь по затопленному подвалу небезопасен.

Следующая пара спустилась с твердым намерением отыскать потерянный проход в подземный лабиринт. Но и их постигла неудача. Зато благодаря водолазам было выяснено, что фундамент дома № 27 по Безручевой улице в аварийном состоянии: почти все его опорные столбы обрушились в воду.

Сообщение водолазов вызвало нешуточную тревогу: ведь могли погибнуть исторические здания! Такое уже случалось, например, в Домажлицах пострадало несколько старинных домов. Жители, испуганные треском лопающихся стен, вовремя спаслись бегством.

К водолазам немедленно присоединились специалисты по укреплению каменноугольных шахт. Загадка пльзенских подземелий обернулась вдруг неожиданной стороной. Удалось достать старые

карты — может они что-нибудь подскажут? На одной из карт — 1910 года — нашли мы и подземелья, но, к сожалению, как потом выяснилось, обозначены они были очень неточно. На карте оказалось много несуществующих подвалов и, наоборот, мы нашли немало подземелий, которых на карте не было и в помине. Пришлось расспрашивать старожилов: не знает ли кто о ходах под домами исторического центра? Большинство старожилов утверждало, что в детстве они катались на корытах по подземелью в сторону площади или музея, которые находятся на месте бывших крепостных стен. А может, именно из этого подземелья идет ход к замку Радине? Опустились водолазы в указанные подвалы, и... опять неудача. Правда, был обнаружен какой-то узкий ход в подвале дома в садах Конецкого, но это был скорее всего старый канал, ведущий в реку. Доказательство — живая рыба, найденная в нише. До конца хода добраться не удалось — он был завален обломками кладки.

Между тем вовсю разворачивались спасательные работы. Специалисты-горняки установили, что продвижение вдоль стен в подвалах сравнительно безопасно. Они простукивали стены в местах обвалов, указанных водолазами, укрепляли разрушенные места.

Обычно подвалы оказывались затопленными водой или засыпанными обломками стен. Водолазы обмеривали их и наносили на план. Где фундамент пришел в аварийное состояние, строители выкачивали воду и бетонировали поврежденные места.

По первоначальному плану подвалов должно было быть 198, но оказалось, что их гораздо больше, и список далеко не закончен.

Выяснилось, что существуют еще тайные подземелья. Под обычными подвалами, в которых жители хранят уголь, картошку и другие запасы, часто мы находили еще один, а порой и два этажа подземелий, образующих под городом целый лабиринт. В этом лабиринте водолазы обнаружили всевозможную рухлядь: сгнившие тюфяки, пепел, кости, бутылки. Но наряду с этим попадались и средневековые сосуды для воды и другие находки, весьма заинтересовавшие историков и археологов. Иногда находки были совершенно неожиданные. Так, в подвале дома № 8 по Безручевой улице были найдены четыре живых караса величиной сантиметров в пять. Как они туда попали, когда подвал не связан ни с рекой, ни с другими подвалами?

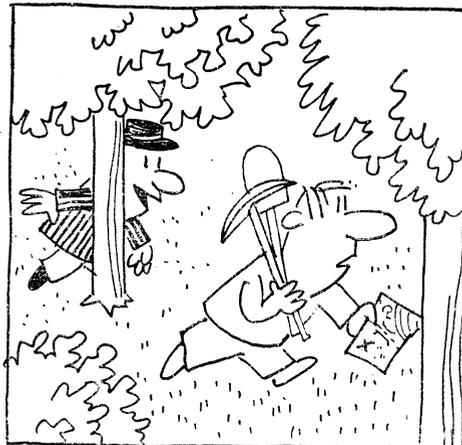
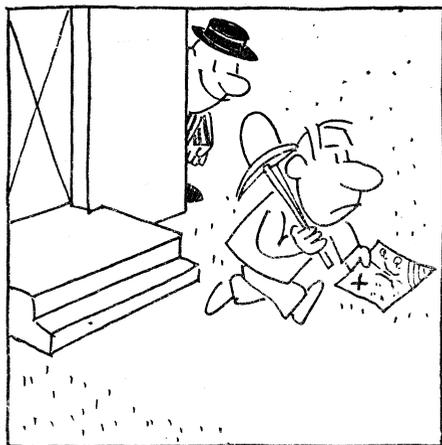
Но главную загадку — откуда под Пльземем взялось подземное озеро — водолазы все же разгадали. Все дело было в колодцах, которые наши предки устраивали в подвалах для осушения.

Ныне вода поднялась по скважинам и затопила подземелья. В колодцах накидан всякий мусор, а входы в большинство подвалов вообще оказались замурованными, чтобы дети не могли заблудиться в сложной путанице коридоров. Сейчас подвалы чистят и приводят в порядок.

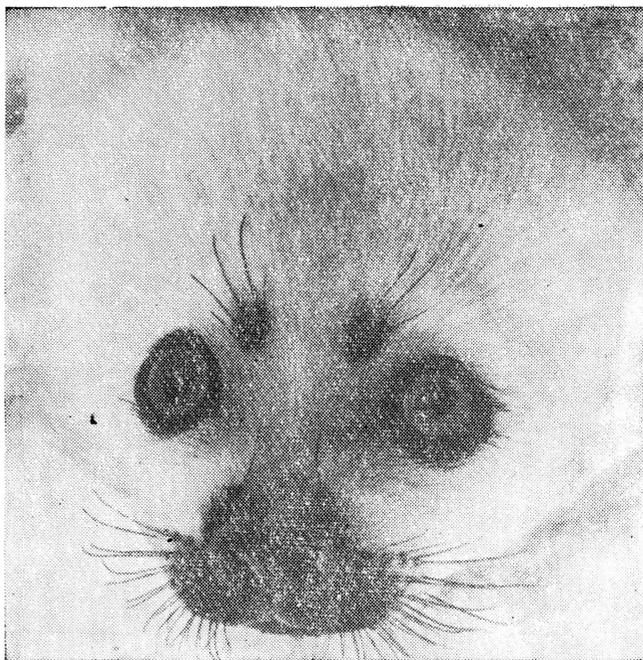
Так, благодаря исследователям-водолазам пльзенцы вовремя узнали об опасности, грозившей историческому центру города и жизни людей.

А в отремонтированных обширных подвалах будут устроены винные погреба, пивные в старинном средневековом стиле, а также торговые склады. Забытые подземелья будут снова служить людям.

Перевод с чешского В. Рутминского

ЛЬВЫ, КОТИКИ, АНТУРЫ И ОКЕАН

Маленькие «котята» очень забавны.

Летом на Курильских островах шум и гам. Кричат чайки на карнизах скал; урчат, забравшись в норы, красноносые топорки; пошныстая, перелетают с камня на камень чистики; «столбиками» сидят кайры; носятся глупыши, чем-то испугнутые; взлетают стаи конюг; прямо с камней ныряют бакланы — крики, писк и гул прибора.

И вдруг птичий гомон перебивает рев сивучей — огромных морских зверей. «Наряд» взрослого сивуча особой красотой не отличается. На нем светло-рыжая шкура — с жестким и редким волосом. На морде красуются полуметровые усы. Зато у самцов на шее — гривы. Из-за этих грив сивучей называют морскими львами.

Взрослые самки живут под надзором грозных самцов-секачей, живут группами, называемыми гаремами. Нелегко бывает самке получить «разрешение» секача сойти с лежбища в море покормиться кальмарами и рыбой. Подозревая недоброе, секач злится, самке приходится пускаться в ход ласку и хитрость.

Летние лежбища сивучей располагаются на каменистых уступах, которые возвышаются над водой порой на десятки метров, и при всей своей кажущейся неуклюжести они взбираются туда с удивительной ловкостью. В случае же опасности звери бросаются в воду с высоких скал. Спасаясь от преследования или просто резвясь, они выпрыгивают из воды, и тогда кажется, что они летят над волнами, широко расправив ласты. А весит такой прыгун иной раз больше тонны.

Но особая ценность дальневосточных островов — морской котик, ближайший родственник сивуча. У него веретенообразное туловище с коротким, всего несколько сантиметров, хвостом. Морские котики носят очень богатую «шубу». Красивые котиковые меха — самые долговечные

среди мехов, высоко ценятся на мировом рынке.

Дальневосточные котики почти восемь месяцев в году живут вдали от родных берегов — в море. И все это время звери проводят на плаву. Чаще всего котики держатся небольшими компаниями, охотятся за рыбами, кальмарами. Отдыхают и спят котики на спине, выставив вверх ласты или положив их на живот. Нежась в лучах солнца, зверь переворачивается, шевелит лапами, непрерывно почесывается, поднимает голову. Осмотревшись и не заметив опасности, котик засыпает. Частенько в качестве «подушки» котики используют плавающие предметы — бревна, ящики, пни, бамбук. А неженки «почивают» даже на мягкой «перине» — плавающих морских водорослях. Так и проводит котик весь день лежебокой. Но трудно бывает им, когда по морю гуляет шторм. В такие дни не до сна. Знай ныряй, спасайся на глубине от волн.

Но вот море отбушевало и стихло. После шторма котики, покачиваясь на волнах, вновь спят безмятежным, мертвецким сном.

Когда в море приходит весна с дождем и густыми туманами, котики с зимних «квартир» перебираются к родным берегам — туда, где они родились. Первыми в дальние странствия отправляются отцы семейств — секачи. Путь их не близок. Надо проплыть от берегов Кореи до острова Тюленьего, что вблизи Сахалина, а иным странникам надо добираться до скал Курильской гряды и Командорских островов.

В апреле-мае, достигнув лежбищ, самцы в ожесточенных драках начинают делить между собой «жилплощадь», а отвовав ее, ждут прихода самок, которые в это время находятся еще в пути.

Около середины июня начинают прибывать и самки. Секачи встречают их, каждый стремится «сосватать!» как можно больше «невест». В это

время между секачами происходят кровопролитные бои.

Маленькие черные «котята» очень забавны. Они гоняются друг за другом, лазят на скалы, преследуют птиц или, собравшись ватагой, начинают озорничать с отцом — кусают, щеко-чут или катаются с него, как с горки.

Только в августе, вылиняв, «котята» начинают учиться плавать. А в октябре они вместе со взрослыми уже покидают острова, отправляясь в океанские дали.

Без сомнения, до 1963 года котики были самыми интересными тюленями. А три года назад их славу затмили антуры. Открыл этих новых тюленей сотрудник Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии, уроженец уральского городка Карабаш Алексей Никифорович Белкин. Причем нашел он их на считавшихся хорошо обследованными Курильских островах.

И вдруг птичий гомон перебивает рев сивуча.

Впрочем, слухи о необыкновенном морском звере доходили до ученых и раньше. Еще в 1871 году путешественник А. Полонский упоминал, что жители Курильских островов — айны — знают какого-то загадочного тюленя. Называют они его антуром. Семьдесят лет спустя японский исследователь Т. Инукаи сообщил, что в его руки попала шкура совершенно странной окраски, принадлежащая, очевидно, еще неизвестному тюленю.

Прошло еще два десятилетия. Участники различных экспедиций за это время пешком и на специальных судах обошли все острова Курильской гряды. На скалистых берегах им встречались сивучи, морские котики, ларги, каланы, сотни тысяч птиц, но нигде они не обнаружили нового животного. Может быть, оно вымерло?

Нет, антур не вымер. Просто его искали не там, где он живет.

Тюлень Белкина, по-видимому, — коренной островитянин. Его не прельщают дальние странствия, равнодушен он и к плавучим ледяным полям. Круглый год антур обитает на земле: у ниш отвесных берегов, на рифах, на неприступных небольших островах. Лежища он себе облюбовывает в местах, защищенных от ветра и прибоя.

Мех животного почти черный, с яркими белыми кольцами, — такой окраски нет ни у одного тюленя. Длина тела — около двух метров. Морда у антура горбоносая, пасть вооружена мощными зубами, но характер тюленя, по рассказам А. Н. Белкина, самый мирный.

Антуры долго сопровождают моторные боты ученых, только в открытом море прощаются и уходят опять к острову.

Г. КОСЫГИН, научный сотрудник Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии

Открыл новых тюленей А. Н. Белкин.

О КНИЖНОМ

ЗНАКЕ

Это было в Сибири лет пять назад. Один из студентов привез мне старую книгу в переплете из толстой воловьей кожи. Корки от времени покоробились, кожа вытерлась, титульный лист вырван. Я с большим трудом установил название книги — «Псалтырь следованная». Издана она была более трехсот лет назад.

Студент рассказал, что книжку он отобрал у ребятшек в деревне. Как она попала к ним — не поинтересовался.

Но случайная находка обратила внимание еще и «дополнением» к ней. На обороте переплета был наклеен похожий на большую почтовую марку печатный ярлык со словами: «Из книг Г. М. Рождественского».

«Любопытно,— подумал я,— у владельца кни-

ги, очевидно, была целая библиотека: не стал бы он для одной книги делать специальный печатный ярлык».

Выбрав свободный день, мы со студентом выехали в село, разыскали мальчишку, у которого была взята книга, и тот рассказал, что добыл ее на церковной колокольне.

По шатким, скрипучим лесенкам мы поднялись на колокольню давно уже бездействующей церкви. Какая-то труха, комья затвердевшей земли и глины, по всем углам седая паутина... Там среди хлама я нашел еще несколько редких старинных книг. На каждой из них были ярлыки владельца — неизвестного мне Г. М. Рождественского.

Не будь на корках «Псалтыря» этого ярлыка, книжного знака или, как еще называют его, — экслибриса, вряд ли пришло бы мне в голову предпринимать поиски остатков старой библиотеки.

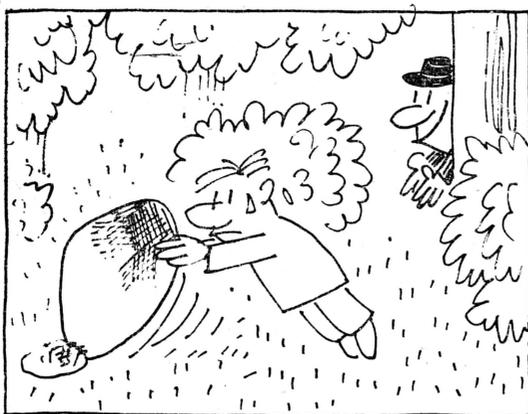
А вот что рассказывает коллекционер экслибрисов Б. А. Вилинбахов.

Один ученый, работая в библиотеке Академии наук, обнаружил на страницах старинной книги по математике карандашные пометки. Вникнув в них, он удивился: записи представляли совершенно новый для XVIII века подход к решению задач по баллистике. Это была неизвестная страница в истории науки. Но кому же принадлежали эти пометки? Кто автор оригинальных мыслей?

Ключом, с помощью которого удалось проникнуть в тайну прошлого, оказался книжный знак. На нем был воспроизведен герб владельца книги. Установили, что это герб одного из сподвижников Петра I — генерал-фельдмаршала Якова Брюса, имевшего очень большую по тому времени библиотеку.

Так книжный знак помог раскрыть интересную и важную страницу истории.

Но главное назначение экслибрисов, конечно, не только в том, чтобы натолкнуть коллекционера редких книг на путь поисков. Книжный знак издавна ведет борьбу с порчей книги — со штампами, всевозможными надписями. Грубый каучуковый штампель, как бы скромн он ни был, все же портит книгу, уродует ее внешний вид. Возьмите в руки с библиотечной полки любое мало-мальское старое издание. Вы не найдете на титульном листе живого места. Три-четыре штампа различных биб-

лиотек, инвентарные номера, которые не украшают книгу.

Когда же родились первые книжные знаки? Еще исстари у владельцев библиотек появилось желание чем-то отметить свои книги. И они отмечали их простыми надписями типа: «Книга попа Родиона Сидорова, сына грешного и недостойного», «Из книг И. Макарова». Затем вместо надписей стали делать на переплетах оттиск герба или инициалы владельца библиотеки. А затем появились и первые экслибрисы — наклейные ярлыки.

До недавнего времени считалось, что в России книжный знак появился лишь в XVIII веке. Но научный работник, ленинградец Н. Н. Розов обнаружил экслибрисы (правда, сделанные от руки) на книгах XV—XVI веков, принадлежавших Соловецкому монастырю.

При Петре Первом, когда в Россию стало прибывать много иностранцев, да и русские стали чаще ездить в Голландию, Германию, Англию, где книжный знак процветал издавна, — экслибрисов в России прибавилось. С развитием грамотности, с увеличением частных библиотек их стало появляться все больше и больше.

Два деятеля культуры разных мировоззрений, профессий, даже с разных континентов, по-своему охарактеризовали книжный знак.

Английский художник Крэг:

«Это для книги то, что ошейник для собаки... На ошейнике значится: «Я собака Смита». Замените слово «собака» словом «книга» и прибавьте какое-нибудь украшение, и книжный знак или экслибрис готов».

А народный поэт Латвийской ССР Ян Судрабалс заметил:

«Листки экслибриса велики, но мир, который они раскрывают, огромен».

Содержание книжного знака, заключенное в форму миниатюры, по-своему раскрывает жизнь человека. Ведь темы, идеи, мотивы экслибриса так же разнообразны, как многогранна и сама жизнь. Единоборство человека с силами природы, развитие техники, науки, искусства, борьба за свободу — все находит место в маленьком книжном знаке, отображающем интересы владельца книги.

Своеобразен экслибрис библиотеки М. Горького: мускулистый человек стоит на пьедестале, изображающем книгу; он ломает бич — символ угнетения человека человеком. Тут же реют черные птицы. Так образно показана борьба Человека с черными силами самодержавия.

В книжном знаке народного писателя Латвийской ССР Андрея Упита изображены фигуры рабочего и крестьянина. Они поддерживают арку из книг, символизируя связь одного из лучших представителей латышской литературы со своим народом.

На экслибрисе активного борца за мир писателя Николая Тихонова изображен голубь; экслибрис Юрия Гагарина воспроизводит земной шар и летающую «ракету», сложенную из книг.

В рисунке книжного знака мы очень часто видим воспроизведенную книгу — источник света, знания, мудрости. Тамбовскому коллекционеру Н. А. Никифорову американский художник Рокуэлл Кент выполнил экслибрис, изобразив человека с открытой книгой, от листов которой излучается свет. Художник ростовчанин А. Д. Силин на книжном знаке Ф. М. Удалова изобразил средневекового алхимика с раскрытой книгой и колбой, а на экслибрисе книголюбца Проскурнина — Ивана Федорова у своего станка.

Некоторые экслибрисы отражают край или область, где живет художник или владелец библиотеки. Так, в ряде знаков нижнетагильского художника Р. В. Копылова изображается прошлое

См. стр. 78 →

и настоящее Урала; на книжных знаках Алексея Юпатова — уголки родной ему Риги.

Нередки случаи, когда экслибрисы создаются по мотивам народных сказок и легенд. Так, художник А. Силин выгравировал книжный знак, в котором изобразил средневекового рыцаря, проигрывающего дьяволу свою душу. Художник-кемеровчанин В. Зверев в книжном знаке Э. А. Сироте нарисовал прекрасную фею возле каменного цветка.

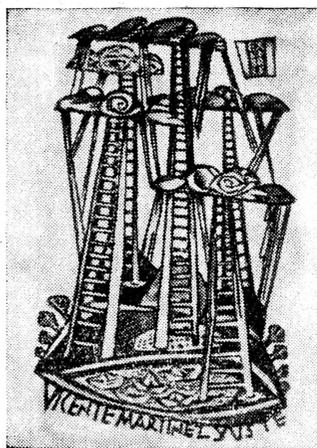
Часто экслибрис указывает на профессию владельца библиотеки или на его увлечения. Так, более пятидесяти лет собирал все, что касается истории русской армии, Александр Михайлович Макаров. Химик по профессии, он помещал все свои сбережения в уникальный домашний музей. Книги по истории армии, флота; рукописи, автографы командующих русской армией в 1812 году. Есть у него документы, подписанные собственноручно Петром I. Одних только книг у Макарова накопилось более 6.000 экземпляров. И на всех этих книгах — экслибрисы с изображением 12 фигурок солдат в мундирах различных времен — целая история русской армии.

Всю свою жизнь Александр Федорович Отто посвятил разысканию и сохранению пушкинского наследства. Он даже и псевдонимом взял себе имя героя романа — Онегин. Жил Отто с 1860 года за границей, был дружен с выдающимися русскими писателями. Они дарили ему автографы Пушкина, редкие книги и другие документы. Когда в 1925 году Онегин скончался, его ценная коллекция была перевезена из Парижа в Советский Союз.

На некоторых книгах из библиотеки Отто-Онегина можно видеть любопытный экслибрис. У окна стоит стройная молодая девушка и выводит пальцем по стеклу две буквы — «А, О». Это воспроизведена картина М. О. Микешина, изображавшего Татьяну Ларину, основываясь на пушкинском тексте:

Татьяна пред окном сидела,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е.

Но от экслибриса, награвированного И. Песке, картина существенно отличается. На книжном знаке Татьяна выводит пальцем по стеклу не «О да Е», а «А и О», то есть Александр Онегин. Да

еще, чтоб хоть немного изменить рисунок Микешина, гравер перевернул его, изобразив Татьяну левшой!

Некоторые книжные знаки могут показаться довольно забавными. Так, на экслибрисах писателя Владимира Гиляровского имеется надпись: «Эта книга украдена из библиотеки В. Гиляровского». И Владимир Алексеевич не был одинок. Чтоб устроить возможных воров или забывчивых друзей, взявших книгу, некто Николай Иванови-

тью, художник исполнил экслибрис и сам наклеил его на книги покойного».

Книжному знаку начинают отдавать все большее предпочтение перед надписями и каучуковыми штемпелями.

Французский книголюб, боец Сопротивления Жорж Роман подарил нашей стране часть библиотеки. «Умирая, он не забыл о тех, кто в вашей стране любит французские книги,— писала вдова Жоржа Романа директору Всесоюзной государст-

Позняков на корешках принадлежащих ему книг поручал делать тиснение золотом: «Эта книга украдена у Н. И. Позн.» И хотя библиофил вооружил свои книги устрашающей надписью, это мало помогало сохранению собственности. Да и не очень все-таки тактична она.

Более симпатичны надписи, говорящие, что владелец библиотеки разрешает пользоваться книгами всем своим друзьям. Так, на одном старом экслибрисе, сделанном А. Дюрером для юриста Вилибальда Пиркгеймера, было написано: «Для себя и для своих друзей».

Экслибрис не только знак, указывающий на принадлежность книги определенному лицу. Это — произведение искусства. В художественном отношении это прежде всего — образ-символ. Поэтому почти каждый экслибрис, чтоб быть понятным, нуждается в раскрытии, в расшифровке. Вот, например, как раскрывает содержание книжного знака В. В. Гадалина коллекционер экслибрисов С. Фортинский. Знак этот выполнил Алексей Юпатов. (См. стр. 72).

«Унылый зимний пейзаж. Понурая лошаденка везет в старенькую церковку, через облупившиеся ворота, санки. Ожидаешь увидеть на них гроб. Но вместо него — книга с заголовком «Кузовок». История экслибриса такова. Владелец, автор детской книжки «Кузовок», просил художника исполнить ему экслибрис. Вскоре писатель умер и его книга осталась неизданной. Огорченный его смер-

венной библиотеки иностранной литературы.— Он выразил пожелание, чтобы 5.000 томов его личной библиотеки были присоединены к тем книгам, которые он подарил вам ранее. Мысль о том, что книги, собранные им, находятся в вашей стране, к которой он всегда питал такую любовь, доставляла ему бесконечную радость».

Книги поступили. И вот, чтоб выделить их, библиотека срочно напечатала десяти тысячный тираж экслибриса и наклеила знаки на книги, подаренные Жоржем Романом.

Кое-кому может показаться, что экслибрис — это чудачество нескольких владельцев личных библиотек, что пройдет каких-нибудь полсотни лет, и о книжных знаках будут справляться в толковых словарях, да в энциклопедиях. Но факты говорят о другом.

Недавно в Москве была устроена выставка, посвященная книжным знакам советских писателей. Выступавший на этой выставке крупнейший коллекционер экслибрисов доцент С. Фортинский привел такие цифры: за 500 лет, с XV века вплоть до Октябрьской революции, в России имелось 8 тысяч обладателей экслибрисов. А за 45 лет после Октября их появилось до 30 тысяч!

Юмореска

Рисунки Ю. Григорьева

Юрий НИКИТИН

Звездолетчик должен быть выносливым, смелым, отважным... И т. д. и т. п. и пр.

Это знают все. Но у звездолетчика должно быть еще одно качество: умение без предубеждения отнестись к самому невероятному факту. Ибо в космосе столько неожиданного, что человеку с готовыми схемами там просто нечего делать...

Я это хорошо усвоил, когда, подготовив дипломную работу, держал специальный дополнительный экзамен.

Двое из экзаменующих о чем-то шептались и не обращали на меня никакого внимания. Но третий, довольно-таки ехидный с виду старикашка, вдруг сказал:

— Вот вы в космосе... И вдруг встречаете... ну... скажем, самого бога. Как вы это объясните?

— Как галлюцинацию, — осторожно сказал я.— Или как воздействие космического излучения. Или как попытку Старших Братьев установить со мной контакт. Или... Как бога.

— Прекрасно, — обрадовался старик.— Пусть это будет именно бог. Вас не удивит, если он окажется... э... человекообразным?

— Сходные миры порождают и сходные формы жизни,— без запинки отпартовал я.

— А если это будет невообразимое чудище?

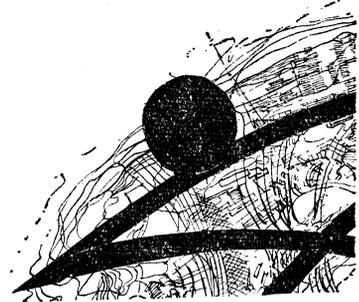
— Что ж, формы разумной жизни неисчерпаемы.

— Вы... э... не растеряетесь, если он предстанет перед вами в трех лицах?

— Я знаю, что такое дубли,— я позволил себе слегка обидеться.

— Так-с... Ну, а если он будет ходить по облаку, аки по суху? Или даже летать?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗАМЕН

Я пожал плечами.

— Мощное силовое поле всегда можно подогнать под форму облака. А что летает, так это объяснит любой, кто хоть немного знаком с теорией гравитации.

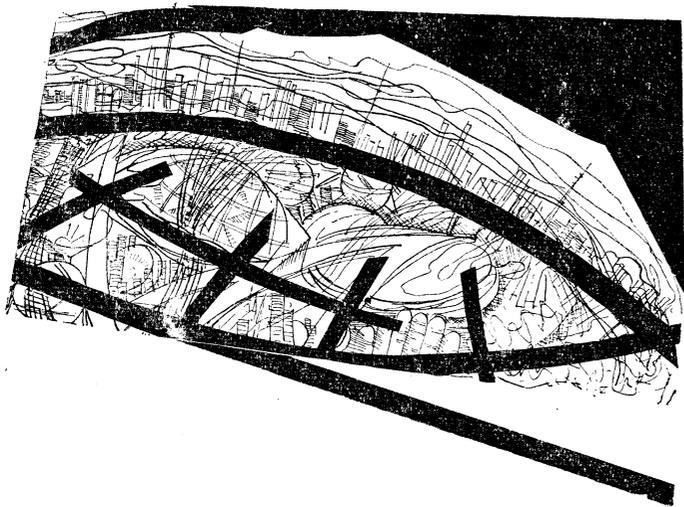
— А то, что он мгновенно переносит с планеты на планету, из галактики в галактику?

— Элементарная телепортация! Входит в Подпространство, Гиперпространство или Надпространство и выходит в нужном месте.

— Неплохо,— сказал старик.— А что, если он из ничего, прямо из воздуха, сотворит букет роз или, к примеру, счетчик Гейгера?

— Воздух—это вовсе не «ничто»,— заметил я снисходительно.— И хотя в космическом пространстве воздуха, как известно, нет, там все же остается рассеянный межзвездный газ, который состоит из тех же атомов, что и мы, и звезды, и все окружающее. Комбинируя эти атомы надлежащим образом...

Я объяснял ему, как самому тупому ученику из школы для слабоумных и недоразвитых. Но старика это не смутило. Он одобрительно пожевал сухими губами, подумал.

— Если он силой взгляда поднимает ваш звездолет, если движением бровей или мановением руки вызовет бурю, если мощью духа расколется гора...

— Я знаю, что такое телекинез,— преврал я его.

Старик поморщился, однако бодро продолжал, очевидно, не теряя все-таки надежды утопить меня:

— Если он скажет: я знаю твои мысли, человеке...

— Вам объяснить, что такое телепатия?— вставил я с улыбкой.

— Ему не требуется пищи...

— Замкнутый термоядерный процесс,— терпеливо подсказал я.

— Вас... э... не удивит, если он будет... э... не материален?

— Это было бы здорово!— оживился я и перешел в активное наступление.— Газовая или вакуумная форма жизни, энергетический сгусток или—еще лучше—из праматерии, доматерии или самих кварков...

— А нимб вокруг головы?..

— Титаническое напряжение мысли, флюиды энергетической мощи мозга, итог колоссальнейшей работы гипоталамуса...

Поток моего красноречия еще не был исчерпан, а старик уже замахал руками. Сдался, ехидна!..

— Отлично!— проговорил он, когда я, повинувшись, умолк.— Годен для Большого Космоса. Кстати, кто ваш руководитель?

— Профессор Прутиков,— сказал я.

— Могуч, ничего не скажешь!— заулыбался старик.— А еще говорят, что бога нет! Как, вы сказали, его фамилия? Прутиков? Ну, чем не бог! Кланяйтесь ему от меня. До свидания.

Быль-небыль о Тухлявом болотце

Евг. ПЕРМЯК

Не родился еще такой краснобай, который про наш Урал мог бы все былин-небыли пересказать. Потому что чуть не каждый день новые чудеса. Край такой. Пойдешь по грибы — найдешь золото. И следопытство у нас не просто так, а в крови. Наследственно. С малых лет. Другой пока еще ни «а», ни «бэ», ни кукареку, а уж присматривается. Ищет. Тетеревиное перо найдет — и то без внимания не оставляет. А уж про всякие другие находки и говорить нечего. Если разобратся, так и самый захудалый цветок зря не цветет, и сорока попусту не прострекочет. И настоящие искатели во все это вникают.

Таким вот и рос Васятка Копейкин. При бабушке Авдотье жил в старом доме, что возле Тухлявого болотца. Бабка у Васятки была сильно ногами слаба, а умом до того крепка да светла, что половина округи к ней за советами ходила. И лечила она к тому же. По старым распорядкам такую бы к ведьмам надо было приписать или уж, самое малое, в знахарках числить. А ее в народной медицине прославляют. И от кашля у нее верная трава, и от головокружения грибной на-

стой... И всякая разная всячина, вплоть до змеиного яда, до пчелиного укуса.

Лечила добрых людей бабушка Авдотьа. Себя только вылечить не могла. Круглый год сиднем сидела. В огород на коляске ездила. Коляской ее Москва наградила. За травы. За корни. А травы-корни ей внук искал. Она рассказывала — что, как и где, а он собирал целебное богатство, да еще новое открывал. Не нарадуется на него бабушка, да и соседи хвалили парня. По головке гладили. Не все, конечно.

В поселке жил другой искатель-открыватель. Гаврик Козырев. Большого замаха парняга. Во сне знатные клады земли видел. Не жалел ног на розыски. Собачонка его, бывало, язык высунет от усталости, а он ее дальше тянет. И где только не побывал Гаврик Козырев, а ничего такого не открыл, не нашел. А хотелось. И так-то хотелось, что сам себя готов наизнанку вывернуть, лишь бы клад. И не просто там известняк, скажем, или краситель какой, а — нефть, изумрудные россыпи и, на худой конец, — каменный уголь...

Зачем на мелочь себя разменивать,

медвежью берлогу находить или, того смешнее, лечебные корни выкапывать, как Васятка Копейкин. Одна фамилия что стоит. Живая метка. Копейкин он и есть Копейкин, а не Пятаков. Не Гривенников. То ли дело Гаврила Козырев!

Ходит козырем Гаврик Козырев, отцу-матери золотые горы сулит. А Васятка Копейкин своим грошовым делом занят. Во все вникает, все узнает, на ус мотает, с уса на ум-разум перематывает. Раздумывает. Прикидывает. Соображает.

Как-то старик-лесник совсем неподходящую побывальщину про Тухлявое болотце Васятке рассказал. Рассказал, будто в древней-преддревней давности сюда золоторогий хромой олень бегал. Ногу лечил. Волшебнo рассказывал лесник. Нараспев.

А потом как-то старушонка одна тоже небыль прошамкала. Опять про то же болотце. Будто не один олень, а и прочая недужная лесная живность исцелялась.

Смешно. И верить не верится. И выбросить из головы жалко. А тут еще пастух подвернулся. Одно на одно. Рассказал он, как у него в стаде корова обезножила и как она в Тухлявое болотце рывом рвалась, от стада убегала и, вроде того хромого оленя, в его тухлявой жиже-грязи нежилась.

— Неужели правда? — удивляется Васятка.

А пастух ему:

— Да вон же она, комолая. Раньше еле ноги таскала, а теперь хоть паши на ней.

Услышал такое Васятка и к Гаврику Козыреву побежал. Рассказал ему про чудеса на болотце и спросил:

— А вдруг это сушая правда?

Громко расхохотался Гаврюшка Козырев, сказал:

— Эх вы, Копейкины-Полушкины... Грошевики. Из своей болотной грязи вылезти не можете, пустобрехам разным верите...—и пошел-пошел всякие обидные слова говорить. А Васятка не слушает, о своем думает.

Думал он, думал и придумал так, что чуть не задохнулся от радости. К бабушке побежал и рассказал ей все, начиная с Золотого оленя, и стал ее упрашивать:

— Давай, бабонька, я болотной

жижи-грязи в большую кадушку ната-скаю, а ты ноги свои в нее ставь. И вдруг да...

— Попытка — не пытка, — говорит бабушка. — Давай.

День лечит в болотной грязи свои ноги бабушка Авдотья. Другой лечит. Ничем-ничего. Но про себя думает, что грязь — не мазь. Терпеть надо. Олень не один день на болото ходил. И комолая корова тоже не одну неделю туда бегала.

Прошло сколько-то не так уж мало дней, тепло бабушка почуяла в своих ногах, а через месяц — силу. Сама из кадушки ноги выпростала и по горнице пошла.

Вскрикнул Васятка. На колени пал перед бабушкой. Обнял ее. Болотную жижу слезами оmyвает. И бабушка тоже сквозь свое счастье ревмя-ревет. Не только ходячим ногам радуется, зрячим умом своего внука любит. Себя в нем видит. А потом...

А потом все как по писаному пошло. Ученые на Тухлявое болотце понаехали. Не сказку о Золоторогом олене проверять, не на комолую корову дивиться, — когда на глазах у всех сидячая Васюткина бабушка на своих ногах за грибами ходит.

Расчистили болотце, застолбили, оградой обнесли. Дома стали подыматься. И выросла богатая народная здравница. Славное название ей дали, а в народе ее по-старому зовут — Тухлявое болотце. И кто ни приезжает сюда, чтобы свои недуги в болотце оставить, хорошую молву о Васятке Копейкине увозит.

А недавно один хороший мастер, что здесь ноги себе вернул, порешил эту боль-небыль красками пересказать. Редкой сказочной росписью стены народной здравницы надумал разукрасить. Никого его даровитая кисть не обошла. Всем место нашлось. И Золоторогому оленю на болотце. И комолой корове. И доброй бабушке Авдотье. И, само собой, старательному следопыту Васе Копейкину... Теперь-то он уж Василий Кузьмич. В большие люди вышел, а норov тот же. Никакой пустяк не пропускает. Во всякую мелочь вникает. За это и любят его. И в молве чтят, и в сказках славят...

Рисунок Г. Метелева

ЧЕЛОВЕК ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

Впрочем, нужно ли обязательно по всей планете? Пермский художник А. М. Тумбасов ограничил себя сравнительно скромными пределами — совершил путешествие по Уралу, и даже не по всему Уралу, а лишь по той его части, которая называется Прикамьем или Западным Уралом, и доволен. Он даже утверждает, что «путешествовать хорошо не в дальние страны заморские, а по родному Уралу...» Можно спорить, насколько справедливо подобное утверждение, а можно и не спорить. Суть в другом: с какой целью человек шагает по планете, каким глазом смотрит он вокруг себя, что видит?

Свое отношение к увиденному-услышанному А. М. Тумбасов попытался выразить в книге «Эхо камня Говорливого»¹. Он — ее автор и иллюстратор. Совмещение в одном лице писателя и художника всегда любопытно и привлекает внимание.

Не знаю, молод или стар автор (не довелось повстречаться), но удивительной свежестью веет от всех страниц.

Можно позавидовать уменью А. Тумбасова видеть. Тургенев говаривал: талант — это деталь. В книге «Эхо камня Говорливого» хороши многие детали. Кто видел, как сорока ходит против ветра? «С крыльца слетела сорока, ее ветром занесло на крышу, она боком поскакала за ветер». Боком, слышите?

А вот описание вечера. «Солнце закатывалось в кучевые облака, последние лучи скользили по их верхней кромке. Воздух над землей сдавило, в поселке стояла духота, как в тесной комнате. У дома на проводе сидела деревенская ласточка. Мне хорошо было видно ее белый передничек и изящный, вилочкой, хвост. Ласточка тяжело дышала застоявшимся воздухом, она даже не повернула голову, когда мимо пролетела запоздавшая мошка. Вторую мошку ласточка проводила взглядом, но не тронулась с места. Подкрадывалась душная ночь...»

Вам доводилось наблюдать, чтоб ласточка тяжело дышала и отказалась от легкой добычи — мошки? А вот Тумбасов подсмотрел, запомнил и описал. Превосходно все описание.

И люди у Тумбасова все хорошие, простые, я бы сказал очень понятные, и у каждого что-то

свое, отличительное. Шофер лесовоза «казался совсем парнишкой и будто не работал, а переступал босыми ногами на педалях, как на горячем железе». А машинист электровоза «сидит важно, как кучер на козлах, и словно держит вожжи. Электричка повинуется ему — бежит то быстро, то тихо».

Доброта, душевная чистота и чуткость этих людей выразительно, но не назойливо проступают в незначительной вроде сценке (впрочем, у Тумбасова все сценки вроде бы незначительные, мимолетные, в том и прелесть книги) на станции Чикали.

«Рыжий кот Васька и собаки смотрят на хозяина.

— Избаловал ты «семью» свою, — говорит художник. — Собак перевозит в лодке на другую сторону, кота на печку подсаживает...

— Собачьи дела на той стороне, в лесу, — поясняет Леонид Ефимович, — а Васька старый, хуже, чем я...

— Потом собаки визжат, требуют подать лодку, и Леонид Ефимович плывет за ними, — рассказывает мне Серафим Александрович.

— А как же, теперь осень, вода холодная, вплавь они не идут, — оправдывается Леонид Ефи-

Рисунки О. Теслера

мович и тут же гонит собак: — Чего разлеглись? Пошли вон!»

И даже то, что он гонит, как понятно: ведь истинная доброта, часто прячется под напускной суровостью.

«Мелкий алмаз качеством выше» — объясняют автору герои, добытчики драгоценного камня. Невольно приходит сравнение: может, так и в литературе? Сколько чудесных метких деталей-блесков рассыпано на страницах, именно они и создают палитру книги, рождая какое-то славное, праздничное настроение при ее чтении. Мне кажется, у Тумбасова проявился в книге незаурядный дар бытописателя-новеллиста, умеющего подметить то, мимо чего пройдут другие. А это и есть то открытие, которого ждешь от каждой книги.

Из книги много узнаешь. Она краеведческая в лучшем и глубоком смысле этого слова. Невелики главы «Чермозский завод» и «Пожевские зарисовки», а из них узнаешь биографии двух старейших прикамских предприятий-ровесников.

Как гражданин, автор целиком с теми, кто определяет лицо родного края. Как художник и знаток архитектуры, а также ценитель и патриот уральской старины, вековой русской культуры, он не может не сказать и о том сложном чувстве сожаления и грусти, которые будят в нем неизбежные перемены.

Мотивом жизнеутверждения пронизана сценка «Старые тополя». Да, старое вынуждено уступать дорогу молодому, новому. Но «жутко смотреть, когда отживает свой век дерево, даже если оно старое или мешает». А если оно еще не старое и не хочет умирать? Если не пришел ему срок? И на наших глазах бульдозер, присланный повалить тополя, отступает, дерево победило... В этой сценке важный смысл. Вообще природа — главный персонаж книги, и персонаж действующий, активный.

Остается сказать, что очень украшают книгу рисунки, сделанные в легкой, непринужденной манере, расположены они на страницах свободно, «с воздухом», и это, как нельзя лучше, способствует ощущению того простора, которым веет от всего написанного Тумбасовым.

В книге есть примечательное место — разговор о веточке кедра. В зеленой кедровой ветви, в ее жизнелюбии и неброской, милой красоте, как в фокусе, сошлось все то, что хотел сказать автор своей книгой. Те же ноты, тот же душевный настрой звучит у него и в тот момент, когда он видит свежий спил кедра. «Невольно, — говорит он, —

я потянулся рукой и погладил свежую древесину, ощущая ладонью кольца жизни, будто морщины долголетия». Вот так же хочется погладить всю книгу.

Ну, и еще одна немаловажная деталь. В дни, когда на земле Прикамья отмечалась еще одна славная победа, еще один шаг в будущее — пуск второй на Каме могучей фабрики энергии — Воткинской ГЭС, был обнародован Указ о награждении гидростроителей. В длинном списке отмеченных орденами и медалями перечислялись поименно многие отличившиеся, с указанием профессии: бетонщик, прораб, монтажник, машинист экскаватора, шофер самосвала и... художник. Художник — А. М. Тумбасов.

В течение всего строительства Воткинской ГЭС он постоянно ездил туда, подолгу жил на стройке. Он писал портреты людей, делал беглые зарисовки, этюды. Сдружился с коллективом. Все знали его, и он знал всех. Художника считали там за «своего»; да он и вправду был свой, такой же творец и создатель, как и все они. Он тоже создавал «электрическую Каму», сразу по следам живых событий творил ее графическую историю. И награда была вполне заслужена им.

Кстати, точно так же он рисовал Камскую ГЭС — первую гидротехническую стройку на Каме. И там он был свой и желанный товарищ. Вместе со всем коллективом гидростроителей переживал трудности, радовался успехам, волновался: подспеют ли к сроку; видел со всем народом Каму и весь Урал не только такими, какие они есть, но и какими будут, должны стать; видел не только глазами, но и сердцем, самое главное — сердцем... Все, что происходило здесь, было пропущено через его чувства, согрето личным отношением к окружающему. Не в том ли секрет обаяния книги «Эхо камня Говорливого»?

Человек ходит по планете. Надо, чтоб он любил то, что видит его глаза, куда ступают ноги. Ведь все это — его Родина.

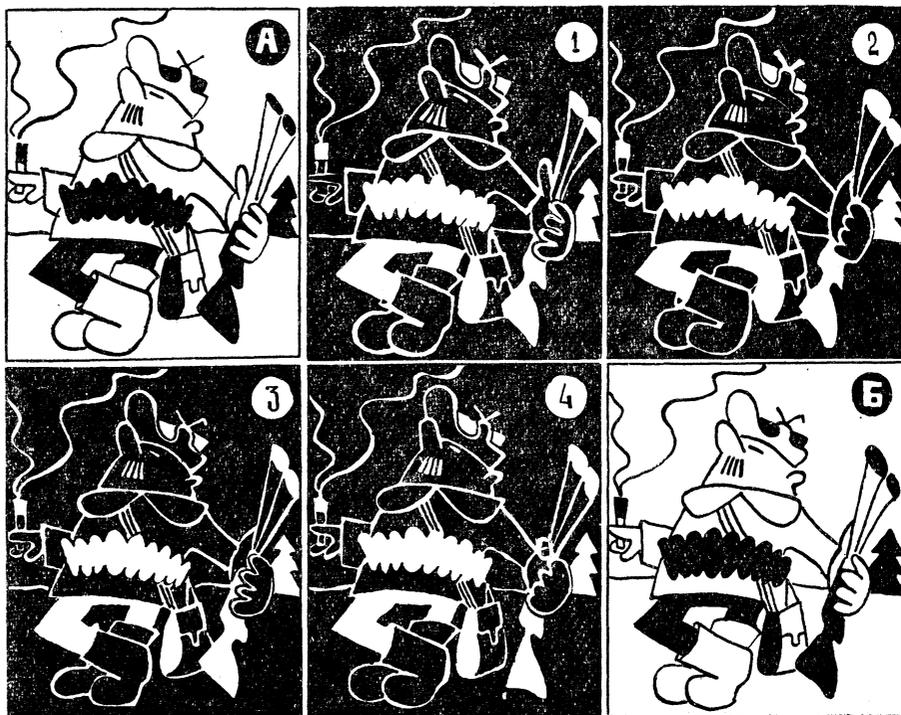
Прекрасным чувством Родины, неизбежной любви к ней наполнена вся книга «Эхо камня Говорливого». А. М. Тумбасов — художник и писатель — увидел радостный мир открытый в поездках по дорожному ему краю — Уралу — и поделился с нами своими счастливыми минутами. Скажем ему спасибо!

Борис РЯБИНИН

Смекай-ка!

Тщеславный охотник решил запечатлеть себя во всем облачении. Для верности фотограф сделал четыре снимка. С каких негативов отпечатал он две фотокарточки!

Рисунок-загадка В. СЕМЕНОВА

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 4

1. Сидящие в автобусе (по порядку — справа налево) на остановке стояли на следующих местах: 1 на 8 (отличительный признак — платок), 2 на 6 (сумка), 3 на 1 (без отличий, мужчина), 4 на 3 (черное пальто), 5 на 7 (пальто в крапинку), 6 на 2 (полосатое пальто), 7 на 5 (никаких отличий, женщина), 8 на 4 (усы).
2. Так разгрызает шишки белка.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова
 Корректор В. Бурангулова
 Адрес редакции: Свердловск, ТСП-353, ул. Малышева, 36,
 комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
 Средне-Уральское Книжное Издательство

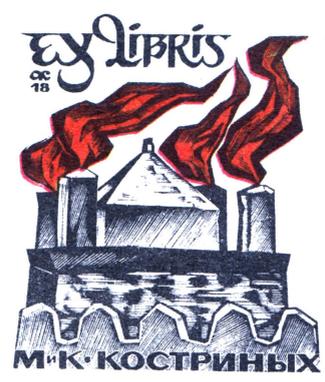
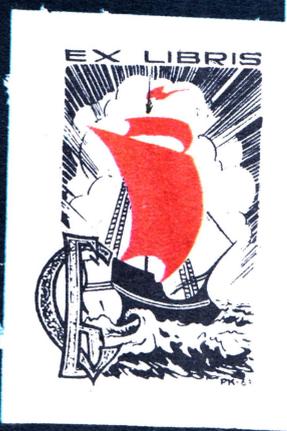
Подписано к печати 14/IV 1968 г. Бумага 84×108/16=
 =2,62 бум. л. — 8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 9,95.
 НС 14122. Тираж 115 000. Цена 30 коп. Заказ 138.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
 Свердловск, проспект Ленина, 49.
 Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской
 фабрике офсетной печати.

В номере:

ИДУ НА ТАРАНИ <i>А. Абрамов. Очерк</i>	1
В ПОХОД, ГЕОЛОГ!.. <i>Советы следопыту</i>	15
ЩИТ НЕТОНА <i>Е. Войскунский, И. Лукодянов. Фантастическая повесть</i>	17
СТИХИ <i>Муса Гали</i>	34
ОТ РАБОЧИХ СВЕРДЛОВСКА <i>В. Меньшиков</i>	36
АЛЕША ЖУРАВЛЕВ — ПЕРВЫЙ ЮННАТ	38
ВОРОТНИК <i>Н. Никонов. Рассказ</i>	41
ЗАКОН ОБВОЛЬЩИНЫ <i>Д. Ризов. Очерк</i>	55
ЗАГАДКИ ПЛЬЗЕНСКОГО ПОДЗЕМЕЛЬЯ. <i>Камил Пехер. Очерк</i>	65
О КНИЖНОМ ЗНАКЕ <i>Б. Челышев. Заметки</i>	70
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЭКЗАМЕН <i>Ю. Никитин. Юмореска</i>	74
БЫЛЬ-НЕБЫЛЬ О ТУХЛЯВОМ БОЛОТЦЕ <i>Е. Пермяк</i>	76
ЧЕЛОВЕК ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ <i>Б. Рябинин. Заметки о книгах</i>	78
ОБЛОЖКА В. ВОЛОВИЧА И С. КИПРИНА	

Читай рассказ о книжном знаке.

А. ДИАНЬИН (Кемерово)

ЧУЙСКИЙ ТРАКТ.

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

**Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ
(зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА,
А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ,
И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ,
В. ШУСТОВ**